

Серія «Твори пам'яткознавців»

Департамент культури і туризму
Харківської обласної державної адміністрації
Харківський художній музей
Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини
Харківська обласна організація українського товариства
охорони пам'яток історії і культури
Етнографічний музей «Слобожанські скарби» імені Г. Хоткевича
Національного технічного університету «ХПІ»
Харківське дворянське зібрання

Твори пам'яткознавців

Випуск III

Частина 1

Ювілейна збірка наукових статей
з пам'яткоохоронної роботи

видавництво
курсор
навчання техніка освіта

Харків – 2014

Головний редактор:

І. О. Шудрик, кандидат філософських наук, професор кафедри суспільних та гуманітарних дисциплін Харківського державного університету харчування та торгівлі.

Заступник головного редактора:

С. А. Бахтіна, завідувача відділом пам'яток історії Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини

Наукові рецензенти:

В. В. Шуліка, кандидат мистецтвознавства, доцент кафедри реставрації станкового і монументального живопису Харківської державної академії дизайну і мистецтв.

І. В. Чернікова, кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України, заступник декана історичного факультету Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди.

П68 Праці пам'яткознавців. Ювілейна збірка наукових статей з пам'ятко-охоронної роботи. – Харків: Курсор, 2014. – Випуск 3. Частина 1 – 260 с., 107 іл.

Шановні читачі. Перед Вами частина 1-а Третьої ювілейної збірки з серії «Твори пам'яткознавців», яка присвячена ювілею шістнадцяти наших відомих не лише у Харкові, а й далеко за його межами пам'яткознавців – М. О. Фесенко-Мороз, О. О. Іваницького, В. Д. Берліна, А. І. Булгакової, М. С. Васильєвої, В. А. Божка, К. М. Єфімової, М. І. Ігнат'єва, І. О. Шудрика, О. С. Булгакова, Г. В. Матвейшиної, В. В. Мизгіної, Л. Є. Пономарьової, В. Д. Ракитянської, В. О. Черноморця, Е. Б. Щербини.

УДК. [001+2+008] : 001.12 (477.54 / 62)
ББК 63.3 (4УКР51)я43
П68

ПЕРЕДМОВА

Очікувана третя ювілейна збірка «Праці пам'яткознавців» вийшла у світ. Її авторами вже традиційно стали ювіляри, на цей раз: М. О. Фесенко-Мороз, О. О. Іваницький, О. С. Булгаков, В. Д. Берлін, А. І. Булгакова, М. С. Васильєва, В. А. Божко, К. М. Єфімова, М. І. Ігнат'єв, І. О. Шудрик, Г. В. Матвейшина, В. В. Мизгіна, Л. Є. Пономарьова, В. Д. Ракитянська, В. О. Черноморець, Е. Б. Щербина, І. І. Говорова, Т. І. Данильченко, В. В. Сидоренко, А. Т. Щедрін, С. А. Бахтіна, М. В. Мозговський, В. Г. Биков, В. К. Вохмянін, Т. В. Кобзєва, М. В. Ручкін, М. М. Красиков, Л. Б. Ровчак, В. В. Стрілець, Т. В. Паньок, П. О. Черномаз, А. А. Шепель, В. В. Черкаско.

33 пам'яткознавця Слобожанщини – історики, філологи, біологи, геологи, мистецтвознавці, священнослужителі, філософи, економісти, інженери-конструктори, інженери-механіки, військові. Серед них громадські інспектори з охорони культурної спадщини Харківської області, члени Консультативної ради з питань охорони культурної спадщини Департаменту культури і туризму Харківської обласної державної адміністрації. Вони активні учасники пам'яткознавчих конференцій: «Слобожанські читання», «Пам'яткоохоронні традиції Слобожанщини»; автори наукових збірок: «Культурна спадщина Слобожанщини», «Пам'яткознавчі погляди молодих вчених ХХІ ст.».

Вони відновлюють історичну пам'ять і повертають із забуття імена наших співвітчизників, бережуть пам'ятки матеріальної і нематеріальної культури, пам'ятки рухомі і нерухомі, пам'ятки історії, мистецтва, археології, містобудування і архітектури, мови і усної народної творчості. Вони, практики і теоретики, прищеплюють любов до історії і культурної спадщини рідного краю, передають свої знання наступним поколінням.

Своєю благородною працею ці дослідники роблять внесок в розвиток культури, допомагають встановити цілісну історію, подолати кризу духовності.

Так, професори І. О. Шудрик і А. Т. Щедрін на сьогодні – перші і єдині дослідники історії видання першого в Російській імперії богословсько-філософського журналу «Вера и Разум», який виходив у Харкові з 1884 по 1917 рр.

Низка відомих дослідників вивчає історію своєї Малої Батьківщини, долі співвітчизників, своєї родини, з-поміж яких О. О. Іваницький, В. О. Черноморець, І. І. Говорова, К. М. Єфімова, учасник Великої Вітчизняної війни М. О. Фесенко-Мороз.

Завдяки невтомній праці краєзнавців і пам'яткознавців ми дізналися про давно забутих мислителів Слобожанщини, учасників війн, жертв політичних репресій, вчених, меценатів, серед яких професор богослов'я М. С. Стеллецький, художник П. Ф. Соколов, генерал П. М. Вовкобой, майстер художнього слова Е. І. Камінка, генерал від кавалерії граф А. Ф. Келлер, один із засновників вітчизняної кооперації М. П. Баллін.

Низький уклін Вам, пам'яткознавці і пам'яткоохоронці, щастя Вам і здоров'я, натхнення і талану в подальшій роботі, результати якої увійдуть до загальнолюдської скарбниці.

Директор Харківського
науково-методичного центру
охорони культурної спадщини

Тритинник О. В.

До 85-річчя

Фесенко-Мороз Мария Афанасьевна

Я, Фесенко-Мороз Мария Афанасьевна, родилась 25 февраля 1926 г. в с. Зачепиловка, Зачепиловского района, Харьковской области в семье крестьян-бедняков.

До начала Великой Отечественной войны окончила 8 классов средней школы.

2 года находилась на оккупированной территории, наши войска освободили наше село 19 сентября 1943 г. Работала в колхозе. А в феврале 1944

года добровольно ушла на фронт и служила в спецформировании – колонне паровозов № 47 особого резерва Наркомата путей сообщения. Колонна была придана 1-му Украинскому фронту и участвовала в боевых операциях: Корсунь-Шевченковской, Яско-Кишиневской, Висло-Одерской, получила травму ноги и долго лечилась.

Демобилизовалась в 1948 г. и стала работать в Зачепиловской районной библиотеке заведующей. Закончила техникум культпросветработников и Харьковский библиотечный институт заочно.

В Харькове с 1952 г. работала в библиотеках: 13-й районной, на паровозоремонтном заводе, в школе профдвижения.

Затем работала ответственным секретарем Дзержинской районной организации общества «Знание».

Семь лет преподавала общественные дисциплины в Харьковском строительном техникуме. Последняя работа: зав. районным кабинетом научного атеизма и зав. музейным архивом завода «Красный Октябрь».

Более 40 лет читала лекции по вопросам истории религии и атеизма.

Опубликованы мои статьи: «Записки лектора» в сборнике «Науково-теоретичні здобутки Слобідської України», ноябрь, 1999 г. и «Материалы к истории машиностроительного завода «Красный Октябрь». От Никиты Павлова до Константина Шиманского (1870-1917 гг.)» в сборнике «Культурна спадщина Слобожанщини», сентябрь, 2005 г.

Издана книга за свой счет «Моя родословная жизнь как она есть».

Отметила свое 86-летие, начала собирать материалы для книги «Всему свое время». 1 марта 2013 г. М. Мороз.

– Мороз М. А. Записки лектора // Науково-теоретичні здобутки Слобідської України. – Харків: Курсор, 1999.

– Мороз М. А. Материалы к истории машиностроительного завода «Красный Октябрь». От Никиты Павлова до Константина Шиманского (1870-1917 гг.) // Культурна спадщина Слобожанщини. Історія та краєзнавство. – Харків: Курсор, 2005. – Число 4, вересень. – С. 152-160.

ПОСЛАНИЕ К ПОТОМКАМ

Мы – старшее поколение: Фесенки, Грибинники, Мандычи, Карловы, Морозы, Капусты, Крутько, Зеленские, Фартушные обращаемся к вам с такими пожеланиями и предостережениями.

1. Никогда не забывайте тех, кто дал вам жизнь, вскормил, выучил, воспитал, делал все, чтобы вы жили счастливо.
2. Помните, что жизнь прекрасна и неповторима, дается человеку один раз и прожить ее надо достойно, с пользой для себя, семьи, общества и Родины, а если сможете, то и для всего человечества.
3. Мы жили в то время, когда свершилась Октябрьская революция, и мы с большим трудом, потерями, голодом, недостатками верили, что придет прекрасное время, и пусть и не мы, так наши дети и внуки будут жить при социализме и даже коммунизме.
4. Наш мирный труд был прерван Великой Отечественной войной, страшной войной с фашизмом, и мы заплатили за нашу победу и свободу миллионами жизней советских людей, в том числе и из наших семей многие погибли на войне.
5. Занимая различные должности и имея разные профессии, мы стремились как можно лучше исполнять свой долг перед своим народом, своей семьей и самими собой, приносили посильную пользу обществу.
6. Вы, дорогие наши потомки, живете в другое время, время больших перемен, переосмысления того, что было до вас. Но помните, что без знания прошлого нет настоящего и не будет будущего. Об этом прекрасно сказал гений слова и мысли А. С. Пушкин: «Учись мой друг. Ученье сокращает нам опыты быстротекущей жизни».
7. Чтобы жить красиво, богато, приобретайте знания, используйте опыт прошлых поколений, измените свое время, свою жизнь. Мир устроен так, что никто из населяющих его людей не начинает своего жизненного пути с пустого места, с чистого листа. Мы получаем огромное и многообразное наследство с тем, чтобы в свою очередь передать его своим потомкам. Жизнь хоть и подвергается всяческим испытаниям, но полностью никогда не прерывается и длится до бесконечности.
8. Любите свою землю, свой родной край, его природу, язык, литературу, народное и профессиональное искусство.
9. Приобщайтесь ко всему прекрасному, доброму, приумножайте все хорошее.
10. А ведь цель нашей жизни – быть самим собой. Если вы найдете себя, то всегда будете уверены, счастливые, здоровые. Но самая главная цель – умение и желание помочь каждому, кто нуждается в помощи и ничего не

требует взамен.

Первое, что надо сделать всем, кто страдает от социальной анархии – это просто принять то, что со всеми нами случилось. Каждое поколение проходит по жизни через свои испытания. Кому-то достается гражданская война, кому-то – освоение целины и космоса, кому-то – вихри революции, кому-то – Великая Отечественная война... А многие пережили индустриализацию, коллективизацию, голод, сталинские репрессии, хрущевскую оттепель. Нам выпали застой, Чернобыль, перестройка, реформы и независимость Украины. Бесполезно и глупо протестовать и негодовать по поводу того, что это случилось.

Это не приведет к появлению ни новых штанов, ни куска мяса в холодильнике. Желать же того, чтобы этого не произошло, равнозначно стремлению родиться в другой стране, в другое время и от других родителей.

А поскольку это невозможно, то энергию бесполезных сетований лучше всего направить на размышление о том, как жить и действовать в новой ситуации.

Жизнь на земле никогда не была раем. «Для веселия планета наша мало оборудована», – говорил В. В. Маяковский. И был трижды прав. Войны и эпидемии, стихийные бедствия и неурожаи преследуют человечество на протяжении всей его истории. Никто не может даровать счастье и здоровье, если человек не стремится к этому сам. Счастлив не тот, кто все имеет, а тот, кто мало чего желает. Большие изменения произошли в нашей стране и нашей жизни за последние десятилетия. Что же делать? Как быть? Как все это воспринять?

Постарайтесь не только прочитать эти записки, но и как следует подумать, усвоить и сделать частью своего собственного жизненного опыта. Все, что здесь написано, предназначено для того, чтобы вдохновлять и воодушевлять вас для лучшей жизни – благородной, богатой, счастливой, мои дорогие родственники, друзья и современники! Помните, что страдания уходят, а любовь остается!

Чтобы понять, что собой представляет наша родословная, надо знать хотя бы кратко историю нашей Родины – Украины, Слобожанщины и Зачеписловщины. Как я к этому пришла, что побудило меня к написанию этой книги? А было это так.

В 2005 году, работая зав. музейным архивом Харьковского завода «Красный Октябрь», я написала книгу об истории завода, которому исполняется 140 лет, и встал вопрос о ее публикации. Не знаю причины, но директор завода В. Д. Билан и его заместитель Кузьменко Н. Ю. не рекомендовали книгу отдавать в печать. Мол, напечатаем один экземпляр на компьютере и поместим в музей истории завода: кто захочет – прочтет. О моей книге узнала работник Центра охраны культурного наследия при областном управлении культуры Бахтина Светлана Анатольевна, и по ее инициативе часть моей книги была напечатана в сборнике «Культурна спадщина Слобожанщини»: «Материалы к истории машиностроительного завода «Красный Октябрь». От Никиты Павлова до Константина Шиманского 1870-1917 гг.» [29]. А когда зам. директора

Кузьменко Наталья Юрьевна прочла мою статью «Записки лектора», которая ей очень понравилась, она мне посоветовала написать книгу уже не о заводе, а о себе.

И тогда я подумала, а почему бы и нет? Но утвердилась в этом только тогда, когда поехала в Днепропетровск в гости к родственникам и вся моя родня одобрила мое начинание. И этого было мало!...

Активно и систематически начала писать свои записки в 2010 году. А было это так. Моя соседка по даче, Вера Лукьяновна Хмелевская, (а дача находится в 40 км от Харькова за поселком Манченки), человек очень образованный, много читает, большая своя библиотека, собранная мужем, некоторые книги давала и мне читать, по многим вопросам мы с ней единомышленники...

С чего начать? Надо было приобрести компьютер. Но я в нем ничего не понимаю. И тогда на помощь мне пришла дочь Веры Лукьяновны, Лидия Владимировна Хмелевская. Вместе с сыном Андреем она занимается бизнесом: продают и ремонтируют компьютеры, она ведет еще и курсы по изучению компьютера. Мы договорились и они мне привезли домой компьютер. Она на первых порах помогала осваивать компьютер, а затем посоветовала записаться на курсы по изучению компьютера для пожилых людей. Но я избрала другое: договорилась на курсах по изучению компьютера в индивидуальном порядке. Ко мне пришел Сергей Григорьевич Журавлев и мы начали работать. Учеба шла трудно. Но все же постепенно освоила компьютер, стала набирать текст своей будущей книги, работать в интернете.

Но сама не знаю и не ведаю, кому это нужно? Кто прочитает? Кто заинтересуется? Все заняты бизнесом, у всех свои заботы и проблемы.

Да сейчас и книг никто не читает – все перешли на компьютер. И я подумала, справлюсь ли? Будет ли это интересно и объективно? Позже пришла к выводу: да мне и самой интересно, кто мои предки, родственники, да и моя жизнь, в какой-то мере, представляет интерес. Очень мало сведений о моей малой родине – Зачепиловке. Когда появилось это селение и кто были его первые жители, чем они занимались? Еще больший интерес представляет история моего края в период Октябрьской революции и гражданской войны, мирного строительства.

Большой интерес у меня вызвали события Великой Отечественной войны не только в стране, но и на моей малой родине – Зачепиловке и восстановление после войны.

Кто они, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, кто и за что награжден орденами СССР, кто воевал за свободу и независимость нашей великой Родины, кто боролся с фашистами в оккупированной Зачепиловке и в других селах района? Это – большой труд, и хватит ли у меня таланта, умения, здоровья, терпения и, самое главное, времени?

Человеческая память имеет способность что-то забывать. А возьмешь в руки свою книгу и на душе легче становится. И не важно, прочитает эту книгу, эту твою летопись кто-то из родственников или нет. Здесь другое. Будто поговорил с любимым родным человеком. Разве плохо, если после тебя останутся эти записи. Вот я и пробую на себе новое лекарство –

«письмотерапию».

Вам, наверное, захочется узнать мною пройденный жизненный путь, коль скоро я захотела написать о своей родословной.

Я, Фесенко Мария Афанасьевна (в замужестве Мороз), 1926 года рождения, украинка, родилась в селе Зачепиловка, Константиноградского уезда, Полтавской губернии (теперь Харьковской области) в семье крестьян. До войны закончила 8 классов Зачепиловской средней школы. Два года находилась на оккупированной немцами территории (с 7.10.1941 г. по 19.09.1943 г.).

После освобождения нашего села от фашистов воинами Красной Армии работала четыре месяца в колхозе имени Дзержинского учетчиком сельхозработ. В феврале 1944 года добровольно, как и многие мои односельчане, ушла на фронт и служила на разных должностях в спецформировании – колонне паровозов № 47 особого резерва Народного Комиссариата путей сообщения.

Колонна была придана 1-му Украинскому фронту и принимала участие в боевых операциях: Корсунь-Шевченковской, Ясско-Кишиневской, Проскуровско-Черновицкой, Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской. При бомбежке получила травму ноги и долго лечилась.

Демобилизовалась в апреле 1948 года. Трудовой стаж 54 года:

- 1948-1951 гг. библиотекарь и зав. библиотекой Зачепиловской районной библиотеки.
- 1952-1955 гг. библиотекарь 16-й районной библиотеки г. Харькова.
- 1956-1962 гг. библиотекарь парткабинета завода «Электромашина».
- 1962-1968 гг. зав. библиотекой Республиканских профсоюзных курсов г. Харькова.
- 1968-1974 гг. ответственный секретарь Дзержинской районной организации общества «Знание».
- 1974-1981 гг. преподаватель Харьковского строительного техникума. Читала пять предметов: обществоведение, эстетику, этику, научный атеизм и общественно-политическую практику.
- 1984-1999 гг. зав. музейным архивом завода «Красный Октябрь» и зав. кабинетом научного атеизма на общественных началах.
- С 1999 года на пенсии.

Общественная работа

- 1941-1952 г. Состояла в комсомоле.
- 1961-1991 г. член КПСС.
- 1944-1999 г. член профсоюза.
- 1955-1991 г. член общества «Знание», лектор.
- 1974 г. член общества охраны памятников культуры и истории.
- 1982 г. член добровольной дружины по охране общественного порядка.

Учеба

- 1948-1951 гг. Техникум культпросветработников, г. Харьков. Заочно.
1952-1957 гг. Харьковский библиотечный институт. Вечерний факультет.
1958 г. Годичные курсы пропагандистов научного атеизма при Харьковском вечернем университете марксизма-ленинизма.
1965-1967 гг. Вечерний университет марксизма-ленинизма. Факультет истории КПСС.
1972 г. Сдача кандидатского минимума по философии и немецкому языку при Харьковском инженерно-экономическом институте.
1970-1972 гг. 2-х годовичные курсы лекторов научного атеизма при Харьковской областной организации общества «Знание».
1978 г. 3-х месячные курсы повышения квалификации преподавателей истории при Одесском госуниверситете имени Мечникова.
1979-1981 гг. Вечерний университет марксизма-ленинизма. Факультет эстетики и этики.

Избранные публикации

1. Формування світогляду молодих спеціалістів // Атеїстичне виховання. К., 1975.
2. Записки лектора // Науково-теоретичні здобутки Слобідської України. Х, 1999.
3. Материалы Марка Таугера очень интересны // Газета «2000». 2008. 4 апр.
4. Думаем по-русски. Нас под суд? // Газета «2000». 2009. 23 янв.
5. Материалы к истории машиностроительного завода «Красный Октябрь». От Никиты Павлова до Константина Шиманского (1870-1917 гг.) // Культурна спадщина Слобожанщини. Х., 2005.
6. Книги прибавили 10 лет жизни // Газета «2000». 2010, 21 янв.
7. Выступление на Харьковском областном радио 8 августа 2009 г. («Война у каждого своя») и 8 января 2010 г. («О проведении досуга молодежи в послевоенный период на Зачепилловщине»).

Мои награды

1. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
2. Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».
3. Медаль «Участнику боевых действий».
4. Медаль «Защитнику Отечества».
5. Медаль маршала Жукова.
6. Медаль «40 років визволення України від німецько-фашистських загарбників 1944-1984 гг.».
7. Медаль «Ветеран труда».
8. Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1945-1995 гг.».
9. Медаль «60 років визволення України від німецько-фашистських загарбників. 1944-2004 рр.».
10. Медаль «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».
11. Именной знак «За активную работу» Всесоюзного общества «Знание», 1985 г. Москва.
12. Именной знак «Всемирного конгресса миролюбивых сил», Москва, 1975 г.
13. Грамота ЦК ЛКСМУ и Республиканского общества «Знание». Инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны.

В течение нескольких лет совершила туристические поездки во многие города Советского Союза: Москва, Ленинград, Ульяновск, Казань, Саратов Прибалтика, Западная Украина, Закарпатье и в страны Европы и Африки: Чехословакия и Германская Демократическая Республика, Румыния и Болгария, Венгрия, Турция, Египет, Кипр, Греция. Очень много впечатлений от этих стран. Обязательно об этом напишу позже.

Мои близкие и далекие родственники

Родные по линии отца, *Фесенко Афанасия Евдокимовича*.

Фесенко Иван (не знаю отчества), мой прадед, умер в 1928 г., сын Евдоким и дочь Горпына.

Фесенко Евдоким Иванович, мой дед, умер в 1958 г.

Мудрац-Фесенко Евдокия Андреевна, моя бабушка, умерла в 1938 г.

Их дети: Игнат, Стратон, Афанасий, Яков, Тимофей, Катерина, Ганна, Варвара, Марфа.

Игнат Евдокимович, его жена Настя и сын Николай, вторая жена Агафья, сын Василий и дочь Анна. Жили в Москве, дядя погиб под Москвой, сражаясь в ополчении в 1941 году, жена и сын умерли, а дочь погибла от рук бандитов.

Стратон Евдокимович погиб в годы гражданской войны от рук белогвардейцев – сбросили в колодезь в степи. Дочь Мария, умерла.

Афанасий Евдокимович (1905-1996 гг.), мой отец. Первая жена Ганна умерла в 1929, дочь Мария, вторая жена Евдокия, дочь Татьяна, третья жена Катерина – дочь Ольга и приемная дочь Люба.

Фесенко-Филатова-Мороз Мария Афанасьевна, дочь от первого брака. Живет в Харькове, на пенсии (подробности выше).

Фесенко-Бойченко Татьяна Афанасьевна, дочь от второго брака, мать Евдокия, родилась в Днепрпетровске в 1932 году, живет в Кривом Роге, на пенсии. Закончила институт иностранных языков в Харькове. Вышла замуж за военного Николая Бойченко и долгие годы жила в Германии, работая переводчиком. После Германии жили в Эстонии, в городе Пярну. В автомобильной катастрофе погиб муж, там и похоронен. Дочь Ирина вышла замуж за болгарина Валерия и родились внуки Татьяны, Денис и Татьяна, живут в Болгарии и Германии. Сын Владимир закончил ВУЗ, работает инженером в Кривом Роге, женился, жена Светлана, растят дочь Аню.

Фесенко-Карлова Ольга Афанасьевна, 1937 г. рождения, мать Катерина Захаровна, родилась в Зачепиловке, закончила 10 классов и техникум культпросветработников в Харькове. Работала директором клуба в Киевской области. А уже в Днепрпетровске работала на трикотажной фабрике, а затем долгие годы в библиотеке для незрячих, откуда и ушла на пенсию. Все годы успешно занималась в кружках художественной самодеятельности, сама писала сценарии и прекрасно выступала. Ольга всю жизнь мечтала быть артисткой, но стала библиотекарем. Вышла замуж за Карлова Владимира Захаровича, электротехника по ремонту автомобилей. Сейчас на пенсии, но продолжают работать, их дети – Марина и Андрей.

Марина закончила машиностроительный техникум, сейчас занимается биз-

несом. Вышла замуж за Чарченка Сергея, он очень талантливый парень, играл на многих инструментах, пел, сочинял хорошие стихи. Родились два сына — Антон и Александр. Но судьба у Марины с Сергеем не сложилась и они расстались. Антон закончил ВУЗ, работает программистом, женился на красивой девушке Светлане и родилась дочь Яринка. Саша закончил техникум и учится в институте. Марина работает в торговле и живет в гражданском браке с другим Сергеем.

Сын Андрей закончил ПТУ и работал помощником машиниста на электровозе. Ушел в армию, затем служил сверхсрочно в наших войсках прапорщиком в Венгрии. Сейчас занимается бизнесом: директор-хозяин Зачепиловского кирпичного завода. Но сейчас завод стоит. Андрей не может получить кредит для работы завода. Женился на красивой девушке Виктории и родился у них сын Станислав, но с женой разошелся и теперь женат на Татьяне, которая тоже занимается бизнесом.

Мандыч-Чуб Любовь Николаевна, 1934 г. рождения, приемная дочь. Ее отец, Мандыч Николай, погиб в железнодорожной аварии и Люба его не знала. Люба закончила 10 классов и Харьковский сельхозинститут и получила специальность ученый агроном-агрохимик-почвовед, работала в сельском хозяйстве. Вышла замуж за Чуба Николая Ивановича из села Первое Мая Зачепиловского района. Он служил в армии в чине капитана, техником на аэродроме. Жили они в Минске, а затем в Краснодарском крае. После его выхода на пенсию переехали в Днепропетровск и получили очень хорошую квартиру. В Минске родились дочь Наташа и сын Евгений. Наташа работает в библиотеке завода в Днепропетровске, красивая, умная, грамотная, но в жизни не встретила своего рыцаря. Их сын Евгений очень рано умер — сердечный приступ. Вскоре умер и муж Николай. Люба на пенсии, но продолжает работать, несмотря на болезни. Все они живут в Днепропетровске.

У нашего отца есть внебрачный сын — *Кравченко Николай Афанасьевич*, его жена Наташа и их дети Виталий и Оксана.

Яков Евдокимович, брат моего отца. Первая жена — Татьяна Сахненко, сын Николай. Вторая жена — Ганна Лебединец, их дети: Иван, Владимир, Зинаида. Дядя погиб под Киевом в 1941 году. После войны родились его внуки, которых он никогда не видел. Все живут в Днепропетровске.

Тимофей Евдокимович умер очень молодым от тифа в 1932 году, мой любимый дядя и первый учитель, к которому я ездила на курсы еще маленькой.

Фесенко-Мудрац Катерина Евдокимовна, сестра моего отца, ее муж Захарий Петрович Мудрац. Дочь Мария, участник Великой Отечественной войны. Демобилизовалась и родила дочь Светлану. Замуж вышла за Виктора Шарбура и родились дети Сергей и Тамара. Светлана вышла замуж за Алексея Дворника и родились дети Виктория, Александр, Катерина, а затем появились и внуки Олег и Максим. Виктория с Олегом живут в Сибири, а Тамара живет в Севастополе, в Крыму с детьми, ее дочь Ирина с детьми живет в Купянске, Харьковской области.

Фесенко-Коробка Ганна Евдокимовна вышла замуж перед войной за Коробку Ефима в село Забарино и в 1940 году родился сын Виктор. Муж погиб на фронте и сын его не знал. Виктор со своей семьей живет в Подольске под Москвой и мы почти не общаемся. Последний год своей жизни она жила в доме

моего отца, ей ампутировали ногу и здесь же, в Зачепиловке, была захоронена.

Фесенко-Бесчастная Варвара Евдокимовна, муж Дмитрий и их дети: Василий, Вера (уже умерли), а Леонид, Владимир, Люба, живут в Зачепиловке и Днепропетровске.

Фесенко-Миргородская-Капуста Марфа Евдокимовна, сестра моего отца, родилась 7 февраля 1915 года, работала в колхозе «Красный партизан», была стахановкой, активной комсомолкой. В 1935 году вышла замуж за Миргородского Ивана, а в 1936 году родился сын Петр, но судьба не сложилась и они рано расстались. Уже после войны она вышла замуж за Трофима Васильевича Капусту и родились у них дети: Николай, Тамара, Татьяна.

Петр Иванович Миргородский закончил машиностроительный техникум и долгие годы работал на днепропетровском «Южмаше» вместе с женой Лесей, у них есть дочь Ирина и внучка Аня.

Николай Трофимович Капуста родился в 1950 году, закончил Харьковский автодорожный техникум (заочно) и долго работал на автопредприятии в Зачепиловке главным механиком и бессменным секретарем парторганизации. Женится на красивой девушке Тамаре и родились у них двое сыновей Александр и Виталий и две внучки.

Тамара Трофимовна Капуста-Бут родилась в 1953 году, закончила в Одессе бухгалтерские курсы и долгие годы работала в Зачепиловском быткомбинате главным бухгалтером, а затем бухгалтером в районе. Вышла замуж за парня из села Николаевка, Виктора Бута и родились у них дочь Наталья и сын Евгений, появились и внуки – Денис и Саша.

Татьяна Трофимовна Капуста родилась в 1955 году, закончила педучилище и работала в детсаду, а затем на заводе в Зачепиловке, филиале Харьковского завода им. Шевченко. Вышла замуж, родила сына Юрия и дочь Аню, есть у Татьяны и двое внуков. К сожалению, муж рано ушел из жизни.

По линии моей матери, *Грибинный Ганны Яковлевны*: отец *Яков Никонович Грибинный*. Он был высокий, красивый, грамотный, работал писарем после революции в Зачепиловской волости, а к тому же еще был прекрасным портным мужской одежды. Особенно хорошо получались кожанки. Мы с ним много спорили по вопросам веры и религии, он был членом секты адвентистов 7-го дня, их называли субботниками, но спорить с ним мне было трудно, ибо я была мало подготовлена к спору. Он умер в 93 года, бабушку не знала, она рано умерла. Вторая его жена (не помню ее имени, ее знало все село под именем «цыганчихи») занималась лечением людей народными средствами и т.н. «шептанием». К ней могли придти в любое время суток и она никому не отказывала и я помню, что многим помогала.

В годы фашистской оккупации я жила у моего дедушки, да где я только не жила. Они ко мне хорошо относились.

Их сыновья: Семен Яковлевич погиб в войну, его дети: Николай, Иван, Ганна; его внуки: Николай, Андрей, Лариса, Олена, Сергей и Светлана.

Грибинный Пылып Яковлевич, погиб в войну под Москвой в 1941 году. Его дети: Александра, Мария, Ганна.

Грибинный Иван Яковлевич, сыновья: Михаил, Иван, Андрей

Грибинный-Крутько Олена Яковлевна, дети: сыновья Иван, Андрей, дочь Мария. Их внуки: Николай, Владимир, Ганна, их правнучка Людмила и праправ-

нучка Анна. Ганна Дмитриевна-Зеленская-Фартушная, дочь Марии, закончила Харьковский педагогический институт имени Г. Сковороды и долгие годы преподавала в Зачепиловской средней школе украинский язык и литературу. Мы все гордимся тем, что она стала заслуженной учительницей уже независимой Украины.

Грибинник Приська Яковлевна, до конца дней своих была одинокой.

По линии матери, *Катерины Захаровны*: отец, *Фесенко Захарий Иванович*, мать *Елена Ивановна*, их дети: Катерина, Варвара, Нылка, Терентий, Параска и Настя. Их внуки: Любовь, Ольга, Григорий, Таисия, Иван, Настя, Василий, Сергей, Григорий.

Итак: по линии отца у меня 63 родственника, по линии матери – 28. Как прав был Расул Гамзатов, когда сочинил такие прекрасные стихи:

*Мы все умрем, людей бессмертных нет,
И это все известно и не ново,
Но мы живем, чтобы оставить след,
Дом иль тропинку, дерево иль слово.*

ПРЕКРАСНАЯ НАША ЗЕМЛЯ — УКРАИНА

И я пришла к выводу: оставить после себя слово о моей родословной и моей милой малой Родине.

Вы знаете, что много создано произведений литературы и искусства о нашей прекрасной земле Украине.

Т. Г. Шевченко написал великие строки об Украине, может быть, страшные для верующего человека:

*Я так її, я так люблю
Мою Україну убогу,
Що прокляну святого Бога,
За неї душу погублю.*

Может быть, вы знаете что-то лучшее, чем стихи В. Сосюры «Любить Украину», которые были написаны в разгар боев за освобождение Украины в 1944 году от фашистов в дни Великой Отечественной войны. Но я лично очень люблю вот именно эти стихи:

*Любить Україну, як сонце, любить,
як вітер, і трави, і води...
В годину щасливу і в радості мить,
любить у годину негоди.*
*Любить Україну у сні й наяву,
вишневу свою Україну,
красу її, вічно живу і нову,
і мову її солов'їну.*
*Між братніх народів, мов садом рясним,
сіяє вона над віками...
Любить Україну всім серцем своїм
і всіми своїми ділами.*

Для нас вона в світі єдина, одна
в просторів солодкому чарі...
Вона у зірках, і у вербах вона,
і в кожному серця ударі,

у квітці, в пташині, в електровогнях,
у пісні у кожній, у думі,
в дитячий усмішці, в дівочих очах
і в стягів багряному шумі...

Як та купина, що горить — не згора,
живе у стежках, у дібровах,
у зойках гудків, і у хвилях Дніпра,
і в хмарах отих пурпурових.

В грому канонад, що розвіяли в прах
чужинців в зелених мундирах,
в багнетах, що в темі пробивали нам шлях
до весен і світлих, і щирих.

Юначе! Хай буде для неї твій сміх,
і сльози, і все до загибелі...
Не можна любити народів других,
коли ти не любиш Україну!..

Дівчино! Як небо її голубе,
люби її кожен хвилину.
Коханий любить не захоче тебе,
коли ти не любиш Україну...

Любить у коханні, в труді, у бою,
як пісню, що лине зорею...
Всім серцем любить Україну свою —
і вічні ми будемо з нею!

За эти стихи Сосюра был объявлен националистом и ему пришлось через центральные газеты оправдываться.

«Хай вільно проживають на Україні усі нації;
хай усяка живе по-своєму...
бо національний ґрунт потрібен для кожної.
А українська культура
нехай шириться поміж українцями
і хай про її поширення
турбуються і піклуються діти України —
усі, хто любить свій нарід
і бажає йому добра,
бо чужі за се не візьмуться.
Нехай усім народам живеться вільно на Україні,
але нехай нові поселенці на Україні пам'ятають,
що не може бути зневажений
на своїй рідній землі (як се було раніше).

*той український нарід,
котрий заселив її, захистив од ворогів
і довгі часи поливав своїм трудовим потом».*

Дмитро Іванович Багалій, 1917 рік.

Как будто для нас с вами оставил пророческие слова о любви к Украине, о ее культуре, как ее надо беречь и жить в мире и добре со всеми, кто пришел на эту землю... Прошу вас, запомните эти слова и передайте своим близким и далеким родным, друзьям, товарищам, знакомым! А принадлежат они выдающемуся украинскому историку, академику АН УССР, выдающемуся общественному деятелю, городскому голове г. Харькова, ректору Харьковского университета Дмитрию Ивановичу Багалею (1859- 1932).

Почему я пишу на русском языке

У вас, может быть, возник вопрос: почему я свои записки пишу на русском языке? Ведь я – коренная украинка от деда-прадеда, и думаю по-украински, но разговариваю и пишу по-русски. Наверное, вот почему.

Когда я училась в средней школе села Зачепиловка, мы изучали все предметы на украинском языке, но также учили русский язык и литературу, но по-настоящему по-русски говорить не могла. Да у нас в селе и не принято было говорить по-русски. Однако в школе учились ребята и девочки из близлежащих русских деревень – Кочетовки, Лебяжьего, Русского Орчика, но у них был не литературный язык, а какой-то русский суржик.

А вот когда в 1944 году я ушла на фронт и служила вместе с сибиряками, то пришлось учиться говорить по-русски: они смеялись и не понимали, когда я говорила: «дошки, вугілля, борошно, олія» и т.д.

В 1936 году, когда отец вернулся из ссылки, он больше говорил на русском языке, и мы в семье к этому приобщались.

В 1948 году я демобилизовалась и приехала в родное село, то уже говорила по-русски и мои друзья-односельчане не воспринимали мой язык и даже относились ко мне с пренебрежением. Мол, откуда ты такая?

Работала в Зачепиловской районной библиотеке, вначале библиотекарем, а затем заведующей, но отчеты почему-то надо было писать на русском языке.

Тогда же начала выступать с лекциями в разных аудиториях и самых отдаленных селах района и, опять-таки, по-русски. Некоторые материалы подаю на украинском языке, в зависимости от того, на каком языке был первоисточник, то-есть не переводила на русский.

Пришла к выводу, что прежде чем писать о своей родословной, надо хотя бы кратко описать историю своего села, района, городов, в которых жила моя семья: Днепропетровск, Полтава, Красноград, города Харькова, в котором я живу с 1951 года. Я лично хотела бы знать как можно больше об истории нашего государства – Украины и вам пожелать того же. Откуда и кто мы, кто проживал на нашей территории в древности, как изменялся весь уклад наших людей и в целом государства?

В современной истории Украины полно противоречий. Совсем по-

разному пишут историю Украины в Институте национальной памяти и в Институте истории Национальной Академии наук. Очень сложным был исторический процесс на землях, которые занимает сегодня Украина. Известно, что Украина, как государство, сформировалась только в 20 ст. не только за счет собственных этнических регионов, но за счет тех, которые исторически никогда такими не были (Донбасс, Новороссия, Крым).

Спецификой истории Украины есть и то, что на всех этапах она была тесно связана с историей других государств (Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Австро-Венгрии, России, Советского Союза) и входила в них отдельными частями. И очень сложно создать единую концепцию истории нашего государства. А тем более существуют разные подходы к ее изучению. И это составляет значительные трудности для изучения истории в школах. А знать правдивую историю своего государства надо всем нам: и школьникам, и взрослым людям.

Придет время и трудности в изучении истории Украины будут преодолены. Нам это надо для того, чтобы история нас не разъединяла. И мы еще будем гордиться историей своей Родины!

Я убеждена в том, что молодость живет завтрашним днем, а старость воспоминаниями. И как прав был Оскар Уайльд, который говорил, что душа в отличие от тела не стареет. И это главная трагедия человеческого существования. Вот и я чувствую, что тело мое стареет, а душа живет и поет, и хочет поделиться своими воспоминаниями.

Моя рідна земля – Зачепилівка

Зачепиловский район расположен в юго-западной части Харьковской области на границе с Полтавской и Днепропетровской областями. Образован в 1923 году. Территория 794 кв.км., население на 1.01.1997 г. -19,8 тыс. чел., на 1.01.2009 г. -16,442 тыс. Районный центр – поселок городского типа, 9 сельсоветов и 37 сельских населенных пунктов.

Реки района относятся к бассейну Днепра, самая крупная – Орель с притоками Орчик и Берестовая. Есть в районе несколько озер.

Климат умеренно-континентальный. На территории района преобладают обыкновенные черноземы. Площадь лесных насаждений 1,7 тысяч га.

В экономике преобладает сельское хозяйство – 69,5 тыс. га сельхозугодий. Ведущая отрасль – растениеводство, район специализируется на зерново-свекловицном производстве, выращивает подсолнечник, картофель, овощи.

Промышленность представлена кирпичными заводами, пищевкусовой фабрикой, молокоцехом, мастерской по художественной вышивке.

Территорию района с северо-востока на юго-запад пересекает однопутная железнодорожная линия, соединяющая Харьков с Днепропетровском. Протяженность автомобильных дорог 205,3 км. Через район проходит магистраль Москва-Симферополь, по его западной границе проложен участок канала Днепр-Донбасс.

В 1963 году Зачепиловский район был ликвидирован, объединен с

Красноградским, а затем в 1966 году был восстановлен.

Багато людей, які народилися, вчилися, працювали в Зачепилівці, але доля розпорядилася так, що багато з нас виїхали з села назавжди, хто куди, в основному це – Москва, Харків, Дніпропетровськ. Де б ми не були, але завжди хотілося побувати в рідному селі, подихати повітрям свого дитинства, скупатися в чистій річці Берестовій і подивитися на те, як змінилося село, коли воно стало селищем міського типу.

А воно таки змінилося, особливо районний центр. Тут ще залишилися мої родичі, двоюрідні брати, сестри, їх діти і онуки. Тут поховані наші предки: прадіди, діди, батьки, сестри і брати. Зараз, Україна стала незалежною, самостійною – це добре.

Ми, горожани, і наші рідні в селі сподіваємось на краще і воно настане, тільки всім треба багато працювати. І як би не було важко, але прийде краще майбутнє і треба пам'ятати, що без знання минулого не буває майбутнього.

Тому я пропоную поринути в нашу історію.

ЗАЧЕПИЛІВКА. Чому так називається село, коли воно виникло, хто були ті люди, що тут поселилися. Достовірно ніхто не може сказати, але дещо в літературі знаходимо. Існують різні версії. На території нашого району люди мешкали ще за часів неоліту. Неолітичні поселення виявлені біля сіл Займанка, Новоселівка, Скалонівка. А ось на берегах річок Орелі та Орчика біля сіл Займанка, Новоселівка, Сомівка, Скалонівка виявлені поселення часів Київської Русі.

Але потім кочові племена (монголи, татари) спустошили цей край, він довго називався «диким полем». Але в 1-й половині 17 ст. почали його заселяти люди, які втікали від турок, поляків за Дунай і на лівий берег Дніпра.

Українці поселялись слободами, займали землі, скільки могли обробити. Точної дати заснування Зачепилівки не виявлено, орієнтовно вона була заснована в 1-й половині 17 ст. внаслідок запорізької колонізації. Тому існує декілька версій.

Перша. Запорізький козак Зачепило разом з товаришами залишив Січ, поселилися в цій місцевості і заснували слободу, яка отримала назву від прізвища ватажка тих перших поселенців.

Друга. Коли вихідці із полтавського полку кінця 17-го - початку 18-го ст. осіли хуторами на берегах Орчика, Берестової, Орелі. Серед поселень значиться і козаке село Зачепилівка.

Третя. Слобода Зачепилівка була заснована виходцями із села Зачепилівка на Полтавщині (тепер Новосанжарського району Полтавської області), які в пошуках щастя, кращого життя переселилися на береги невеликої степової річки. А в пам'ять про своє село і нове поселення назвали Зачепилівкою. Річка Берестова, на лівому березі якої розташувалась Зачепилівка, отримала свою назву від дерева, яке тут поширене.

Четверта. Якийсь селянин Гнат із села Попівка (тепер Красноградського району), прийшов з родиною на вільні землі, та й «зачепився», тобто поселився.

П'ята версія. Чумаки після тривалої дороги вирішили відпочити на березі прекрасної річки. Один із чумаків повертав свого воза і зачепився з іншим. Ось і зачепився надовго...

Село розвивалося дуже повільно. Воно потерпало від спустошення кримськими татарами. В 1738 році Зачепилівка була зруйнована. Комендант Білевської фортеці (зараз місто Красноград) у зв'язку з нападом татар видав наказ зачепилиям ховати хліб, майно.

В 1764 році в Зачепилівці було 734 жителя.

Селяни в основному займалися землеробством, скотарством, охотою, рибальством. Після утворення Полтавської губернії в 1802 році Зачепилівка стала волосним центром Костянтиноградського повіту. Більшість населення були козаками, вони платили податок, виконували державні повинності, утримували солдат на постой. Селяни бідували із-за низьких врожаїв, а також виступали проти багатіїв.

Так, в 1902 році біднота розгромила економію Зінов'єва і Катеринича. Царський уряд жорстко розправився з селянами. Після столипінської реформи селяни покидали свої місця і уходили на заводи і фабрики Харкова, Катеринослава, на будівництво шахт і залізниць.

В 1900 році в селі проживало вже 3862 чоловіка. В 1859 році була відкрита невелика лікарня з одним фельдшером, а в 1865 році повітове училище з одним учителем-священником, де вчилися тільки хлопчики. В 1910 році уже діяли церковно-повітові земські школи.

Життя змінилося з початком Першої світової війни. Чоловіків послали на фронт, а в селі залишилися жінки і діти. Про ці роки ми знаємо із шкільної програми по історії.

Звістку про перемогу лютневої революції принесли селяни, які працювали в Полтаві і Костянтинограді.

Радянська влада в Зачепилівці була встановлена в січні 1918 року більшовиками Костянтинограда. Була створена рада селянських і солдатських депутатів, і першим головою Зачепилівської ради був обраний бідняк К.М. Бречко. Рада провела конфіскацію панської землі і розділила її серед селян.

Але уже 4 квітня 1918 року село захопили австро-німецькі війська і відновили старі порядки. Селяни виступили зі зброєю в руках. Діяв партизанський загін М.Є. Козиря в районі Костянтинограда, а потім партизани звільнили від петлюрівців і Полтаву.

В січні 1919 року загін влився в ряди 15 стрілецького полку Червоної армії. Багато в цьому загоні було зачепилиян: Д.Е. Ставицький, Ф.В. Гресь, П.Ф. Гирман, А.С. Товстий, В.Е. Гирман, які били і денікінців, і махновців.

В грудні 1918 року частини Червоної армії вигнали окупаційну владу, а прийшли петлюрівці і Директорія. В січні 1919 року була відновлена радянська влада. Головою волосного виконкому було обрано бідняка М.Д. Безчастного. Але в червні село захопили денікінці, в селі діяв каральний загін Зінов'єва і куркульські банди. Літом 1919 року денікінці вбили голову волвиконкому М.Д. Безчастного.

В грудні 1919 року денікінців вигнали і був створений волосний революційний комітет, головою став К.М. Бречко, а військовим комісаром А.М. Люткін. Головою Зачепилівської Ради робітничих, селянських і червоноармійських депутатів став М.В. Тютюнник, а згодом комуніст М.Ф. Мацко.

В березні 1920 року оформився комуністичний партійний осередок із трьох членів партії, а в 1923 році організували комсомольський осередок, першим секретарем став І.К. Злидень, пізніше став секретарем райкому комсомолу, згодом радянський письменник. З допомогою комсомольців були відкриті школа, сельбуд, хата-читальня.

В лютому 1920 року в село вдерлися банди Іванюка і Матвієнка і керівників розстріляли за селом. Загинули голова ревкому К.М. Бречко, військовий комісар А.М. Люткін. В червні 1921 року бандити вбили начальника міліції І.П. Бутенка, голову волвиконкому М.Ф. Мацка, активістів Я.Д. Галайдича, А.І. Фесенка.

Куркульські бандити були розгромлені групою червоних курсантів.

В 1925 році тридцять бідних сімей організували товариство спільної обробки землі імені Ф.Е. Дзержинського. Першим головою став брат голови ревкома Д.М. Бречко.

З 1923 року Зачепилівка стала районним центром, район увійшов в Красноградський округ і було 8 сільрад. У 1928 році були організовані артілі імені Дзержинського і «Зірка життя». В 1930 році були організовані колгоспи: «Заповіт Леніна», «Червоний партизан», імені Свердлова, імені Войкова. Першими в змаганні були колгоспи «Червоний партизан» і «Заповіт Леніна». Почала працювати пекарня, відкрили баню, побудували лікарню, роддом, відкрили школу-десятирічку, де навчалось 849 учнів. В п'яти лікбезах навчалось 218 чоловік. Був відкритий будинок селянина, зав. бібліотекою якого був. Л. Первомайський (пізніше відомий український радянський письменник). В ці роки були відкриті клуб, бібліотека, стаціонарна кіноустановка.

В 1932 році була організована машино-тракторна станція. Кадри готували в Краснограді. В цей час уже працювало 80 трактористів, 30 шоферів, 12 бригадирів тракторних бригад. Керівником МТС був комуніст С.Ф. Токарь. Відбувалося змагання за кращий колгосп. Стахановськими стали всі шість колгоспів Зачепилівки. Багато зачепилиян було нагороджено орденами країни.

У 1939 році на Всесоюзній сільськогосподарчій виставці Зачепилівський район був визнаний одним із кращих зернових районів України.

З 1933 року виходить районна газета «Сталінець», тепер «Перемога».

Покращалось життя. В 1940 році на трудовень було видано по 7 кг хліба і по 1 крб. грошима. Була побудована двоповерхова школа. Село жило і розвивалось. Але сталася трагедія: на СРСР напала фашистська Німеччина і почалася тривала, жорстока Велика Вітчизняна війна.

До 85-річчя

Иваницкий Алексей Александрович

ветеран войны и труда, действительный член Российского дворянского Собрания.

*Новогодний бал им. Романовых. (Ассамблея деловых кругов Украины).
Ливадийский дворец. Белый зал. Крым. Декабрь 2005 г. Фото Георгия Капниста.*

Я появился на свет во 2-ом роддоме на Московском проспекте (современное название). Семья в то время жила на Хуторе «Дача Иванецкого» близ с. Гайдары Змиевского района, т.ч. моя метрика выдана гайдарским сельсоветом. В 1930 г. при «раскулачивании» отца нас принудительно выселили. Семья переехала в квартиру моего деда по матери, бывшего домовладельца, Павлова Николая Николаевича (1854? - 1924) по адресу: Харьков, пл. Руднева (Михайловская, Скобелевская), д. 33, кв. 8.

До войны я учился в 35-й СШ (ул. Кропоткинская, д. 5). Окончил 5 классов, и в 1941 г. начал учиться в 6-ом. В сентябре 1941 г., когда начались интенсивные бомбежки, занятия прекратились, и мы переехали в совхоз Березовка, где отец работал в должности гл. зоотехника, оставив в харьковской квартире бабушку Ирину Васильевну (по матери, урожд. Гладкую) и тетю Наташу (сестру матери). После эвакуации основных активов совхоза отец был оставлен для организации уничтожения оставшегося имущества. После выполнения отцовского задания мы перешли ночью, с носимым запасом продуктов, в пос. Высокий, в дом Михаила Николаевича Гречановского и Нины Алексеевны, сестры моего отца. Здесь мы и встретили немцев. Приехавшие из Харькова родственники быстро помогли справиться с продуктами, и началась эпопея зимних походов «на менку».

Весной 1942 г. мы переехали в Змиев, где отец устроился на работу в Райземуправление на должность агронома. В конце февраля 1943 г. Змиев был освобожден, а в конце марта опять оставлен. Фронт установился по р. Северский Донец. Жителей прифронтовой полосы принудительно эвакуировали, и мы оказались в с. Руновщина (или Чернещина) на стыке Харьковской, Полтавской и Днепропетровской областей.

В Харьков мы вернулись в октябре 1943 г. и я продолжил учебу в 6 кл. 19 МСШ. Затем окончил подкурсы при харьковском Электротехникуме связи, сдал экстерном экзамены за 8 и 9 классы, и поступил в 10-й кл. 95 МСШ. Школу окончил в 1946 г. и пытался поступить в Одесское высшее мореходное училище Минморфлота. Успешно сдал экзамены, прошел все комиссии и ... не был принят. Как потом выяснилось, помешала оккупация. Поступил на факультет механизации портов Одесского института инженеров морского флота. Проучился полтора года и понял, что дальше так продолжаться не может, т.к. родители помогать мне материально не имели возможности, и приходилось постоянно думать о хлебе насущном. Мы разгружали уголь на ст. Одесса-сортiroвочная, сухогрузы «Либерти» с американской помощью (ленд-лиз) в порту, поставляли вино, виноград и фрукты на одесский Привоз из ближней Молдавии.

И тут я допустил большую ошибку, которая перевернула всю последующую жизнь. Уволился из института и приехал в Харьков со справкой об успеваемости, прямо скажем, не блестящей. После долгих мытарств военкомат направил меня на учебу в Сумское артиллерийское Краснознаменное училище им. М.В. Фрунзе. Уже готовилась корейская война и меня перевели на ускоренный курс (2 года). Выпустили в июле 1950 г., даже не обеспечив положенным обмундированием. Был направлен в Управление кадров артиллерии ПримВО (г. Ворошилов-Уссурийский). Получил назначение на должность командира огневого взвода гаубичного артполка 63 СД (с. Антоновка Чугуевского р-на Приморского края). Село расположено в глухой тайге Сихоте-Алиня в 140 км от тупиковой ж/д станции Варфоломеевка, на берегу мелкой горной реки Фудзин с холодной водой и быстрым течением. Ког-

да я с лейтенантом Владленом Терентьевым, выпускником Тбилисского артучилища, прибыл в расположение, полк находился на боевых позициях на морском побережье, в ожидании американского десанта. Высадка десанта не состоялась и глубокой осенью полк сняли с позиций и направили на борьбу с мощным паводком.

Должен сказать, что в нашей местности части СА мало времени уделяли боевой подготовке. За год с небольшим службы в Антоновке мне пришлось: бороться с паводками весной и осенью, добывать дикий камень для строительства испытательной базы авиадвигателей, заготавливать домовые срубы в тайге для строительства военных городков, строить стратегическую автодорогу ж/д ст. Варфоломеевка – бухта Ольга.

Осенью 1951 г. я сопровождал демобилизованных фронтовиков нашего полка до бухты Ольга автотранспортом, а оттуда до Владивостока морским. Более месяца работал на ст. Океанская (23-й км.) по формированию эшелонов с демобилизованными и их отправке.

Осенью меня перевели в артполк 19 зв. СД (г. Порт-Артур, КНР). После вывода советских войск с территории КНР получил назначение в легкую гаубичную бригаду 38-й АДП РГК (пгт. Раздольное, близ Владивостока). В 1953 г. женился на своей приемной сестре Светлане Юрьевне Сонцевой. В мае 1956 г. родился сын Юрий. Демобилизован по сокращению СА в 1956 г.

На гражданке начал работу в «Гипрококс» в должности чертежника-конструктора. Работал сдельно, одновременно учась в ХПИ по специальности «Технология машиностроения, станки и инструмент». Окончил ХПИ в 1963 г. уже работая в «Южгипрошахте» в должности ст. инженера-конструктора. В 1964 перешел на предприятие п/я 67 (НПО «Электроприбор»). Прошел путь: ст. инженер – нач. конструкторской бригады. Был активным общественником. Избирался председателем цехкома профсоюза, членом завкома. В 1973 г. получил звание «Лучший конструктор Минобщемаша». Был назначен зам. председателя Комиссии по высокой культуре производства предприятия. Помещен в Книгу почета обкома профсоюза. После «производственного» инфаркта перешел в ОКБ ФТИНТ АН УССР на должность нач. сектора, фактически исполняя обязанности зам. нач. отделения. При организации нового учреждения – ОКБ «Союзтехморнефтегаз» («ВНИПИ Морнефтегаз») Мингазпрома был приглашен на должность гл. конструктора проекта. Вышел на пенсию в 1988 г.. С первой женой развелся и в 1978 г. женился на Нине Васильевне Лариной, которая умерла в 2001 г. после тяжелой продолжительной болезни.

Принимал активное участие в возрождении Харьковского губернского дворянского Собрания (1993 г.), в организации Харьковского дворянского Собрания (2001 г.), в организации общественной организации «Фонд памяти Капнистов» (2007 г.), зам. председателя которой работаю в настоящее время. Действительный член РДС. Краевед, политолог-аматор.

Родители: отец – Иваницкий Александр Алексеевич (1890 – 1973), младший сын известного фотографа конца XIX начала XX ст. Алексея Михайловича Иваницкого, потомственный дворянин. Окончил естественное отделение Императорского харьковского университета, агроном и зоотехник; мать – Павлова-Иваницкая Евгения Николаевна (1891 – 1967), потомственная дворянка. Окончила филологический факультет Высших женских курсов Общества трудящихся женщин, преподаватель русского языка и литературы. В семье была дочь Ирина (1926 – 1981). Окончила истфак ХГУ им. Горького.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ИВАНИЦКИЙ
ХАРЬКОВСКИЙ ФОТОГРАФ-ХУДОЖНИК КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА

Фотограф А. М. Иваницкий.
Нач. XX в.

Глубоких сведений о роде Иваницких нет. Известно, что род вышел из западных земель Украины. Эта фамилия упомянута в «Реєстрі усього війська запорізького після Зборівського договору з королем польским Яном-Казиміром складеним 1649 року, жовтня 16 дня» на стр. 191 1-й части ротاپринтного издания (МСП «Казаки», Киев, 1994 г.) среди казаков Гавриленковой сотни Корсуньского полка.

В 3-й части дворянской родословной книги Харьковской губернии имеется опись, где упомянута родословная рода Иваницких. Но страницы с родословной отсутствуют. Первое упоминание нашей фамилии в Харькове – в описи дворянских документов за 1866 г. «О внесении сына умершего майора Михаила Николаева Иваницкого Алексея в 3-ю часть родословной дворянской книги». Это и мог быть Алексей Михайлович Иваницкий, в будущем известный фотограф-художник, придворный фотограф двух Императоров: Александра III и Николая II (был допущен к Императорской Фамилии).

Родился Алексей Михайлович в обедневшей дворянской семье в 1855 г. Родители умерли рано, оставив его на попечении старшей сестры Ангелины, семейство которой постоянно бедствовало, зарабатываящей на жизнь шитьем. Учился Алексей Михайлович во 2-й харьковской гимназии, где судьба свела его с будущим художником Сергеем Васильковским. В силу чрезвычайно стесненных материальных обстоятельств гимназический курс он не окончил, оставив гимназию после 4-го класса.

Чувствуя с ранних лет влечение к фотографии, поступил учеником к известному в то время фотографу немцу Ю. Глентцнеру, державшему фотоателье в Харькове и Белгороде. Талантливый ученик быстро преуспел в мастерстве и выкупил харьковское ателье, располагавшееся в Екатеринос-

Семейный портрет Иваницких. Мальчик слева –Александр, младший сын, глава семьи Алексей Михайлович, сидят Евгения Евгеньевна (Головинская), жена Вадима, Анастасия Васильевна, стоят Яков Иванович Коврига (муж Зинаиды), Зинаида, старшая дочь, Вадим, старший сын, Нина, младшая дочь.

лавской улице, 22 (ныне-Полтавский шлях). Одно время А.М. имел фотоателье и в Белгороде в доме Чумичева по Соборной улице. В 1911 г. он сделал серию снимков с видами Белгорода, по которым впоследствии были выпущены почтовые открытки.

Мастерство Иваницкого росло, его работы отмечались многими наградами, в т.ч. золотой медалью Всероссийской выставки в Харькове 1888 года, медалью Императорского русского технического Общества в 1891 году, серебряной медалью фотовыставки в Санкт-Петербурге 1895 г., Императорскими наградами «За трудолюбие и искусство» – дважды.

Большую известность получил цикл работ – «Крушение Царского поезда у станции Борки под Харьковом 17 октября 1888 года». За эту работу Император подарил Алексею Михайловичу участок земли на высоком правом берегу Северского Донца у села Гайдары, Змиевского уезда, где в начале века был построен дом с мезонином. За цикл фотографий, запечатлевших некоторые моменты пребывания Их Императорских Величеств в Борках 20 августа 1898 г. Император пожаловал фотографа «драгоценным золотым перстнем с великолепным сапфиром, окруженным крупными бриллиантами» (газета «ХГВ» от 21 сентября 1898 г.). К 100 летнему юбилею Императорского Харьковского университета Алексей Михайлович выпустил за свой счёт альбом

Храм Христа Спасителя и часовня. На месте крушения царского поезда. Борки. Змиевской уезд. Фото Алексея Иваницкого.

фотографий с объяснительным текстом профессора Д.И. Багалея.

В 1898 г. фотограф подарил Русскому музею Императора Александра III в Санкт-Петербурге «роскошный альбом с 10 фотографическими снимками события 17 октября 1888 г. и освящения на месте крушения Царского поезда храма и часовни. Фотографии по точности исполнения представляют собою настоящие художественные произведения, а самый альбом, исполненный одной артистической мастерской в Вене, с крышками из оксидированного серебра, на которых изображены Борковский храм и другие виды местности события, поражает великолепием отделки....» (газета «ХГВ» от 19 мая 1898 г.).

Мои попытки найти этот альбом были безрезультатны. В ответном письме руководства Музея подтверждено, что альбом Музеем получен и зарегистрирован в книге входящих. А.М. награжден серебряной медалью с профилями Императоров Александра III и Николая II. А далее следы его теряются. Я предполагаю, что альбом попросту украден, т.к. он был зарегистрирован без учета серебряного оформления.

В 1884 году трио энтузиастов: историк – этнограф Д.И. Яворницкий, художник С.И. Васильковский и фотограф А.М. Иваницкий совершили поездку «по запорожским пепелищам». 20 мая 1884 г. (ст. стиль) газета «Харьковские губернские ведомости» опубликовала следующее сообщение: «Мы получили свѣдѣніе, что с первых чисель слѣдующего мѣсяца стипендіать профессорского званія, магістрантъ Д.И. Эварницкій принимает снова поѣздки в бывшія владѣнія запорожскихъ казаковъ; при

*Крушение царского поезда 1 октября 1888 г. Борки. Змиевской уезд.
Фото Алексея Иваницкого.*

*Крушение царского поезда 17 октября 1888 г. Борки. Змиевской уезд.
Первый вагон – детский, следующий – столовая.
Фото Алексея Иваницкого..*

*Фотограф А. М. Иваницкий с супругой
Анастасией Васильевной (Гладкая).
Нач. XX в.*

чемъ г-на Эварницкаго будутъ сопровождать: художникъ С.И. Васильковский, землемер Б.Э. Ясинскій и фотографъ А.М. Иваницкий. Цель поѣздки – сдѣлать планы и снимки с замѣчательныхъ мѣстъ реки Днѣпра и бывшихъ запорожскихъ сѣчей и представить все это на У1 археологическій съѣздъ в Одессу, к августу мѣсяцу текущаго года.» (большая буква «Ъ» заменяетъ букву «ять» - автор).

Работы Д.И. Яворницкаго и С.И. Васильковского широко известны. Но о фотографияхъ деда моего я ничего не зналъ. Несколько летъ назадъ я, при посещении Дома-музея Д.И. Яворницкаго в Днепропетровскѣ, обратилъ вниманіе на фотоснимки, украшавшіе стѣны гостиной. Сотрудники музея поведали мнѣ,

что это и есть фотографии А.М. Иваницкаго, и показали альбомъ «Дніпрові пороги» (альбомъ фотографій з географічно-історичнимъ нарисомъ), изданный акад. Д.И. Яворницкимъ в 1928 году в Харьковѣ. Показательно, что авторство снимковъ в альбомѣ не указано. Да это и не удивительно, ведь дедъ расстрелянъ ЧК, какъ «врагъ трудового народа».

В библиотекѣ ХНУ им. В.Н. Каразина мнѣ удалось ознакомиться с газетами «ХГВ» того времени. А.М. фотографировалъ, кроме днепровскихъ пороговъ, заборъ, бытовые сценки и пейзажи, еще сохранившіеся в то время памятники: старинныя казацкія церкви и монастыри. К сожалѣнію, фотографій культовыхъ сооружений в альбомѣ нѣтъ, кроме одной «запорожской» церкви в селѣ Старый Кодакъ.

Но есть надежда найти эти фотографии в матеріалахъ VI археологическаго сѣзда.

К сожалѣнію, работы Иваницкаго до настоящаго времени не найдены. Не исключено, что они канули, в числѣ другихъ, в архивахъ ГПУ, т.к. при арестѣ сына фотографа Александра в 1930 г. по обвиненію в «экономическомъ вредительствѣ» при обыскѣ квартиры по пл. Руднева, 33, гдѣ проживала семья, были изъяты: «4 коробки с диапозитивами и 2 папки переписки». Это и былъ архивъ Алексѣя Михайловича. Если какая-то часть архива и осталась в квартирѣ, то она погибла при пожарѣ и разрушеніи дома в 1943 г.

Алексѣй Михайловичъ активно участвовалъ в общественной жизни творческой интеллигенціи города. Онъ былъ кандидатомъ в члены правленія и казначеемъ харьковскаго Литературно-художественнаго кружка в началѣ XX вѣка, действительнымъ членомъ Русскаго фотографическаго общества в Москвѣ, членомъ жюри фотовыставки Харьковскаго отдѣленія ИРТО в 1909 г., членомъ экспертной комиссіи фотовыставки этого же отдѣленія в мартѣ 1912 г., чле-

ном Фотографического отдела Харьковского отделения ИРТО на 2-й фотовыставке журнала «Фотографические новости» в 1912 г.

Алексей Михайлович был женат на внучке последнего Кошевого атамана Задунайской запорожской Сечи Анастасии Васильевне Гладкой, имел в браке 4-х детей: Вадима, Зинаиду, Нину и Александра.

Алексей Михайлович трагически погиб в 1920 г. Ранней осенью 1919 г. он поехал в Крым за женой Анастасией Васильевной и дочерью Ниной, лечившимся в Кореизе (близ Мисхора). И пропал без вести. Обстоятельства гибели фотографа стали известны достоверно благодаря помощи народного депутата Украины Д.В. Святаша, направившего руководству СБУ официальный запрос. В ответе СБУ сказано, что «Иваницкий Алексей Михайлович, фотограф из Симферополя, уроженец Харькова, дворянин, расстрелян в числе других по решению «Чрезвычайной Тройки Крымской ударной группы управления особых отделов Юго-Западного фронта» от 7 декабря 1920 г. В протоколе заседания Тройки фамилия Иваницкий проходит под № 257. Однако анкета, которую оформляли все лица, прибывшие в Крым после 1917 г., заполненная рукою деда и им подписанная, датирована 24 декабря. Т.о. дата его смерти остается неизвестной.

Как можно предположить, он благополучно доехал поездом до Симферополя. Но катаклизмы гражданской войны не позволили добраться в Кореиз. Нужно было на что-то существовать, пришлось поступить фотографом в какое-то фотоателье Симферополя. Вряд ли Алексея Михайловича долго содержали в тюрьме. Осенью–зимой 1920 г. в Крыму проводились массовые чистки «нетрудовых элементов» под общим руководством видных большевиков Белы Куна и Розалии Землячки. Алексей Михайлович никогда никого не эксплуатировал. Но принадлежность к дворянскому сословию сыграла трагическую роль.

Как сообщил мне днепропетровский писатель, заслуженный журналист Украины Николай Петрович Чабан, по сведениям, имеющимся у бывшей научной сотрудницы Алупкинского музея-заповедника, известного краеведа Анны Абрамовны Галиченко, фамилия Иваницкого А.М. значится в списках расстрелянных в Багреевке под Ялтой и там же захороненных. В 2005 г. я был приглашен на торжество закладки памятной часовни на этом трагическом месте. В 2006 г. часовня была освящена митрополитом Симферопольским и Крымским Лазарем, благословившим меня иконой Божьей Матери. Впоследствии с помощью Народного депутата Дмитрия Святаша удалось получить из архива СБУ ксерокопии расстрельных документов деда. В книге киевского экс-прокурора, писателя Леонида Михайловича Абраменко «Последняя обитель. Крым 1920 – 1921 гг.» приведены многие факты крымской трагедии, в т.ч. и «дело» А.М. Иваницкого.

И в наше время память об Алексее Михайловиче жива. В печатных и электронных харьковских изданиях периодически публикуются материалы о его жизни и творчестве и проводятся фотовыставки.

А. А. Иваницкий

ХУТОР

*Иваницкий Александр Алексеевич,
корнет 10-го гусарского
Ингерманландского полка.
г. Чугуев-Харьков. 1916 г.
Фото Алексея Иваницкого.*

В начале XX в. недалеко от старинного казачьего поселения «Заячий хутор» у села Гайдары Змиевского уезда Харьковской губернии был построен дом с мезонином, где и обосновалась семья Иваницких. Эта усадьба получила название «Дача Иваницкого» или «Хутор». На хуторе Алексей Михайлович принимал многих известных деятелей культуры того времени. После трагической гибели Алексея Михайловича фактическим хозяином хутора стал младший сын Александр, который ещё со студенческих лет всё своё свободное время отдавал работе по сельскохозяйственному экспериментированию. Мой отец всегда был «фанатом» сельского хозяйства и оставался им до самой смерти в 1973 году.

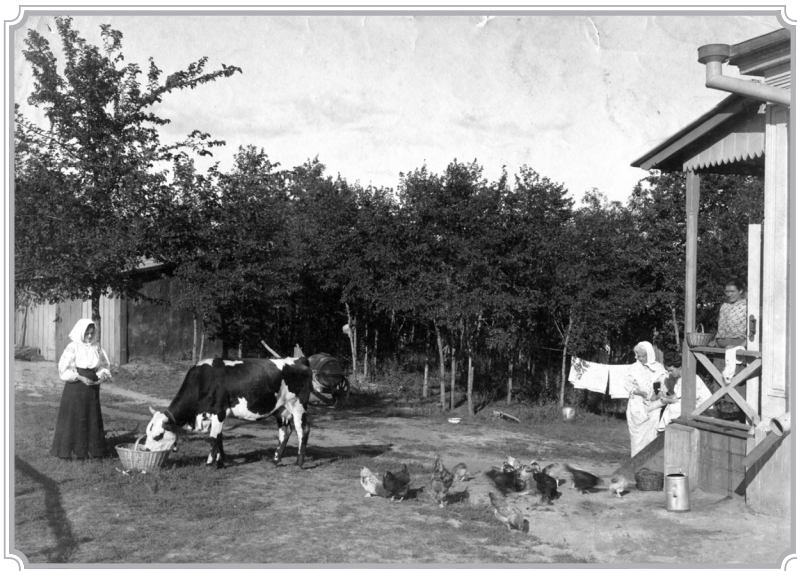
Вспомним немного истории. В 1888 году у станции Борки под Харьковом произошло крушение царского поезда. Августейшая семья возвращалась из Крыма. Дедушка, Алексей Михайлович Иваницкий, как лицо, допущенное к Императорской фамилии, был вызван на место происшествия. И по горячим следам сделал некоторое количество фотографий, позже объединенных в альбом

под названием «Крушение царского поезда у станции Борки Курско-Харьково-Азовской ж/д в 1888 году». За эту работу Царь подарил деду участок земли в несколько десятков десятин на высоком правом берегу Северского Донца. Участок имел выход к реке, пахотные и лесные угодья.

На крутой возвышенности, так называемом «шпиле» был построен де-

*Хутор «Дача Иваницкого» возле с. Гайдары Змиевского уезда. Нач. XX в.
Фото Алексея Иваницкого.*

*Слева направо: тетя Нина Алексеевна Иваницкая, бабушка Анастасия Васильевна Иваницкая
(урожденная Гладкая). Хутор «Дача Иваницкого» возле с. Гайдары Змиевского уезда. 1915-1917 гг.
Фото Алексея Иваницкого.*

ревянный, на кирпичном фундаменте дом с мезонином из 11-ти комнат, общей площадью около 280 кв. м. Мой отец в это время учился на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Харьковского университета. Он с юных лет увлекался сельским хозяйством и превратил хутор в образцово-показательное сельскохозяйственное предприятие.

После всех военных и революционных катаклизмов отец продолжал вести хуторское хозяйство. Только в 1919 году ему удалось окончить университет.

В начале 20-х годов начались гонения на мелких землевладельцев. В 1924 году отец был лишен избирательных прав. Встал вопрос об изъятии у него хутора. Но заступились государственные губернские земельные организации. Харьковским губбюро по землеустройству Госземфондов в заседании от 21, 22 и 25 августа 1924 г. в числе прочих было принято следующее решение: «Что же касается хозяйства Иваницкого, то принимая во внимание его высоко-культурное хозяйство и заявление Харьковского Окрземжива о высоком значении этого хозяйства в культурном отношении, а также учитывая, что такое хозяйство является рассадником высоких сортов культуры винограда, культурных хлебных и травяных злаков, улучшенных пород домашнего скота, не только в Змиевском районе, но далеко и за пределами его, а потому как исключительный случай, — исключить из Гослесфонда участки находящиеся внутри леса под литерами – А, Б, В, и Г – оставить их в пользовании гр. Иваницкого в составе Змиевского земельного общества» (орфография документа сохранена).

Однако наша любимая расцветающая соввласть с таким решением не могла мириться долго. В 1929 г. отец был вторично лишен избирательных прав и раскулачен в 1930 г. С 1929 г. он формально передал управление хутором сестре своей Нине Алексеевне и стал работать на Купянской птицеводной ферме Укрптицетреста. В 1930 году, уже во время работы на Сельхозкомбинате ВУКСА в пос. Рогань под Харьковом, отец был арестован по обвинению в экономическом вредительстве (ст.54/7 УК УССР) за преступления, якобы содеянные им во время работы птицеводом на Купянской птицеферме. Он находился под следствием один год и три месяца с содержанием в Харьковском доме принудительных работ (ДОПР). Освобожден постановлением прокурора ГПУ «за недоказанностью состава преступления».

А. А. Иваницкий

ПОРТ-АРТУР (КНР) В МОЮ БЫТНОСТЬ (1952 – 1955 гг.)

После окончания ускоренного курса Сумского артиллерийского краснознаменного училища им. М.В. Фрунзе (1950 г.) я был направлен в распоряжение Управления кадров артиллерии Приморского ВО в гор. Ворошилов-Уссурийский (Уссурийск). Получил назначение на должность командира огневого взвода гаубичного артполка 63 СД. Полк, вместе с танковым полком этой же дивизии, дислоцировался в дер. Антоновка, Чугуевского р-на Приморского края, в горах Сихотэ-Алиня, в 140 км от тупиковой железнодорожной станции Варфоломеевка и в 150 - 200 км от берега Японского моря. Штаб дивизии, остальные части и службы располагались в пос. Кавалерово, центре одноименного района, ближе к морю.

Когда я в сентябре 1950 года прибыл в часть, она занимала боевые позиции на побережье Японского моря с задачей отражения возможной высадки морского десанта противника. Простояли мы на боевых до глубокой осени. Сняли нас с позиций для борьбы с осенним паводком, от которого страдали многие районы Приморья. Очень мелкие, но с сильным течением горные реки превращались в могучие, бурные потоки, сметающие всё и вся на своём пути.

Война в Корее уже шла. Но мы о ней практически ничего не ведали. В октябре 1952 года меня перевели в Порт-Артур. В полку я встретил нескольких офицеров из бывшего моего полка.

Непосредственно в корейской войне мы участия не принимали. Но всё время находились в готовности № 1. Были моменты, когда боевые действия велись в 280 - 300 км от Порт-Артура, по прямой через Желтое море. В воздухе круглосуточно патрулировали пары наших истребителей. Постоянно посты СНИС передавали во все части воздушную обстановку. Американские самолёты заходили на бомбометание, как правило, со стороны моря. Разворачивались зачастую в непосредственной близости от Порт-Артура.

Помню два экстремальных эпизода времён корейской войны. Один наш, один американский. Как-то наш то ли броне- то ли торпедный катер заплыл в густом тумане к корейскому берегу, в расположение американских частей. Моряки готовились уже отдать швартовы, но услышали вовремя английскую речь. Капитан-лейтенанта, командира корабля, спасло

от трибунала только дружное свидетельство всей команды о его решительных и смелых действиях. Им удалось уйти благополучно. Выручил из беды всё тот же густой туман.

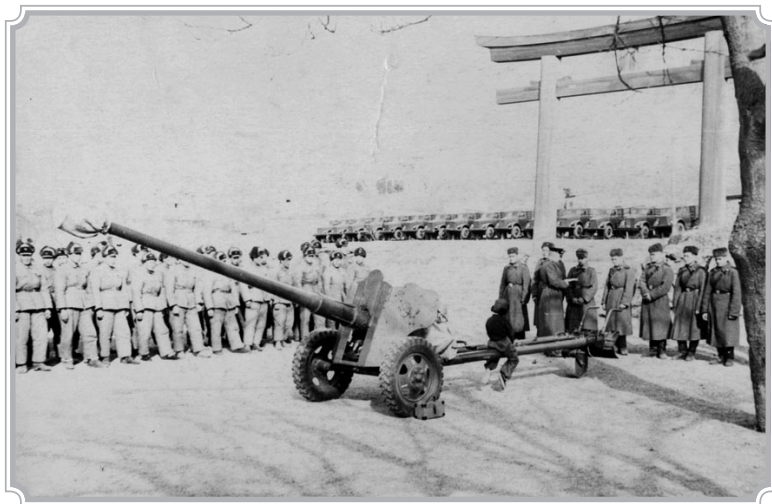
В другой раз в воздушное пространство Порт-Артура «забрёл» заблудившийся американский истребитель. Его тут же «оседлали» наши патрульные и вынудили приземлиться на нашем аэродроме. Говорили, что американский лётчик слёзно просил не передавать его китайским властям. Но «социалистическая солидарность» и тут взяла верх. И он был передан китайцам.

Мне неоднократно приходилось принимать участие в похоронах советских лётчиков и зенитчиков на Порт-Артурском военном кладбище. По-сылаю вам некоторые фото. На могилах устанавливались бетонные пирамидки с красной звездой. На лицевой стороне пирамиды – стилизованный барельеф. Самолёт у лётчиков, и скрещённые пушечные стволы у зенитчиков. Под барельефом – надпись со званием, фамилией и инициалами захороненного, годами рождения и гибели. Запомнилась мне одна надпись, которую привожу почти дословно: «Герой Советского Союза сержант Иванов, инициалы, 1930 - 1952». Барельеф – стволы. К сожалению, я не удосужился пересчитать могилы советских военнослужащих. Их было много, гораздо больше, чем названная официальная цифра. Ритуал похорон состоял в следующем. К городской комендатуре подъезжала грузовая машина, в кузове которой стояло несколько цинковых гробов, укрытых брезентом. Сопровождающий был в кожаной куртке без знаков различия, но с пистолетом под курткой. Он шёл к дежурному помощнику коменданта и оформлял документацию. На кладбище машину сопровождали комендантский взвод и оркестр. Могилы подготавливались заранее. А дальше обычный ритуал воинских похорон. Такая процедура повторялась довольно часто.

В среде советских офицеров, проходивших службу на территории КНР, появилась прослойка «бизнесменов», не брезгующих ничем для своего обогащения. Многие напрашивались в командировки в СССР для сопровождения различных грузов железнодорожным и автомобильным транспортом. Дело в том, что воинские транспорты таможен не досматривались, что давало возможность провозить совместно с официальным грузом любую контрабанду. То ли к стыду своему, то ли к чести могу констатировать, что такой возможностью не воспользовался ни разу.

В 1954 году начали распространяться упорные слухи о скором выводе советских войск с территории КНР. Однако после посещения Ляодунского полуострова представительной партийно-правительственной делегацией СССР во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым слухи несколько поутихли.

Окончилась корейская война. Сотни тысяч человеческих жизней, отданных огненному Молоху, не привели ни к чему. Стороны остались «при своих». Линия раздела между двумя корейскими государствами восстановилась по 38-й параллели.

Порт-Артур (КНР). 1954-1955 гг. Обучение китайских «народных добровольцев», выведенных из Кореи после окончания войны работе на советской технике. Фото ст. лейтенанта Алексея Александровича Иванецкого.

Весной 1955 года начался вывод советских войск. Большинство частей и соединений расформировалось на месте. На смену им приходили части китайских «народных добровольцев», выводимые из Кореи. Повсеместно в советских частях было организовано обучение китайских военнослужащих на новой для них технике. 39-я армия, дислоцированная на Ляодунском полуострове, расформировалась. Все военные сооружения, боевая техника и вооружение передавались частям китайских «народных добровольцев», выведенных из Кореи. И, заметьте, совершенно безвозмездно. Советские войска увезли только стрелковое оружие, в то время секретное (АК-47, СКС, РП и т.п.), а также истребители МиГ-17. После вывода войск я был оставлен в качестве советника с группой специалистов срочной службы (водители и артмастера) для обеспечения проведения первых боевых артиллерийских стрельб китайскими военными с использованием нашей техники, им переданной. Была создана сводная батарея, на вооружении которой имелись: одна 85 мм дивизионная пушка, одна 122 мм гаубица и один 160 мм миномёт. Расчеты и командиры – китайцы. На стрельбы было выведено большое количество генералов и офицеров Китайской Народной армии. Я находился на НП стреляющего с группой китайских офицеров и генералов. Зрители сидели толпой справа от НП на склоне сопки. Стрельбы прошли в целом успешно. Ещё до выхода наших войск мы усиленно готовили китайских артиллеристов к работе с нашими системами. Но один

неприятный эпизод на стрельбах всё-таки имел место. При стрельбе из миномёта большое значение имеет надёжное закрепление опорной миномётной плиты. Огневые позиции я не проверял, такую задачу мне не ставили. А миномётный огневой расчет этому требованию не придавал нужного значения. В результате после первого выстрела плита осела, что расчётом не было учтено. Вторая мина разорвалась у самого подножья сопки, на склоне которой сидели китайцы. Мне пришлось остановить стрельбу. Два слова о китайском военном быте. В то время военных кухонь у китайских народных добровольцев не было. Солдатам и офицерам выдавали сухой паёк. В основном рис с различными специями. Готовили они в казанках на подручном топливе. А на боевой стрельбе группа советских военнослужащих была забыта. Мои солдаты предъявили претензию. Пришлось обращаться к китайскому командованию. Кого-то послали в ближайший населённый пункт, и нам привезли копчёную колбасу и сладкий пирог с повидлом. Но «на безрыбье и рак рыба». И мы остались довольны. И ещё один эпизод, грозивший мне самыми тяжкими последствиями. Возвращались мы с боевых стрельб батареей колонной. Я сидел в кабине головного тягача ГАЗ-63 с 85 мм пушкой на прицепе. Смеркалось. И тут мне захотелось в последний раз «порулить». Поменялись местами с водителем и поехали дальше. Нужно сказать, что в кузове автомашины стояли стоймя китайские офицеры. Въехали в какой-то населённый пункт. Узкая улица, канавы с двух сторон. За канавами глухие стены глинобитных китайских фанз. И неожиданно в свете фар, а уже стемнело, показалась повозка, запряженная ишаком. объехать нельзя – узко. Я резко нажал на тормоз, машина развернулась и съехала в кювет. Пушка, к счастью, осталась на дороге. Китайцы горохом посыпались из кузова. От переворачивания машину спасла стенка фанзы. И ни один из китайцев не доложил по начальству об инциденте. Правда, пострадавших не было. Дружными усилиями пассажиров машину поставили на дорогу. Вся процедура заняла несколько минут. Вторая машина нашла нас ожидающими её подхода. Эпизод закончился благополучно. Моя служба в КНР на этом закончилась. Границу СССР я пересёк 1 мая 1955 года. В 1954 году КНР посетила советская партийно-правительственная делегация во главе с Н.С. Хрущёвым. Его сопровождали Маршал Советского Союза Булганин, Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов и многие другие военные и гражданские деятели. Вся эта команда прибыла в Порт-Артур и пожелала осмотреть исторические места обороны города в русско-японской войне. В качестве гида к ним был прикомандирован офицер штаба 39-й армии подполковник Свинын. Никита Сергеевич и иже с ним были возмущены полным отсутствием русских памятников в исторических местах обороны Порт-Артура. На всех памятных местах стояли японские обелиски с надписями на японском языке. Даже на месте гибели генерала Кондратенко стоял японский памятный знак с

надписью: «На этом месте, дата, разрывом японского снаряда убит вдохновитель и организатор обороны Порт-Артура генерал Кондратенко». Н.С. Хрущёв приказал немедленно организовать при Военпроекте штаба 39-й армии архитектурную группу, с задачей в кратчайшие сроки разработать проекты памятников для всех исторических мест обороны. На 2-м и 4-м фортах, Большом Орлином гнезде, Электрическом утесе и т.д. Были командированы в Порт-Артур специалисты из Хабаровска и Москвы. В эту группу попала и моя первая жена, Иваницкая (Сонцева) Светлана Юрьевна, по образованию горный техник-маркшейдер. Была разработана рабочая документация и выполнены макеты памятников в малом масштабе. Документация и макеты прошли утверждение командующим ДВО Маршалом Советского Союза Р.Я. Малиновским и отправлены в Москву. Но на этом эпопея и завершилась, средств для осуществления проекта в СССР не нашлось. Фотографии макетов памятников с утверждающей подписью Маршала Малиновского мне удалось получить через жену. Эти уникальные фото переданы мной в Музей истории Сумского артучилища. Недавно я пытался получить копии. К сожалению, попытка оказалась безрезультатной. Начальство музея при САУ успело за это время трижды смениться по разным причинам. Все материалы исчезли. Мне удалось найти только мой училищный значок, да и то под искажённой фамилией. Продолжалась «холодная война». В связи с отсутствием средств на строительство запланированных памятников было принято решение на уровне Политбюро и Правительства СССР о возведении одного единого памятника Советско-китайской дружбы в центре Порт-Артура (Новый город). Кто проектировал этот памятник, я не знаю. В закладке памятника я имел честь принимать непосредственное участие в составе своего полка. Наши и китайские части были выведены на площадь около 6 утра. И стояли в строю, под палящим солнцем, до позднего вечера. Если кто-то падал в обморок, его оттаскивали за строй, и его место заступал другой из задней шеренги. Нужно признать, что китайцы оказались более приспособленными к этой пытке. Во всяком случае, стоя в первой шеренге лицом к лицу с китайцами, я не видел таких эксцессов в их строю. На закладке памятника присутствовали многие видные китайские руководители: Го Можо, Пын Дехуэй и другие партийно-государственные деятели.

Когда мы покидали окончательно Порт-Артур 1 мая 1955 года, на центральной улице Нового города под навесами сидели тысячи китайцев и вручную шлифовали камень для памятника. О дальнейшей судьбе монумента ничего не могу сказать. А очень хотелось бы на склоне жизни побывать в Антоновке и Порт-Артуре. Что-то там делается в наше непростое время? Построен ли памятник и как он выглядит?

А. А. Иваницкий

Возрождение и становление Харьковского дворянского Собрания (1992 – 2002 гг.)

Хочу поделиться с вами своими впечатлениями о процессе возрождения российского дворянства в Харькове. В середине 1990 года я прочитал в одной из центральных газет о состоявшемся в Москве собрании потомков дворян, на котором было объявлено о возрождении российского дворянства и создании новой общественной организации. Организация при юридическом оформлении получила название – Российское дворянское Собрание – Союз потомков российского дворянства. Предводителем Российского дворянства был избран потомок древнего княжеского рода Андрей Кириллович Голицын, по специальности – свободный художник. Но в публикации не были приведены реквизиты этой общественной организации. Заняться активными поисками в силу некоторых обстоятельств я не имел возможности. Наступил период затишья.

Осенью 1992 года в одной из харьковских газет было опубликовано сообщение об учредительном собрании, проведенном 7 ноября в Доме актёра группой потомков дворян и сочувствующих. Новая общественная организация получила название Харьковский Союз потомков российского дворянства – губернское дворянское Собрание (ХГДС). Предводителем ХГДС был избран Александр Александрович Корзун, членами Совета: Щерецкая Валентина Михайловна (казначей), Лупицкий Михаил Михайлович (вице-предводитель) и Кузьмин Виктор Игоревич (ответственный секретарь). В заметке были указаны время и место проведения собрания. Имея эти сведения, я занялся поиском. Вахтёр Дома актёра, представительный мужчина с выправкой отставного полковника, дал мне номер служебного телефона Валентины Михайловны Щерецкой. Мы встретились в вестибюле здания Облгосадминистрации, и я узнал домашний адрес и телефон Александра Александровича Корзуна. Предварительно договорившись по телефону, мы встретились у него дома, на улице Героев Труда. Александр Александрович оказался гостеприимным хозяином, импозантным и толерантным мужчиной уже довольно пожилого возраста. Он жил бобылем, и роль хозяйки исполняла Зоя Васильевна Прохорова, старинный друг дома,

воспитательница детей и внуков Александра Александровича.

20 - 22 ноября 1992 года в Москве состоялся 1-й Съезд российского дворянства, в работе которого приняли участие делегаты от ХГДС: с правом решающего голоса Корзун Александр Александрович, Лупицкий Михаил Михайлович и Прохорова Зоя Васильевна; с правом совещательного голоса Овчаров Григорий Фёдорович, который и финансировал поездку.

В декабре 1992 г. я официально стал членом ХГДС и сразу же был избран заместителем председателя Приёмной комиссии и геральдмейстером Собрания. Руководство ХГДС с участием актива разработало ряд нормативных документов: Устав ХГДС, Концепцию его деятельности и Правила приёма. Мне пришлось серьёзно отредактировать проект Устава, так как он разрабатывался на основе Устава московского Российского дворянского Собрания и далеко не во всём отвечал требованиям действующего законодательства Украины. Трудности удалось преодолеть, и Устав ХГДС был зарегистрирован Управлением юстиции харьковской Облгосадминистрации 25 января 1993 г. (регистрационный № 102). В начале 1993 года в состав Совета вошли Алла Валентиновна Крестецкая, Александр Иванович Чумаченко, Григорий Фёдорович Овчаров и я. Было проведено перераспределение обязанностей. Меня избрали вице-предводителем с сохранением должности геральдмейстера.

Основные проблемы, сразу же вставшие перед молодой организацией, общеизвестны: отсутствие помещения для работы и острая нехватка финансовых средств. Был разработан и принят Собранием план работы на 1993 г., где эти вопросы обозначались приоритетными. Открыт счёт в НПК-банке. Право первой банковской подписи имели предводитель А. А. Корзун и вице-предводитель А. А. Иваницкий; право второй подписи – А. В. Крестецкая, избранная казначеем.

27 августа 1993 года скоропостижно скончался Александр Александрович Корзун. В силу объективных причин оба вице-предводителя: М. М. Лупицкий (возраст) и А. А. Иваницкий (тяжкая болезнь жены) не смогли взять на себя исполнение обязанностей Предводителя. Предводителем был избран Никита Иванович Вишневский, старший сын офицера-корниловца, участника знаменитого «ледового похода», обосновавшегося после долгих мытарств во Франции. Семья вернулась на Родину в 1956 году, к счастью, уже после смерти И. В. Сталина. Выстрадавшая Родина встретила своих блудных детей больше терниями, чем розами. Никита Иванович – широко образованный, интеллигентный и религиозный человек, с хорошо усвоенными эмигрантскими традициями. Намечались кое-какие положительные сдвиги в работе Собрания. Анонимный доброжелатель перевёл на наш счёт 200 000 карбованцев (в то время – украинской валюты).

Трио руководства ХГДС в составе Н. И. Вишневого, А. В. Крестецкой и меня добилось аудиенции у тогдашнего мэра Харькова Евгения Петрови-

ча Кушнарёва. После довольно продолжительной беседы, в ходе которой мы старались разяснить мэру принципы нашей организации и её роль в перспективе, Евгений Петрович вызвал ответственную сотрудницу подразделения Горисполкома, ведающего нежилым фондом. Он распорядился подыскать подходящее нежилое помещение и подготовить необходимые документы для безвозмездной его передачи ХГДС.

У меня уже давно зрела мысль о подготовке предложения Собранию по открытию элитного кафе под интригующим названием «Дворянская гостиная». Я предполагал, что небольшое уютное кафе с соответствующим названию интерьером и приборами, хорошей домашней кухней и щебечущими на разных языках официантками, можно организовать. Со временем этот «пункт общепита» должен был стать местом деловых встреч местных и иностранных бизнесменов-инвесторов в родную экономику. Поделился идеей с Никитой Ивановичем, и сразу же ощутил деловую поддержку. Оказалось, что у Предводителя есть «рука» на знаменитом Будянском фаянсовом заводе. Можно было говорить об изготовлении необходимых приборов на очень льготных условиях, вплоть до долгосрочного кредита. Одна наша дама взялась устроить мою встречу с известной местной предпринимательницей и благотворительницей Галиной Ивановной Подопрigorой, поддерживающей несколько заведений общепита. Я явился к назначенному сроку в ресторанчик на Южном вокзале, где было назначено «рандеву». Но не тут то было. Хозяйки на месте не оказалось. Пришлось ждать. Встреча всё же состоялась, но менталитет харьковской колхозницы-бизнеследи сыграл свою роль. Она не сумела понять, какие горизонты могли бы открыться перед её делом. Встретила она меня, как просителя с протянутой жаждущей рукой. Наступивший после совершенно неожиданной смерти Никиты Ивановича разлад в харьковском дворянстве окончательно поставил крест на моей задумке.

А. В. Крестецкая выполнила огромную подготовительную работу по организации дворянского лицея при Украинской народной академии (ректор Валентина Илларионовна Астахова). Для начала мы предполагали открыть факультативы по элитным дисциплинам (этика, логика и риторика, иностранные языки, балльные танцы, фехтование и верховая езда) в существующем при академии лицее.

Эта работа достигла стадии конкретных переговоров с предполагаемыми исполнителями. В частности, я договорился с моей племянницей Екаториной, тренером и мастером спорта в этом виде, об организации конно-спортивного факультатива.

К сожалению, после смерти А. А. Корзуна и отхода от активной деятельности обоих вице-предводителей, работа Собрания постепенно замирала. Этому способствовала и большая занятость Н. И. Вишневого по основной работе, частые длительные командировки и болезни. 23 августа 1994 г.

Никита Иванович Вишневский отошел в мир иной.

Временным Предводителем, до окончания трёхлетнего срока, был избран Валерий Фёдорович Чернай, сын Елены Александровны Чернай (в замужестве Лариной), активной участницы, вместе с братом Олегом Александровичем, становления харьковского дворянства. На каком основании и по какой причине Валерий Фёдорович принял материнскую фамилию мне не известно. Чернаи – старый харьковский профессорский род, многие представители которого внесли заметную лепту в развитие Императорского харьковского университета. До октябрьского переворота Чернаи имели домовладение по Екатеринославской улице (ныне – Полтавский шлях). И Валерий Фёдорович Чернай с единокровным братом Олегом Фёдоровичем Лариным (вице-предводитель) поставили перед собой абсолютно невыполнимую при действующих законах Украины задачу – отвоевать у государства бывшее домовладение Чернаев, обещая выделить помещение для ХГДС в случае удачи. Положительно начатая работа по обеспечению ХГДС рабочим помещением была свёрнута..

Фактически избрание В.Ф. Черная Предводителем не было легитимным, т.к. на собрании не было кворума. Но новое руководство пошло по пути полного игнорирования нормативных документов Собрания, присвоив себе право их трактовки и изменения единолично, без участия Совета и Собрания. Так же единолично решались и вопросы приёма новых членов. Практически общих собраний и заседаний Совета не проводилось. А редкие исключения превращались в монологи Предводителя. По этой причине многие активные члены Собрания фактически вышли из него, хотя документы большинства из них остались у В.Ф. Черная.

С целью упорядочения работы ХГДС и подготовки легитимного переизборного собрания на базе действующих нормативных документов была образована инициативная группа.

И началась многолетняя изнурительная борьба. Неоднократные устные и письменные обращения инициативной группы к Валерию Фёдоровичу превращались в пустой звук. К стыду харьковского дворянства В.Ф. Чернай зачастую прибегал к методам и мотивировкам, не отвечающим понятиям дворянской чести и достоинства. Как-то я с Арсением Ивановичем Вишневским решили встретиться с Валерием Фёдоровичем для разговора «по душам» с целью обсуждения перспектив возможного сотрудничества. Валерий Фёдорович принял нас в своей квартире в бывшем домовладении Чернаев. В разговоре принял участие Олег Фёдорович Ларин. Содержательного разговора не получилось, т.к. братья сразу же заняли агрессивную и непримиримую позицию. К концу разговора они перешли к инсинуациям и прямым оскорблениям, вплоть до использования нецензурных выражений. Валерий Фёдорович заявил, что со мной он вообще не желает разговаривать. Из его заявления следовало, что род Иваницких лишен дворянского

достоинства Императором Николаем II ещё в начале XX века, и я не имею права обсуждать дворянские дела.

Попробую разъяснить эту ситуацию. Активным членом 1-й Государственной Думы от Харьковской губернии был Фёдор Иванович Иваницкий, наш однофамилец или очень дальний родственник. После разгона Думы Фёдор Иванович действительно был лишен дворянского достоинства и сослан. Он пострадал за свои радикальные убеждения, направленные против российского самодержавия. Но мне, в отличие от многих соискателей, не пришлось глотать архивную пыль в поисках документальных подтверждений моей принадлежности к дворянскому роду. Таким образом, после разговора с братьями мы остались «при своих».

Странную позицию заняло руководство РДС. На письма инициативной группы руководство РДС или не отвечало вовсе, или отвечало общими фразами и призывами к толерантности и компромиссу. Поневоле складывалось впечатление, что Валерий Фёдорович Чернай связан какими-то невидимыми, но крепкими нитями с высокими чиновниками РДС. Он умел пустить пыль в глаза и широко этим пользовался. Свои выступления в масс-медиа Валерий Фёдорович представлял в Москве как активную работу всего Собрания. Длительное время пребывая в Москве по личным делам Валерий Фёдорович часто посещал штаб-квартиру РДС, тесно общался с его руководителями. За достигнутые «успехи» он был награждён медалью «В память создания Союза потомков Российского Дворянства – Российского Дворянского Собрания» к 10 летнему юбилею РДС (еженедельник РДС «Дворянский вестник», № 7-8 за июль-август 2001 г.). Отлично понимая всё неблагоприятное обстановка в харьковском дворянстве, руководство не принимало никаких мер к её стабилизации. У нас всё более зрела мысль о том, что сложившиеся в Харькове отношения многих устраивают.

Неугомонные Арсений Иванович Вишневский и «аз грешный» решили обсудить сложившуюся в харьковском дворянстве ситуацию непосредственно с главными руководителями РДС. И, перекрестившись, отправились в Москву. Выехали мы под вечер автобусом в Белгород. Через 3 часа уже тряслись в плацкартном вагоне поезда Белгород - Москва. Прибыли на Курский вокзал довольно рано. До начала рабочего дня в офисе РДС оставалось около трёх часов. Решили провести одного из сыновей Арсения Ивановича, работавшего разнорабочим у какого-то кавказца на огромном рынке, возникшем в наше весёлое время вокруг знаменитого стадиона Лужники. Пообщавшись очень короткое время (в рыночной экономике тратить рабочее время на сантименты не приходится), поехали в метро к офису, расположенному в Малом Знаменском переулке, дом 5, рядом с музеем Рериха и вблизи недавно отстроенного храма Христа Спасителя. До начала работы оставалась малая толика времени, которую мы и использовали для посещения и детального осмотра храма. Очень впечатляет

грандиозность и великолепие сооружения. Службы не было, и мы имели возможность осмотреть почти все закоулки.

Предводителя РДС князя Андрея Кирилловича Голицына мы не застали. Встретились с вице-предводителем и директором Департамента геральдии Сергеем Алексеевичем Сапожниковым и ответственным секретарём объединенного Совета РДС, директором Департамента межрегиональных и общественных связей Александром Юрьевичем Королёвым-Перелешиним. Беседа была длительной и очень содержательной. Поначалу разговора не получалось. Александр Юрьевич явно был настроен против меня лично. Даже был использован тезис о моём выбытии из дворянства «по собственному желанию». Действительно, я подавал Чернаю заявление о выбытии из ХГДС совокупно со всеми родственниками. Это объяснялось принципиальными разногласиями в методике руководства и его юридической линии, совершенным игнорированием нормативных документов. Но я оставался действительным членом (по отцовской линии) РДС и имел право решающего голоса.

В результате беседы была достигнута договоренность о проведении в Харькове, не позднее 30 сентября 2000 года, объединительного собрания. Главной задачей ставилось достижение взаимопонимания в коллективе и его сплочение. Нужно было провести выборы нового руководства объединённого ХГДС. Нам обещали обеспечить участие В. Ф. Черная и его группы, а также присутствие полномочных московских представителей. Мы вернулись в Харьков окрылёнными, но всё же червячок сомнения глодал наши души. Время шло, Москва молчала. Во время одной из московских командировок Арсению Ивановичу удалось переговорить с Предводителем. Андрей Кириллович обещал полное содействие в подготовке и проведении собрания. Но наши сомнения подтвердились. Прошли оговоренные сроки, статус-кво сохранялся.

Де-факто в Харькове существовали параллельно две дворянские общественные организации: ХГДС, не прошедшее перерегистрации в юридическом Управлении Облгосадминистрации и не имевшее идентификационного кода, и коллектив, сплотившийся вокруг инициативной группы, без юридического лица и названия. И пошли бесконечные разговоры на тему необходимости юридического оформления «античернаевской» группировки. Разговоров было много, а дело с мёртвой точки не сходило. Правда, была создана команда по подготовке проекта Устава новой организации в составе Валентина Николаевича Биневского, Арсения Ивановича Вишневого, Юрия Ивановича Палкина, Виктора Викторовича Парамонова и меня. Проект Устава был подготовлен, но воз застрял крепко. Никто не хотел заниматься нудной, нервной и длительной работой – юридическим оформлением новой общественной организации. Пришлось взяться за дело мне. И сразу же возникла проблема. В Уставе нужно указывать юри-

дический адрес организации, а рабочего помещения у нас нет. Согласилась дать свой домашний адрес Галина Георгиевна Янко, но возникли непреодолимые трудности в ЖЭК'е. И опять свет клином сошелся на мне. С согласия Нины Васильевны (моей, уже покойной, супруги) оформил гарантийное письмо с заверенными нашим ЖЭК'ом подписями. Должен отметить, что процедура оформления неприбыльной общественной организации в нашем государстве ничем не отличается от оформления малого предприятия или чего другого. Каждого чиновника пришлось посетить два, а то и три раза. Очереди, толкотня, всё время на ногах. Но всё когда-нибудь кончается. Общественная организация получила название «Харьковское дворянское Собрание» и была зарегистрирована распоряжением Исполкома харьковского городского Совета от 22 января 2001 г., № 97.

Но мысль о возможном объединении не покидала нас. На этом настаивало и руководство РДС. Главной мотивировкой была невозможность сотрудничества Центра с двумя параллельными харьковскими дворянскими общественными организациями. И наконец, лёд тронулся.

16 декабря 2001 г. в зале харьковского Дома художника прошло объединительное собрание дворянских организаций: ХГДС и ХДС. На собрании присутствовали высокие представители РДС: князь А. К. Голицын, г-да С. А. Сапожников и А. Ю. Королёв-Перелешин. Должен отметить, что накануне и непосредственно перед началом собрания состоялись совещания в узком круге с участием москвичей с целью согласования позиций сторон. Но ещё при встрече московских гостей на харьковском вокзале мы обратили внимание на странную несогласованность их действий. Сапожников и Королёв-Перелешин ехали в одном вагоне. Их встречали Биневский, Палкин, Янко и я. Князь Голицын ехал в одиночестве и встречал его Чернай. Встретились москвичи только в Доме художника. На предварительных совещаниях была достигнута договоренность о процедуре проведения собрания, обращено особое внимание на технологию голосования. Когда Арсений Иванович и я были в Москве, Королёв-Перелешин обратил наше внимание на то, что правом решающего голоса должны пользоваться только действительные члены РДС, прошедшие московскую экспертизу и имеющие соответствующие дипломы. Но в письме, которое мы получили до собрания, высказывались некоторые сомнения в таком решении. На собрании москвичи резко изменили свою позицию и поддержали негативную реакцию ассоциированных членов (по материнской линии), активно выражавших своё недовольство явной их дискриминацией. И тут В. Ф. Чернай заявил о своём несогласии с решениями собрания и непризнании формально состоявшегося объединения. Москвичи убыли восвояси, заверив нас в признании результатов собрания. Предводителем «объединенного» ХГДС был избран Валентин Николаевич Биневский. Валерия Фёдоровича Черная избрали вице-предводителем. Через некоторое время г-на Бинев-

ского кооптировали в состав Совета объединённого дворянства в Москве, но В. Ф. Черная из состава Совета не вывели.

Я имел честь председательствовать на собрании. Не буду говорить обо всех перипетиях его проведения, о неприятностях и нервотрёпке, выпавших на долю председателя. Собранием были избраны: вице-предводители, совет, секретариат, ревизионная комиссия и суд чести, решено провести коррекцию Устава ХГДС с целью приведения в соответствие с реалиями, и его перерегистрацию. Решения собрания оформлены протоколом, копия которого отправлена в Москву.

Попытка перерегистрировать Устав и переоформить организацию (новая печать с идентификационным кодом, налоговая инспекция и т.д.) с треском провалилась. Процедура требует представления Предводителем первого экземпляра существующего Устава. Предводителем избрали В. Н. Биневского, а первый экземпляр Устава узурпировал В. Ф. Чернай. И не желает отдавать! Совершенно неожиданно мы узнаём из «компетентных источников», что В. Ф. Чернай представил в юридическое Управление Облгосадминистрации материалы для перерегистрации Устава ХГДС от лица Предводителя. По моей инициативе в эту институцию были направлены документы объединительного собрания, что дезавуировало притязания Черная. Чиновники ЮУправления приняли соломоново решение: или помиритесь и достигните компромисса при решении проблемы, или решайте её в суде. А до того материалы обеих сторон полежат у нас, местечко найдется. Но о мире и речи быть не может, а судиться не хочется (вспомните о «соре из избы»), да и возни не оберёшься.

И на этом всё кончилось. Опять тишина и брежневский «застой». Я, да и не только, убеждён, что статус-кво устраивает многих. В. Н. Биневский присутствует на московских съездах, Галина Георгиевна Янко деятельно собирает с нищих дворян (потомков) средства на его командировки. В. Ф. Чернай с О. Ф. Лариным руководят на своей половине; Ю. И. Палкин при активном, и часто решающем, участии Г. Г. Янко трудятся на другой половине. А подавляющему большинству вообще всё «до лампочки». Посиделки и миниконцерты, которые организывают обе половинки на большие религиозные праздники устраивают всех. А Москва прячет голову в песок и делает вид, что в харьковском дворянском «коллективе» всё в полном порядке. Хлопоты с харьковским дворянством московскому руководству ни к чему. У них и своих дел выше головы.

А что же там?

Стыдно признаться, но иногда искорка злорадства проскакивает в моём сознании. Московское, да и всероссийское дворянство переживает неприятности, которые в Харькове были ранее. Об опасности внутренних дразг мы неоднократно безответно предупреждали руководство РДС. В московском руководстве уже давно нарастало противоборство между

действующим Предводителем князем А. К. Голицыным и активными его помощниками, возглавляемыми С. А. Сапожниковым и А. Ю. Корелёвым-Перелешиним. Малый Совет РДС обвинил Голицына в злоупотреблении властью, махинациями с финансами и недвижимостью (резиденция РДС) и т.п. Ответный ход князя был предельно прост – своим приказом он распустил Малый Совет и отстранил от должности зачинщиков. Но ведь все эти должности выборные, приказом такие вопросы не решить. Противники князю не подчинились и организовали Предводителю вотум недоверия. Не буду пересказывать все перипетии этой драмы, да и не знаю я подробностей. В результате московское РДС официально разделилось на два лагеря. МГДС возглавил С. А. Сапожников, РДС – князь Оболенский. А князь А. К. Голицын тут же организовал новое Собрание – Союз потомков. Региональные (губернские) дворянские Собрания в недоумении заматались меж ними. Попробуй выбрать, что лучше, да и выгоднее! Харькову в этом просто повезло, сама судьба решила проблему. В. Ф. Чернай – верный вассал князя Голицына, а В. Н. Биневский в меру своих возможностей поддерживает князя Оболенского (читай С. А. Сапожникова и А. Ю. Корелёва-Перелешина). А почти весь «электорат» знать ничего не знает, да и не хочет знать.

А тут ещё трагическая история с московской резиденцией РДС в Малом Знаменском. В самом начале своей деятельности РДС арендовало у московского Правительства бывший княжеский дворец за символическую плату. В те времена Президент РФ Борис Николаевич Ельцин благоволил к старине. Но при заключении договора дворяне допустили оплошность, которая со временем переросла в трагедию. РДС обязалось к определённому сроку выполнить работы по реставрации огромного здания. Подчёркиваю, не ремонту, а реставрации. Искали спонсоров, подрядчиков подешевле. Время шло. Отремонтировали только малую часть, где и разместились. При Ельцине начальство смотрело на это сквозь пальцы. Открытый Правительством Москвы судебный процесс против РДС медленно спускался на тормозах. Но вот к власти пришел прагматичный и деятельный кагэбист Владимир Владимирович Путин. И дело обрело второе дыхание. В нём приняла активное участие вице-премьер РФ г-жа Матвиенко, и не на стороне РДС. Собрание грозят выбросить на улицу «без предоставления жилплощади». На каком этапе дело сегодня, не знаю. Уверен, что руководству РДС не до наших дрызг.

Приведу последний пример, ярко характеризующий деятельность предводителя ХГДС (юридически не существующего) г-на Биневского. Третьего дня (7 дек. 2002 г.) телефонировала мне член дворянского Собрания Галина Сергеевна Крахмалёва. Она дала номер моего телефона редактору телепередачи «7-я студия» некоей Лене, которая хотела предложить мне принять участие в сюжете о возникновении дворянства как общественного сословия. Лена позвонила, и разговор состоялся. Я предупредил редакто-

ра, что согласно Уставу не имею права представлять дворянское Собрание, но как частное лицо и действительный член РДС могу принять участие в передаче и удовлетворить по возможности любопытство телезрителей. И тут мне в голову пришла мысль о привлечении к передаче геральдмейстера Собрания Ю. И. Палкина. Я позвонил ему и тут же получил согласие. Мы договорились о встрече у меня дома в воскресенье 8 декабря для координации действий и подбора иллюстраций. До вечера я просидел безвыходно дома, ожидая прихода Юрия Ивановича или его звонка. Не дождавшись, около 21 часа позвонил ему. Юрий Иванович просто и доходчиво объяснил нарушение договоренности. Оказывается, его сестра отмечала день своего рождения. Естественно, остаться в стороне от столь важного и ответственного мероприятия он никак не мог. А что он поставил в неприятное положение Иваницкого, Бог простит. Я думаю, что он так и не осознал несуразности своего поступка.

Чуть позднее неожиданно позвонил г-н Биневский и устроил мне разнос по причине, как он считает, использования мною брэнда ХДС для повышения личного имиджа. При этом он допускал такие выражения, что в XIX веке мы бы сошлись у барьера. В XXI веке пришлось просто положить трубку телефона, крепко ругнувшись про себя.

Встретились с Ю. И. Палкиным мы уже 10 декабря на студии перед передачей. Это был прямой эфир, всё получилось экспромтом. С нами беседовали двое ведущих, интересные бравые молодые люди. Были и вопросы телезрителей. Вывод для нас не очень утешителен. Широкая публика совершенно не разбирается в дворянских делах. Удивляться здесь не приходится, советская власть исключила такие вопросы из общественного сознания. Во всяком случае – состоялось. Как я понял, лицом в грязь мы не ударили.

Примечание: статья написана в 2002 году и ранее не публиковалась.

А. А. Иваницкий

КОНФЕРЕНЦИЯ В АЛУПКЕ

19-20 сентября 2005 года в Воронцовском дворце с большим успехом прошли VIII Крымские Международные Воронцовские научные чтения «Воронцовы и русское дворянство: между Востоком и Западом» и VI Крымские Международные научные чтения «Мир усадебной культуры». В конференции приняли участие представители многих городов Украины и России (даже Норильска). На этой конференции, в отличие от предыдущей, представителей «далекого зарубежья» не было. Харьков представляли члены Совета Харьковского дворянского Собрания: Р. О. Капнист, Е. М. Костенко и А. А. Иваницкий.

В рамках конференции работали следующие секции: «Крымская усадьба», руководитель – Анна Абрамовна Галиченко, искусствовед, лауреат Государственной премии Крыма; «Генеалогия и дворянские усадьбы», руководитель – Николай Петрович Чабан, писатель-журналист, член правления Всеукраинского союза краеведов; «Воронцовы и русское дворянство», руководитель – Галина Григорьевна Филатова, зав. научно-экспозиционным отделом АГДПМЗ; «Просветительская и культурная деятельность Воронцовых в России», руководитель – Н. А. Ковалевская, ст. научный сотрудник АГДПМЗ.

В секции «Крымская усадьба» с интересным докладом «Усадьба Капнистов в Судаче. Судьбы ее хозяев». выступила Р. Капнист. Докладчица красиво и доходчиво рассказала о прекрасном прибрежном имении, о виноградниках и душистых крымских винах, о дружной семье владельцев. Вторая часть доклада вызвала у слушателей глубокое сочувствие к трагическим судьбам членов семьи: в несколько дней семья и дом были разгромлены большевистскими вандалами, глава семьи – граф Ростислав Ростиславович Капнист в начале января 1921 года расстрелян, старшая дочь, не вынеся потери отца, скоропостижно скончалась, братья разлетелись по стране, а мать с младшей дочерью, будущей заслуженной киноактрисой Марией Капнист, бежала из Крыма с помощью местных татар.

В секции «Генеалогия и дворянская усадьба» с докладом «Судьба фотографа-дворянина А. М. Иваницкого» выступил А. Иваницкий, внук фотографа. Алексей Михайлович Иваницкий, известный харьковский фото-

граф-художник, допущенный к Императорской фамилии, которого называли также «фотографом Крыма», осенью 1919 года поехал в Крым за женой и дочерью, лечившимися в Кореизе. Не имея возможности добраться до них, начал работать в одном из фотокооперативов Симферополя. В конце 1920 года был арестован ЧК как «беженец», и в последних числах декабря расстрелян. Массовые расстрелы производились в лесу, в семи километрах от Ялты по Бахчисарайскому шоссе, близ дачи ялтинского присяжного поверенного Фролова-Багреева. Тела убитых сбрасывались в «накопительный бассейн» гидросистемы. В этом бассейне нашли упокоение более 800 страдальцев.

Местный священник, участник конференции отец Владислав, любезно повез на собственной машине трех родственников убитых, среди которых был я, и Р. Капнист на место расстрела.

На лесной поляне в стороне от дороги правильной округлой формы лужайка, с одиноким деревом в центре. С трех сторон поляну окружает лес, с четвертой – скалы. У скалы водружен деревянный крест. Святое место ухожено, его посещают как местные жители, так и родственники погибших, приезжающие из многих стран. В декабре этого года здесь намечена закладка будущей часовни, строительство которой субсидируют родственники расстрелянных здесь Бярятинских и Мальцевых, живущие на Западе.

В этой же секции выступила с докладом «Архитектор А. Н. Бекетов в Крыму» Е. Костенко. В своем докладе она показала творческие связи знаменитого харьковского архитектора с полуостровом, рассказала о бекетовской даче в профессорском уголке Алушты. Особое внимание докладчица уделила описанию архитектурного шедевра в стиле неоренессанса, чрезвычайно модного в то время, драматического театра г. Симферополя. Интересен факт, подтверждающий давнюю многолетнюю приверженность Алексея Бекетова к прекрасному Крыму. Молодой Бекетов, выпускник петербургской Императорской академии художеств, избрал темой своего диплома, удостоенного золотой медали, проект курзала у моря (г. Ялта). К сожалению, дипломный проект молодого Алексея Бекетова не был превращен в жизнь. Доклад Е. Костенко иллюстрировался многочисленными красочными фотографиями.

Доклады харьковчан были заслушаны участниками конференции с большим вниманием и пониманием.

В развитие доклада А. Иваницкого в шуваловском крыле Воронцовского дворца была развернута фотовыставка работ А. М. Иваницкого «Крушение Царского поезда и освящение Храма Христа-Спасителя на месте крушения» из 14 фотографий. По согласованию с рекламным агентством «Ирис» (владельцем фотокопий) выставка будет дополнена и передана Алупкинскому государственному дворцово-парковому музею-заповеднику (Воронцовский дворец) на вечное хранение.

А. А. Иваницкий возле памятника прапрадеду Осипу Михайловичу Гладкому, последнему кошевому атаману Задунайской запорожской Сечи. 2009 г.

Посещение Крыма и участие в конференции произвело на харьковчан поистине неизгладимое впечатление, которым считаю необходимым поделиться с читателем.

Я ехал в Симферополь поездом из Днепропетровска, где наносил рабочий визит в Музей им. Д. И. Яворницкого. День 16.09. был занят поездкой в Запорожье, с целью посещения могилы моего прапрадеда, последнего Кошевого атамана Запорожской задунайской Сечи, генерал-майора и Кавалера Осипа Михайловича Гладкого, и возложения цветов на его могилу.

По выполнении мною этой миссии, в тот же день вечером, мы, с двумя местными дамами, среди которых была Галина Георгиевна Булатникова (урожд. кн. Орбелиани), известная исследовательница-краевед, также приглашенными на конференцию, и

14-летним сыном второй дамы, выехали в Симферополь. В Алулке мы были встречены ответственным представителем музея, проводившим нас в отведенные помещения. Поселили нас в одно и двухместных комнатах на втором этаже шуваловского корпуса дворца. В этих помещениях начат капитальный ремонт, прерванный на неопределенное время. Однако, здесь уже имелось все необходимое для нормального проживания.

Мои харьковские коллеги приехали в воскресенье 18.09. и поселились недалеко от нас.

На совместном пленарном заседании, после торжественного открытия конференции и оглашения приветствий, прошла презентация ряда изданий. Особенно хочу отметить книгу прокурора из Киева Леонида Михайловича Абраменко «Последняя обитель. Крым 1920-1921 годы». В книге с документальной точностью показаны массовые злодеяния большевистских карательных органов. Волосы встают дыбом, когда читаешь бесконечные списки уничтоженных в Крыму безвинных страдальцев. Чтобы попасть в эти страшные списки было совершенно необязательно принадлежать к вполне определенному сословию или состоянию. В них есть рядовые солдаты и рыбаки, матросы и просто жители крымских городов и местечек. Трагична судьба дивизии из армии Нестора Махно, воевавшей на стороне

красных и первой ворвавшейся через Сиваш в тыл перекопских позиций белых. После захвата красными Крыма военнослужащие дивизии были почти поголовно истреблены карательными отрядами ЧК «союзников».

На следующий день торжественно открыли мемориальную доску К. Кебаху – создателю Алупкинскому парка. Продолжались заседания секций. В конце дня была проведена содержательная экскурсия по Воронцовскому дворцу. Мы получили возможность осмотреть помещения дворца, куда плановые экскурсии не допускались, в частности знаменитую воронцовскую библиотеку и закрытые фонды, подержать в руках и даже полистать раритетные фолианты. Экскурсия закончилась у южного фасада дворца, близ «лвиной» лестницы и знаменитой Альгамбры.

В силу служебной необходимости Елена Костенко была вынуждена нас покинуть и уехать в Харьков. А наши с Радиславой Капнист экскурсии продолжались еще несколько дней. Мы были приглашены во дворец Александра III в Массандре, где встретили исключительно теплый, дружественный прием со стороны руководства, в частности, Ольги Аркадьевны Левиной. Во дворце мы познали так много нового и интересного, о чем ранее не могли и мечтать.

В Ялте посетили Дом-музей А. П. Чехова, познакомились с опытной научной сотрудницей, зав. отделом экспозиций музея Аллой Васильевной Ханило, много лет проработавшей бок о бок с Марией Павловной и Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой. Благодаря неугасающей энергии этой замечательной женщины были спасены для народа ценнейшие музейные экспонаты. Здесь нам показали несколько известных фотоснимков Антона Павловича, выполненных моим дедом.

Прощались мы с замечательными людьми, настоящими энтузиастами своего благородного дела, прекрасными крымскими пейзажами и архитектурно-парковыми ансамблями вечером 26 сентября. Чудные воспоминания об участии в этой интересной конференции еще долго не изгладятся из нашей памяти.

Спасибо вам, дорогие дамы и господа. Надеюсь, до новых встреч.

До 80-річчя

Булгаков Александр Сергеевич

*ветеран ракетных войск стратегического назначения,
выпускник ХАПУ 1953 г., 2-я батарея.*

Булгаков А. С. родился 14 февраля 1934 г. в с. Селино Дмитриевского р-на Курской обл., РФ. После семи классов Покотиловской средней школы в 1950 г. поступил в Харьковское артиллерийское подготовительное училище, которое окончил в 1953 г., а в 1956 г. – Калининградское минометно-артиллерийское училище. С 1956 по 1960 г. служил в артиллерийских частях группы советских войск в Германии и в Белорусском военном округе; с 1961 по 1979 г. – в ракетных войсках стратегического назначения. Майор в отставке. Сын фронтовика. Два его родных дяди погибли в войну: Попов Федор Никитич (похоронен в Будапеште) и Булгаков Константин Владимирович (в концлагере Зенне, Западная Германия).

Хорошо помнит войну, так как его семью отселяли перед Курской битвой, серьезно интересуется историей Великой Отечественной войны, написал воспоминания о пережитом в военные годы. Составил перечень гвардейских стрелковых дивизий, помогал редакции Книги Памяти в уточнении сведений о воинских подразделениях, воевавших на Харьковщине.

Провел большую поисковую работу о своих земляках, воинах-курянах, погибших на Харьковщине, по 3-м томам Курской Книги Памяти и 20-и томам Книги Памяти Харьковской обл. Установил, что имена более 250 воинов-курян вошли в наши тома с неполными данными, а более 150 чел. вообще нет, т. е. они покоятся в братских могилах нашего края как безымянные. Если бы были остальные 6 томов Курской Книги Памяти, работа была бы продолжена.

БУЛГАКОВ А. С.

НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДЫ. Вы зачислены воспитанником...

Лето 1950 г. Экзамены в ХАПУ (Харьковское артиллерийское подготовительное училище). Для меня и для многих парней моего возраста это было первое серьезное испытание на пути к намеченной цели. Желающих поступить в училище было много, и требования были высокими. Когда после экзаменов появился я дома, то родственники заметили, как я сильно похудел. Да и негусто кормили нашу поступающую ораву.

Помню, как плакал мальчик на медкомиссии, не сумевший вытянуть становой силомер до нужной нормы. Помню, как толпились мы в коридоре перед кабинетом, где работала приемная комиссия, решавшая нашу дальнейшую судьбу. Кто-то инструктировал нас, как докладывать комиссии, но я волновался и замешкался, увидев за столом много офицеров в белых кителях, и робко доложил: «...кандидат в воспитанники...».

Оглядываясь на события более чем 60-летней давности, отдаю должное большому гуманизму офицеров училища и генералу Тарасову Д. И. за его отеческий подход к отбору кандидатов. Среди нас было много таких, чьи отцы погибли на фронте, а матери умерли. Это Костя Грунь, Миша Ладыгин, Володя Черняев, Юра Рогуненко и еще много других, кому училище заменило родительский дом. Всех, кто хотел учиться, кто старался, училище поставило «на ноги», дало путевку в жизнь. И сегодня я искренне благодарен офицерам-воспитателям, преподавательскому составу и командованию училища за их большой труд, вложенный в наше воспитание и обучение.

В конце августа мы, новички, съехались в училище, нас распределили по взводам. Когда мы стояли во дворе, присматриваясь друг к другу, в это время старшекурсники, стройные, загорелые после летнего отпуска, моментально построились и с песней «Пушка зенитная...» лихо, быстрым шагом направились в баню. Как нам хотелось скорее стать похожими на них!

Иногда случается проезжать по Московскому проспекту мимо бывшего завода «Серп и Молот». Я всегда вспоминаю нашу баню. От нее начинался мой «боевой путь». Сюда привел нашу пеструю толпу, 2-ю батарею, старшина Литенко Н. Т., здесь нас отмыли от грязи и в скверике одели в военную форму, выдали подменку х/б (хлопчатобумажную). Брюки мне дали большие, такие, что я в них залез полностью, почти до подбородка, и когда затянулся ремнем, то штанины висели гармошкой. Ботинки выдавали сразу

Приемная комиссия в ХАПУ, прием воспитанников.

новые, и здесь я испытал большое огорчение. Как я ни старался обуть свои ноги в нужный мне 42-й размер, ноги в ботинки не лезли. Это было следствием того, что до этого я носил, что придется, а летом вообще ходил босиком. С большим трудом я обулся, но уже в ботинки явно не своего, 43-го размера. Да и не смотрелся 43 размер ботинок из брюк-дудочек (узких по тем временам) шириной 28 см. Вот таким воином я снова стал в строй, и уже обратно в училище мы возвращались почти орлами. Да, тогда мы очень гордились своей принадлежностью к Вооруженным Силам.

Шагая строем, чрезмерно старались, спотыкались, да и надо было смотреть, чтобы не угодить под нестандартный ботинок Васи Мирошниченко.

Когда мы вернулись из бани в училище, то старшекурсники очень конфузились, глядя на нас. По их понятию, своим видом мы позорили их. Стали нас заправлять, одергивать, затягивать, чтобы мы мало-мальски были хоть чуть-чуть похожими на настоящих «бананов».

Всем нам выдали туалетные принадлежности: мыло земляничное, зубной порошок, щетку, и мы с большим усердием (многие впервые в жизни) стали чистить зубы, умываться, растирать полотенцем. Особенно любил этот ритуал Женя Родионов и выполнял его с подчеркнутым наслаждением.

О тех, с кем прожил 3 года в ХАПУ, остались добрые, товарищеские воспоминания, а с Николаем Трубочаниновым не терял связи на протяжении всей службы, и теперь дружны. Да и не было среди нас таких, кто явно ставил себя выше других, хотя в учебе неравенство просматривалось.

Когда сдавал экзамены, то запомнил маленького, щеголеватого, общительного солдатика в погонах танкиста. Это был сын полка Юра Рогуленко, который стал моим первым младшим командиром, помощником офицера-воспитателя 22-го взвода капитана Бойченко Владимира Поликарповича. Юра был старшим над нами (вице-сержантские звания ввели позднее), и, используя свой военный опыт, он учил нас азам внутреннего распорядка: подъем, зарядка, утренний осмотр, заправка коек, порядок в тумбочке, внешний вид. Строил взвод, командовал, следил за дисциплиной строя. Правда, в его ответственную строгость врывались часто поступки присущего нам детства, и тогда он сам становился объектом воспитания для капитана Бойченко.

Бойченко В.П. был требовательным и настоящим воспитателем. Учебу, дисциплину, настроение каждого воспитанника постоянно держал в поле зрения. Не случайно при выпуске больше всего медалистов было в 22-ом взводе.

Многие из моего поколения постигали азы грамоты, когда на все село был один учебник, чистописание отрабатывали на упаковочной бумаге, да и посещение школы часто было сезонным: зимой не в чем было ходить в школу, а самым теплым местом в доме была печь. Трудно было мне на первом году учебы, не легче было и другим. Были во взводе и сильные в учебе. Это Дима Панасевич, Дима Маслюков, Женя Родионов, Сережа Хасеневич, Володя Федоренко, Вася Мирошниченко. За ними тянулись и остальные.

...Сказывались послевоенные голодные годы. Как-то на встрече с командованием училища воспитанники пожаловались, что тяжело терпеть до обеда, очень хочется есть, и генерал сделал нам во время большой перемены второй завтрак. С каким аппетитом мы заглатывали кусочек хлеба с чаем! Хлеб делили по кусочкам, горбушка была по очереди. Заметной фигурой во взводе был Вася Мирошниченко, богатырского телосложения, соответствующий фигуре и размер ботинок имел – 45-й. С большим рвением и усидчивостью постигал он науки, посвящая им все свободное время. Училище закончил с Золотой медалью. Говорили (то ли для того, чтобы дезинформировать старшину Литенко, устраивавшего время от времени «облаву на клинья»), что сам генерал разрешил Васе носить брюки с «клиньями».

Брюки-клеш были предметом «белой» зависти к тем, кто их имел. Подполковник Минаев тоже носил брюки-клеш. Материальное положение семьи не позволяло мне иметь свои брюки, и только при выпуске, когда отец хотел мне сделать подарок, я попросил такие брюки. В комиссионном магазине был отыскан отрез, и наши портные на ул. Кооперативной мастерски сшили мне брюки-клеш, правда, носил я их, уже будучи лейтенантом, проходя службу в ГСВГ (Группа советских войск в Германии), демонстрируя «русиш моду». К этому времени мода на широкие брюки уже проходила.

Были и забавные случаи. На первом занятии по строевой подготовке, когда мы еще и фамилий друг друга не запомнили, капитан Бойченко сделал замечание Сереже Стародаеву: «Стародаев, а вы на кого равняетесь!?». Сережа ответил по-смоленски: «А я па ёму равняюсь...». Воспитанники удер-

жались от смеха, но Сережа получил кличку «паёмыч».

Всем нам хотелось быстрее стать похожими на старших воспитанников, подтянутых, мускулистых. А моя беда была в том, что я не мог подтянуться на перекладине. Чтобы ликвидировать этот позор, я проявил величайшее упорство. Каждую свободную минуту, до кровавых мозолей, висел я на перекладине, болтался на брусках и уже в начале ноября делал на перекладине даже «склепку». С тех пор и до самого увольнения в запас я не уступал на спортивных снарядах даже лейтенантам. Всегда был «на ты» с конем. Курсантом получил значок ГТО 2-й степени, «Отличник», а незадолго перед увольнением из армии – золотой значок «Воин-спортсмен». 15 лет служил в известном уже сейчас военном городке ракетчиков – Гезгалы (Гродненская область, Дятловский район), где с удовольствием катался на коньках, на лыжах. Часто в мороз становился на лыжи и через лесные чащи бегал до реки Неман и обратно, порядка 16 км. Любовь к спорту я вынес из ХАПУ.

Генерал Тарасов Д. И.

Командиром нашей 2-й батареи был подполковник Минаев Борис Александрович, красивый, с веселыми энергичными глазами, располагающими к себе. Кажется, одним взглядом он пронизывал строй батареи и видел каждого, он сразу запомнил всех нас по именам. Во всем чувствовалась его командирская воля, умение без труда подчинить себе и привлечь внимание воспитанников. Был резок, когда нужно было пресечь разгильдяйство. Помню, как он своей особенной походкой шел впереди строя при следовании училища на Первомайский парад, с двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Отечественной войны на мундире, заряжая всех нас бодростью и праздничным настроением. Как он быстро решал нам на самоподготовке трудные задачи и примеры по математике, орудуя мелом на доске! Думаю, что вся 2-я батарея любила его и гордилась своим комбатом.

После убийства подполковника Минаева из училища командиром 2-й батареи стал подполковник Артемьев Ф.Г. Ничего не могу сказать плохого о новом командире, но яркая личность Минаева Б.А. так и осталась в моей памяти.

После первого года обучения произошла переформировка. Кто-то был отчислен за неуспеваемость, приняли новых воспитанников и сформировали 24-й взвод. Моим офицером-воспитателем стал боевой офицер, прошедший

войну от Москвы до Кенигсберга и награжденный многими орденами подполковник Капустин Алексей Михайлович. Сборное подразделение всегда отличается не в лучшую сторону, и переделывать людей на новый лад – трудное дело. Алексей Михайлович, видимо, и не ставил себе такой цели. Будучи по натуре человеком спокойным, он не обременял нас своей опекой. Мог пожуришь нарушителей дисциплины, поругать за неуспеваемость, а в остальном – считал нас самостоятельными, и мы не злоупотребляли его доверием.

Во взводе собрались веселые ребята, с юмором, и в батарею мы выделялись большей свободой, большей раскрепощенностью, разносторонними интересами, увлекались спортом. Хорошими боксерами были Женя Кульчинский и Гарик Москалев, Боря Щербаков – мощный бегун, пловец Юра Ситников, фехтовальщик Володя Басин, бегуны Юра Смирнов и Саша Михайличенко. Начальником физподготовки был подполковник Петров С.Н. Стройный, энергичный, иногда резкий, грубовато строгий, когда нужно было подавить робость, а в целом – любил воспитанников и воспитывал в них смелость, ловкость, силу, подтянутость. Помню, с каким злым выражением на лице тыкал он палкой с квачом на конце, обучая нас приемам рукопашного боя с оружием. Не было никакого сомнения в том, что беспощадная палка достанет до твоего носа, если сплосаешь. И здесь уже забываешь условности: собрав все силы и вращая карабином до пота, отбиваешься от ударов. Такая наука шла на пользу.

Применял он и спартанские методы обучения. Как-то на занятиях по плаванию он дал команду прыгать с 3-х метровой вышки в воду головой вниз (до этого мы прыгали «солдатиком»). Прыгать так не все умели, тем более что летом Северский Донец мелел, и до воды уже было около 4-х метров. Кто-то из прыгавших первым ударился об воду, следующие за ним замешкались и стали прыгать «солдатиком», за что взвод немедленно был посажен в машину и отправлен в лагерь.

...Из преподавателей быстро завоевали наши симпатии историк Дорфман Семен Аронович. Уроков его ждали. Материал он давал сжато и интересно. Зато остальное время с ним можно было говорить на любую тему. Интереснейший он был рассказчик. Обладал талантом преподавателя и воспитателя, был близок к воспитанникам и в то же время строг. К нам он пришел после университета с орденом Александра Невского в петлице пиджака. Иногда появлялся в форменной одежде: в гимнастерке и галифе цвета хаки из английской шерсти (подарок советским офицерам от союзников), орденские планки, хромовые сапоги – все выглядело щеголевато. Интересно рассказывал о своей фронтовой жизни. В войну он окончил Томское артиллерийское училище, был ранен, лечился в госпитале.

Не выучить урок истории было равнозначно предательству. Еще Семен Аронович хорошо играл в волейбол, профессионально судил волейбольные встречи, когда играли команды нашего училища и авиационной спецшколы. Из воспитанников, наверное, я видел его последним в пожилом возрасте:

седой, худощавый, подтянутый. Казалось, внешне ничто не говорило о предстоящей беде. Когда я узнал о встрече воспитанников спецшколы на площади Фейербаха, пошел пригласить его. Но... сердечный приступ уже оборвал его жизнь.

Совсем другого склада характера был преподаватель математики Хейфец Я. Г. О каждом преподавателе любопытные воспитанники хоть что-то знали. О нем мы не знали ничего. Он держал нас на почтительном расстоянии от себя, был недоступен и строг. Его побаивались. От темы урока он никогда не отступал. Не помню, улыбался ли он когда-нибудь. Видимо, наши знания не вызывали у него восторга. Математик он был сильный. Вот он и начал нас, что называется, ломать. Оказывается, о математике мы имели упрощенное понятие, и в школе оценки нам завышали. Как он болезненно реагировал на малейшую неточность в формулировках при ответе, на лице появлялась горькая гримаса, и звучало слово «чушь», а в журнале — чаще всего двойка. Таких оценок вначале он нам ставил много и заставил уважать математику.

Наверное, с тех пор и я не терплю неточности и недомолвок в любом деле, испытываю неприязнь к расхлябанности и безответственности, к нытикам. Вспоминаю не с целью хвастовства, а чтобы подтвердить, что наше подготовительное училище полностью оправдало свое название: оно дало нам надежные знания и хорошо подготовило к дальнейшей службе в Вооруженных Силах. Училище в Калининграде я без труда закончил на «отлично» и приказом командующего Прибалтийским ВО был занесен на Доску Почета училища. Когда сдавал экзамены в академию им. Дзержинского, в нашем потоке было всего две «пятерки» по письменной математике, одна из них — моя. Знания, полученные в училище, и в дальнейшем помогли мне в овладении сложной ракетной техникой.

Никогда не давал скучать на уроках географии яркий, эмоциональный рассказчик Гильштейн Я. Н. Он в совершенстве знал свой предмет, материал урока преподносил в своей собственной обработке, сжато, интересно. Любил быстрые и точные ответы, особенно знание карты. Худощавый, энергичный, носил он защитного цвета китель и галифе; как вихрь, влетал в класс и замирал по команде «смирно», подаваемой дежурным. Мог выпалить: «И не ше-

Воспитанник ХАГУ
Булгаков А. С., 1953 г.

велись!», если кто-то из воспитанников небрежно выполнял команду «смирно». По классу не ходил, а летал с указкой в руках, как рапирой, делая ею выпады в сторону карты. За урок успевал много. В каждом взводе у него были свои «любимчики» из нерадивых воспитанников. Он их быстро выявил и на каждом уроке не давал им спокойно жить, находил время, чтобы прощупать знания. Момента́льно видел тех, чьи мысли витали за пределами географии. Географию, карту я знал прочно.

...И сейчас очень отчетливо вижу наших преподавателей на уроках. Беспокойная и хлопотливая Чумаченко А. В. Как тормозила она нас, добиваясь, чтобы мы, как таблицу умножения, знали таблицу Менделеева – ключ к познанию химии! Стройный, с внушительной спортивной внешностью, физик Кисломед М. М., сочувственно глядя на воспитанника, восклицал театральным голосом: «Ну, что ж ты ничего не знаешь?! – Садись». И тише: «Два». Жизнерадостная, не скрывающая своей любви к воспитанникам, Брук С. И. Она готова была сама отвечать за тебя физику, если ты не знаешь.

Оригинальным преподавателем черчения был Орис И. А., имевший внешность маститого профессора. Слишком серьезный, слишком гражданский по натуре человек, поглощенный вычерчиванием фигур на доске, он совсем не интересовался, чем занимаются его «студенты».

Бдительная, импульсивная, громкая, с напускной строгостью – Ходакова Н. Н. Она теребила нас на уроках немецкого языка и, видимо, цели доби́лась. Практически ничего не делая, я был отличником: мои знания, полученные в Харькове, были выше, чем у тех, кто поступал в училище с гражданки.

Эмоциональный, с армейской закалкой (воевал в артиллерии) – таким мне запомнился учитель психологии и логики Пилипенко С. К. Правда, скучновато было на этих уроках.

Мягкая, спокойная, биолог Долинская раскрывала нам секреты растительного мира, законы развития природы.

Думаю, что труднее всего было работать в нашем взводе гуманитариям, так как ориентиром для нашей будущей профессии была математика, и она отбирала основную массу времени на самоподготовке, да и сложнее было гуманитариям настроить наш чисто мужской коллектив на лирический лад.

Сочувствую женщинам-преподавателям, учившим нас, ценю их настойчивость, нервы, большой труд. Они больше переживали за наши знания, чем мы сами. Вначале боролась с нашей неграмотностью Нина Петровна Жусова, затем Раиса Дмитриевна Писарева, очень молодая, тоненькая, по-моему, она как-то стеснялась вначале нас, и не мудрено: ведь в старших классах мы уже возмужали, да и много было среди нас переростков, чью учебу задержала война; и, тем не менее, как-то быстро она завоевала наши симпатии и научила нас грамотно писать и логически излагать свои мысли. Да и нам, здоровякам, не приличествовало плохо вести себя перед хрупкой дамой.

Булгаков А. С.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

I

В начале июня 1954 г., сделав последний выпуск воспитанников, закончило свою историю Харьковское артиллерийское подготовительное училище. Те, кому надо было учиться еще год, будут направлены в другие оставшиеся такие же училища, а проучившиеся только год – в суворовские военные училища.

До этого, начиная с 1947 г., каждый год в начале июня из переулка Руставели, как окрепшие и ставшие на крыло молодые птенцы, которые покидают свои гнезда, вываливалась на улицы Харькова возбужденная и весёлая компания молодых, физически крепких и жизнерадостных парней, одетых в новенькую хлопчатобумажную форму с широкими курсантскими погонами с «пушками» и обутыми в яловые сапожки.

Это уже бывшие воспитанники ХАПУ, 200 человек новых защитников страны, будущих старших офицеров-артиллеристов и ракетчиков, генералов, докторов и кандидатов технических наук, а пока – совершали они свой традиционный поход по маршруту: проспект Сталина (ныне Московский), улица Сумская, сад Шевченко...

Прощай, Харьков, прощай «бананская» аллея...

... Последний раз воспитанники заполнили свой актовый зал, выпускники двух батарей: в 1953 г. это первая и вторая батареи. Зачитан приказ начальника училища генерала Тарасова Д.И. Прощай, училище!..

«Разлетимся» мы пока недалеко и не «в разные края» («к северным оленям и в жаркий Туркестан») – это будет позднее. А пока: Днепрпетровск, Калининград, Камышин, Коломна, Минск, Ростов, Рязань, Тбилиси, Тула. С нами вместе уедет и наша песня «Артшкольная». Уверен, что лучше 2-й батареи подполковника Минаева Б.А. ее никто не пел.

*«Десять лет, как в сказке, пролетело,
Юности счастливая пора,
В жизнь вошла уверенно и смело
Дружная артшкольная семья»,*

– запевал Леня Шаес, а дальше стоголосый строй подхватывал:

*«Эх, школьная, ты, жизнь привольная,
Тебя, артишкола, не забыть нам никогда.
Так на прощанье споем артишкольную
И в путь отправимся на долгие года».*

Судьбы у всех сложились разные, но примечательно то, что абсолютное большинство из нас стало ракетчиками, которые первыми осваивали сложное и грозное оружие, несли боевое дежурство.

Как же можно было забыть училище, ставшее на три года нам родным домом, давшее нам знания, выведшее нас на большую жизненную дорогу?! Где только можно было ни встретить воспитанников нашего училища! На Севере и на Чукотке, в степях Казахстана, в Прибалтике и на Байконуре, за границей (Венгрия, Вьетнам, Германия, Куба, Польша, Сирия, Чехословакия...). И где бы ни служили, они надежно защищали рубежи нашей бывшей большой Родины.

II

Еще шла кровопролитная война с фашистскими захватчиками, страна напрягалась из последних сил: «Все – для фронта! Все – для Победы!» Еще враг топтал украинскую землю, в руинах лежали города, разоренные и сожженные села, а Советское Правительство уже думало о судьбе детей, обездоленных войной, чьи семьи не минули «похоронки»...

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», было принято решение о создании суворовских военных училищ по типу кадетских корпусов старой России «в целях устройства, обучения и воспитания детей-воинов Советской Армии, ВМФ, партизан [других категорий граждан – А.Б.], погибших в годы Великой Отечественной войны».

Уже в 1943 г. было открыто 11 суворовских училищ, в том числе и Харьковское в городе Чугуеве (в 1947 г. переведено в г. Киев). В 1944 г. было организовано еще шесть таких училищ. Тысячи осиротевших детей нашли в них приют и тепло.

Проявлением заботы и участия государства в судьбах детей войны было и Постановление Совета Министров СССР от 10 июля 1946 г. «Об организации артиллерийских подготовительных училищ в системе министерства Вооруженных Сил СССР» с целью «повышения качества подготовки кадров для комплектования артиллерийских училищ». Было сформировано 10 таких училищ: два в Москве (1-е и 2-е МАПУ) и по одному в городах Ленинграде, Киеве, Минске, Харькове, Одессе, Сталино (ныне Донецк), Ростове-на-Дону и Ереване.

До войны в Харькове было две специальные артиллерийские школы –

14-я и 15-я. После войны одна такая школа находилась в нашем городе, и, когда открылось Харьковское артиллерийское подготовительное училище, первыми его воспитанниками стали артспецшкольники. Не только форму их одежды, их песни, традиции, дух товарищества унаследовало новое учебное заведение, но и лучшие преподаватели школы влились в его коллектив. Гордое имя «спец» сохранили за собой воспитанники навсегда.

Каждое такое училище было рассчитано на 600 воспитанников (6 батарей). Батарея состояла из 3-х – 4-х взводов по 25–30 человек. Во главе взвода – офицер-воспитатель. Срок обучения – 3 года. Каждый год выпускными были две батареи, это порядка двухсот человек. Офицеры батарей, сделавшие выпуск, принимали новое пополнение поступивших в училище после 7-ми классов. И так в течение каждых трех лет проводилась большая, кропотливая работа по воспитанию и обучению будущих офицеров. Все воспитанники находились на казарменном положении.

Взвод, батарея – это была новая семья, офицеры-воспитатели (а это были заслуженные офицеры, фронтовики) многим заменили отцов, не вернувшихся с войны.

Прием в училище был на конкурсной основе. Сироты имели преимущество. Желающих поступить сюда было очень много. Это были дети войны, знавшие о ней не по кинофильмам, а видевшие происходящее своими глазами. Для мальчишек военного поколения был один кумир – человек в поножах, защитник Родины.

ХАПУ в 1946-1954 г. располагалось в двух зданиях в переулке Руставели, дом 7 и дом 10 (сейчас в этом здании Украинская гуманитарно-педагогическая академия, а в доме № 10 – больница). Формированием его занимался полковник Щеглов Борис Сергеевич вместе со своими соратниками – офицерами-фронтовиками. По воспоминаниям первых воспитанников, это был Педагог с большой буквы, таких называют «Батей». «Лучший из всех, кого я когда-либо знал в жизни, – образ начальника училища Щеглова Б. С.», – сказал один из них.

Заместителем начальника училища по строевой части был полковник

Щеглов Б. С.

Прудников Павел Афанасьевич, по учебной – полковник Соколов Григорий Петрович, начальник политотдела – подполковник Евдокимов Гавриил Петрович. Училище было укомплектовано опытным преподавательским составом. В нем было все лучшее: и преподаватели, и офицеры-воспитатели. Оно давало хорошие, крепкие знания в объеме средней школы, хорошую физическую подготовку.

Воспитанники артиллерийских подготовительных и суворовских училищ, став курсантами, своей военной выправкой, физической подготовкой, глубокими знаниями всегда были на голову выше курсантов, пришедших с гражданки.

III

Некоторые выпускники нашего училища стали известными в Вооруженных Силах СССР военачальниками: генерал-лейтенанты Бабаянц Ю. А. и Шабельник И. М.; генерал-майоры Владимирский В. Г., Дзюба В. А., Рыбалко П. П., Осьмачко Г. И. и Чвиков А. К. (последний был руководителем группы управления экипажа «Луноход-1», лауреат Государственной премии СССР).

Полковник Колодин П. И. (вып. 1949 г.) – космонавт-испытатель. Полковник Рубаненко Ю. В. (вып. 1952 г.) – лауреат Ленинской премии. Кандидаты технических наук, профессора Кучеров А. С. (вып. 1951 г.), Скоробогатов В. Г. (вып. 1952 г.).

Мои однокашники по 2-ой батарее (выпуск 1953 г.): генерал-майоры Ефименко Вася, Маслюков Дима и Панченко Витя (кандидат технических наук), полковники Топчий Валентин и Федоренко Володя – доктора технических наук, Миндарь Саша – кандидат военных наук (все они из Академии ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого, это бывшая Академия им. Дзержинского).

Полковник Селиванов Сережа – доктор технических наук, профессор МАИ. Полковник Панасевич Дима – кандидат технических наук (Ростовское ВКИУ – Высшее командно-инженерное училище).

Понятно, что теперь они уже давно на пенсии, и назвал я только тех, о ком что-либо знаю. Не могу не вспомнить ветерана Байконура подполковника Логовского Витю, который непосредственно участвовал в запуске первого космонавта СССР Юрия Гагарина; воина-интернационалиста подполковника Груня Костю, участвовавшего в боевых действиях во Вьетнаме и награжденного орденом Красной Звезды и наградами Вьетнама и Сирии.

Собирателем сведений о родном училище и неутомимым организатором наших встреч был подполковник Зашихин Владлен Гаврилович (выпускник 1949 г.). Именно благодаря ему, память о былом хранит наш маленький музей в гуманитарно-педагогической академии в переулке Рус-

тавели.

Для тех, кто потерял в войну родителей, училище стало родным домом, а его воспитанники – семьей. Вот почему каждую последнюю субботу мая приезжает из Киева на нашу встречу однокашник полковник Охрименко Виталий: его отец погиб на фронте, а мать убило осколком снаряда. Он до сих пор в строю, работает военруком одной из киевских школ.

И сейчас активными участниками наших встреч остаются: Боря Макогон, полковник, бывший старший преподаватель Пермского высшего командно-инженерного училища ракетных войск; подполковник Леша Шевченко, бывший начальник курса офицеров Киевского высшего зенитно-ракетного инженерного училища имени Кирова, кавалер ордена «За службу Родине», служивший также в Венгрии и Чехословакии.

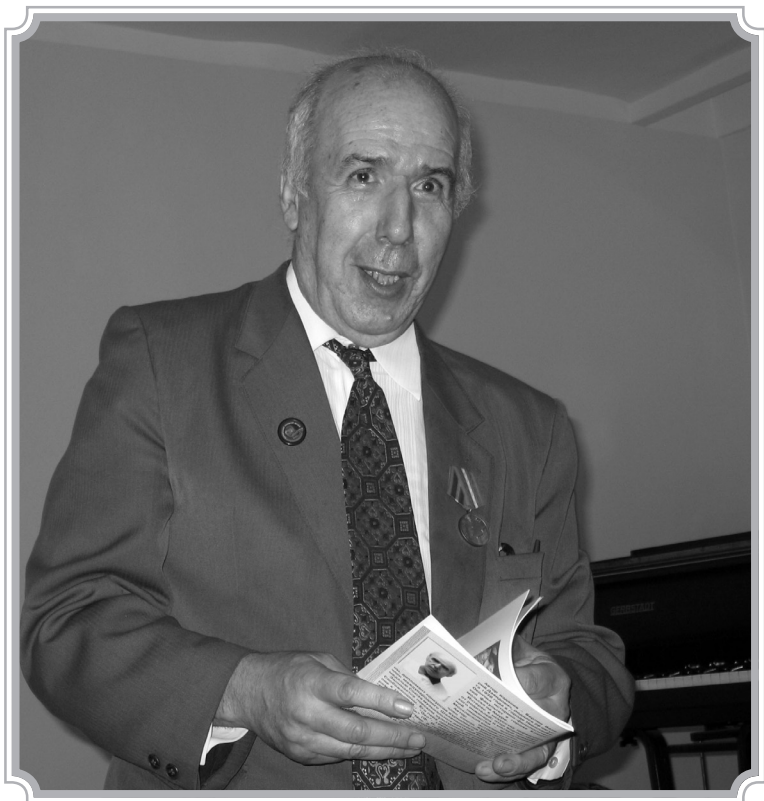
...Поредели наши ряды. Нет уже в живых многих участников наших первых встреч, вернувшихся в город юности на заслуженный отдых: это Грунь Костя, Владлен Зашихин, подполковник Саша Лейн (служивший на Чукотке и в Прибалтике), майор Прудников Виталий (служил в Германии и на арсенале в г. Лозовая). Вечная им всем память!

...Невзирая на возраст, мы ждем мая, чтобы добраться до переулка Руставели, увидеть своих друзей, вспомнить юность...

...Там, в академии, мы всегда желанные гости, за что большое спасибо ее ректору Пономаревой Галине Федоровне, военруку подполковнику Штонде Анатолию Герасимовичу и всему коллективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания выпускников (материалы музея училища).
2. 70 лет создания артиллерийских специальных школ. – Киев, 2007. – С. 3-4.
3. Советская военная энциклопедия. – Т. 7. – М.: Воениздат МО СССР, 1979. – С. 588-589.

До 75-річчя**Берлин Валерий Давыдович**

Родился 28 августа 1938 г. в г. Николаеве, закончил историко-филологический факультет Комсомольского н/Амуре педагогического университета, историк-культуролог.

Считаю себя учеником Ираклия Андроникова, с которым был знаком и по поручению которого вел поиски лермонтовских материалов в Харькове.

С 1965 г. печатался в изданиях Москвы, Харькова, Ленинграда, Саратова.

С.В. Рахманинов – главная и любимая тема поисков. Многолетние шаляпинские поиски привели впоследствии к созданию книги «Бессмертный человек с разными песнями» (Шаляпин и харьковчане, Х., «Ранок», 2001), открытию мемориальной доски на доме проф. С.Г. Сурукчи (ул. Чубаря, 7/9), где бывал Ф. Шаляпин. Отчет о шаляпинских находках делал неоднократно на международных шаляпинских конференциях в Москве (музей Ф.И. Шаляпина) и Кисловодске. На международной шаляпинской конференции в Москве (весна 2007 г.) был награжден медалью Союза музыкальных деятелей России.

С 1969 г. занимаюсь изучением искусства замечательных актеров Харьковского театра русской драмы Н. Н. Синельникова (Е. В. Карпова, С. Л. Кузнецов, М. М. Тарханов, В. М. Петица, А. А. Баров, Е. А. Полевичкая, И. М. Шувалов, К. А. Zubov, Е. К. Леонтович и др.).

Удалось обнаружить неизвестные материалы, связанные с К. Шульженко и И. О. Дунаевским в Харькове, установить дату и место рождения Клавдии Шульженко.

1973-1976 гг. работал научным сотрудником Чугуевского музея И. Е. Репина, участвовал в создании экспозиции «Чугуевская икона и портрет» к юбилею великого художника. Вошедшие тогда в экспозицию иконы ныне используют в своих дипломных работах студенты отделения реставрации Харьковской художественной академии. О своих находках писал и в чугуевской газете «Красная звезда». На основе собранных в Чугуеве работ и сведений спустя много лет выпустил книгу «В поисках чугуевского художественного наследия» (Х., 2007), которая ждет дополнения и продолжения.

В 90-е годы встречался с рядом известных бывших харьковчан (И. Бугримов, Д. Журавлев, В. Конкин) и писал о них.

С начала 80-х гг. значительное место в моей деятельности заняли жизнь и творчество замечательной художницы, нашей землячки З. Е. Серебряковой (Лансере). Ей посвящены сотни моих выступлений, 13 публикаций в журналах «Крестыанка», «Прапор», газетах Харькова.

С 1989 г. одним из первых занимался творчеством выдающегося харьковского фотографа А. М. Иваницкого (7 публикаций). Одно из моих выступлений на чеховской конференции (Ялта, музей А. П. Чехова) было посвящено харьковскому фотографу. Вскоре после этого им занялись и крымские историки.

Происхождение названий харьковских улиц и переулков, отдельные дома всегда привлекали мое внимание и находили отклик в публикациях и моих книгах.

Участие в конференциях, посвященных И. Репину, А. Чехову, Ф. Шаляпину, З. Серебряковой в Москве, Кисловодске, Ялте, Харькове, Чугуеве, ежегодные конференции «Культурна спадщина Слобожанщини» (Харьков) помогают понять важность дальнейших поисков утраченного.

Вел литературно-музыкальные вечера с участием консерватории и музыкальной школы-десятилетки (П. И. Чайковский, С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, А. де Сент-Экзюпери) в учебных заведениях, библиотеках, учреждениях.

Выпустил 6 книг.

Член Союза журналистов Украины, дипломант конкурсов журналистов. С перечнем моих публикаций (около 300) можно ознакомиться по библиографическому указателю «Валерій Берлін» (Х., 2003), изданном Харьковской государственной научной библиотекой им. В. Г. Короленко и музыкально-театральной библиотекой им. К. Станиславского.

Член Союза писателей России. Член Союза музыкальных деятелей Украины.

Книги:

1. Берлин В. Д. «Приглашение к тайне». – Х., «Око», 1995. – 128 с.
2. Берлин В. Д. «Бессмертный человек с разными песнями» (Ф. И. Шаляпин и харьковчане). – Х., «Ранок», 2001. – 127 с.
3. Берлин В. Д. «Мне б только растрогать старину». – Х., «Ранок», «Веста», 2004. – 205 с.
4. Берлин В. Д. «В поисках чугуевского художественного наследия». – Х., «Тарбут Лаам», 2007. – 57 с.
5. Берлин В. Д. «О прежних днях задумавшись слегка». – Х.: Маг, 2010. – 173 с.
6. Берлин В. Д. «Не весь Харьков». – Харьков: «СИМ», 2014. – 112 с.

ОХОТНИК ЗА ТАЙНАМИ

Краевед? Не совсем. Культуролог? Лишь отчасти. Историк? – Пожалуй, другой подход. Трудно даже определить то подвижничество, которому посвятил сорок лет своей жизни харьковчанин Валерий Берлин. Наверное, ближе всех к истине были устроители выставки реликвий из его коллекции в государственном университете. Они назвали ее «Охотник за тайнами».

– Свой выбор я сделал еще в детстве, когда школьником попал в Колонный зал Дома Союзов на лекцию Ираклия Андронникова, – рассказывает Валерий Давидович. – Именно он увлек меня романтикой поиска неизвестных страниц из жизни людей искусства. Харьков с этой точки зрения – интереснейший город. Он вдохновлял многих известных художников, музыкантов, актеров и писателей. Существует немало документальных свидетельств о том, что они здесь жили, выступали и работали. Но вот конкретные обстоятельства, подлинные материалы, живые детали их харьковских встреч, казалось, навеки канули в Лету. Я все больше утверждаюсь в мысли, что такие безоговорочные заявления – результат либо неосведомленности, либо попытка что-то скрыть. Необходимо верить, искать и не спешить с окончательными выводами.

БЕСЕДКА ДЛЯ РАХМАНИНОВА

Впервые Рахманинов как пианист выступил в Харькове в 1892 году, будучи еще студентом Московской консерватории. На следующий год его сопровождал на гастролях близкий друг, певец и композитор Михаил Слонов. Именно Слонов познакомил Сергея Васильевича с присутствовавшей на концерте купеческой четой Лысыковых. Они не имели собственных детей – их единственный сын трагически погиб. Рахманинов сразу же пришелся им по душе, а его, неизбалованного заботами родителей, одинокого и замкнутого, потянуло к этим милым людям.

Он жил у них в Харькове, а позже – на даче в Лебедине. Лето, проведенное у Лысыковых, было радостным и творчески плодотворным для молодого композитора. Рахманинов пишет Людмиле Скалон о Е.Лысыковой: «... Все темнеет и тускнеет перед ее добротой огромной, удивительной. Это действительно женщина редкая, единичная, пожалуй». Музыкант посвятил Евдокии Никоноровне романс «Уж ты, нива моя» на стихи А.Толстого.

– Узнав об этой истории из писем моего любимого композитора, я стал разыскивать сведения о Лысыковых, – рассказывает В.Берлин. – Спрашивал о них, бывая в домах харьковских старожилов, потомков известных людей. Но след этих людей затерялся. Никто не мог дать мне никакой информации. И вот как-то в одном доме, уже уходя, я поинтересовался этой фамилией, почти не надеясь на успех. К моей радости, хозяин вынес из чулана большую общую фотографию служащих купеческой фирмы Лысыковых. Здесь был запечатлен и сам хозяин, человек с симпатичным лицом. Позже удалось обнаружить и негатив фотографии трехъярусной беседки в Лебедине, которую чета выстроила специально для Рахманинова. Эта беседка нынче не сохранилась.

СОШЕДШИЕ С ПОЛОТЕН

Почти каждую весну и лето проводила Зинаида Серебрякова в родовом имении Лансере Нескучное, в 30 верстах от Харькова. Все лучшие ее произведения, в том числе полотна «За туалетом», «Баня», «Жатва», «Беление холста» – были созданы именно здесь. Карандашом и кистью запечатлела художница неповторимый «серебряковский» облик пейзажа Харьковщины.

– На прогулках по Нескучному я видел тот же край, тот же ландшафт, что и на ее знаменитых картинах, – рассказывает В.Берлин. – Погибло в основном созданное человеческими руками. Так, в годы революции и гражданской войны дом и мастерская художницы были сожжены. Во время Отечественной войны оккупанты разрушили и фамильную церковь Лансере. Заглох прекрасный фруктовый сад. Но оказалось, что живы модели художницы! Мне удалось познакомиться с двумя из них: Анной Чуркиной – в «Жатве» она вторая слева с граблями, и ее подругой Мариной Безбородовой – в «Жатве» она режет хлеб, а на картине «Крестьяне» разливает молоко. На память о встрече я сфотографировал почти девятидесятилетнюю Анну.

Эти женщины, как и другие жители села, лично знавшие Серебрякову, относились к барыне с почтением, но на работу ее смотрели как на барскую блажь. Велико же было их изумление, когда они увидели свои портреты, увидев себя молодыми в «Жатве», «Бане», «Белении холста», «Крестьянах».

Немало образов прекрасных женщин создала кисть Зинаиды Евгеньевны и позже, после революции, в трагический период ее жизни. От сыпного тифа умер ее любимый муж. Она остается с четырьмя детьми в отчаянии, без работы и средств к существованию, пока ее в 1920 году не приглашают работать художником в историко-археологический музей при Харьковском университете. В это время она пишет портреты своих новых подруг – научных сотрудниц музея: Никольскую, Финогенову, Тесленко, Баскову. Фотографии и документы, которые удалось разыскать в харьковских архивах В.Берлину, подтверждают впечатление от прелестных портретов. Все это молодые интеллигентные женщины круга Серебряковой, получившие превосходное образование еще до революции. Их биографии во многом схожи с биографией художницы, иногда совпадают даже в мелочах.

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

На чеховских чтениях, посвященных 75-летию Дома-музея А.П.Чехова в Ялте, прозвучало интересное сообщение «Загадка Николая и Маши». С ним выступила доцент Львовского политехнического университета Марчетта Волошина-Агалли. Она поведала о реальных прототипах героев чеховской повести «Огни» – своих родственниках.

Волошина-Агалли доказывает, что Николаем и Машей являются ее дед Николай Агалли и ее бабушка Мария Доленко. Чехов увидел юную актрису в Петербурге в составе малороссийской труппы и всерьез увлекся. Возник любовный треугольник молодых земляков-таганрожцев – студента Агалли, актрисы Доленко и писателя Чехова.

Однако Антон Павлович успешно лавировал на грани, отделявшей увлечение от женитьбы, и не переходил опасную черту. У Марчетты Сергеевны даже сохранилось письмо Маши Доленко к Николаю Агалли, написанное в августе 1887 года: «... теперь кажется, что Антон положительно не способен открыть мне свою

душу, что у него постоянно будет что-то затаенное и отталкивающее от себя мою до глупости откровенную натуру. Кажется, что в будущем он скоро охладет ко мне, что это у него все порыв, и я совершенно ухожу в сторону от желания быть с ним... любви меня и жди».

Итак, красавица Мария сделала выбор. Чехов переживал этот разрыв, как обычно, молча, скрыв от окружающих, что происходило в его душе. Долго писал повесть «Огни», стремясь дать выход боли. Действие этой повести разворачивается в некоем приморском городе, в котором без труда угадывается Таганрог. Ее герои – Николай и Маша.

После этого пути трех земляков, по-видимому, разошлись. После окончания Николаем Харьковского ветеринарного института семья Агалли осталась в Харькове. Мария покинула театр, посвятила себя семье и детям.

Дальнейшую судьбу счастливого соперника Чехова удалось выяснить В.Берлину.

– Николай Агалли служил в земстве, – говорит Валерий Давыдович, – был заведующим бактериологической станцией, потом зав. кафедрой и одним из основателей института практической и научной ветеринарии. Но в 1930 году он был арестован органами ГПУ. Сотрудники управления СБУ Харьковской области помогли мне ознакомиться с обширным уголовным делом профессора Агалли и его коллег. Ученых обвинили в ведении бактериологической войны против СССР. Николай Агалли был приговорен к заключению в ИТЛ сроком на десять лет. После освобождения ученый уже не вернулся в Харьков, он остался в Казахстане, где через несколько лет умер. Реабилитировали его только в 1960 году.

Тихо, грустно и безгневно ...

Наталья Ивановна Сырокомская около 40 лет преподавала иностранные языки в Харьковском университете. И до конца своей жизни жила в университетском общежитии одна, оставшись при всей своей внешней открытости загадкой для окружающих.

Мало кто знал, что она была из дворянской семьи. И с детства владела не только английским, но и французским и немецким языками. Позже изучала также итальянский, польский, латынь и даже старопрованский. В первую мировую войну семья эвакуировалась в Харьков. Здесь способная девушка окончила отделение романо-германских языков и поступила в аспирантуру, увлекшись творчеством Виктора Гюго.

По видимому, 1921 год стал для красавицы и умницы Натальи Сырокомской судьбоносным. Узнав, что известный поэт и художник Максимилиан Волошин переводит стихи Гюго, юная аспирантка поехала к нему в Коктебель. Как известно, гостеприимный дом Волошина (а в год у него гостило порой до 400 человек) был своеобразным духовным прибежищем творческой интеллигенции тех лет. Впоследствии некоторые утверждали, что харьковчанка стала близким другом поэта, намекали даже на взаимную влюбленность, какую-то романтическую историю.

Наталья Ивановна о себе рассказывала скупо и осторожно, а вот Волошина читала наизусть много и охотно. У нее была фотография поэта, подаренная им самим, и множество его стихов, записанных от руки в многочисленных тетрадках. Среди них было и это.

*Тихо, грустно и беззвучно
Ты взглянула, надо ль слов?
Час настал, прощай, царица,
Я устал от умных снов.
Ты живешь в подводной сини
Предрастветной глубины,
Вкруг тебя, в твоей пустыне
Расцветают вечно сны.
Много дней с тобою рядом
Я глядел в твое стекло,
Много грез под нашим взглядом
Расцвело и отцвело...*

Имеет ли это стихотворение, особенно любимое Натальей Ивановной, какое-то личное к ней отношение, так и осталось загадкой.

Однако характерно, что свою диссертацию, написанную три десятилетия спустя после встречи с Волошиным, она все-таки посвятила лирике Гюго.

ЧЕМ БЫЛА ЗДЕСЬ ЖИВА ДУША?

У Валерия Давыдовича несметный архив. Среди его героев – Чайковский, Шаляпин, Багaley, Горький, Маршак, Петипа, Козакевич, Шульженко и многие другие украинские и русские деятели культуры. Сколько интересных и новых фактов удалось обнаружить энтузиасту! Результаты его поисков публиковались в периодике, вошли в научные биографии, часть материалов была передана в музеи. Он опубликовал книгу «Приглашение к тайне», которая уже стала библиографической редкостью. Собирает материал на следующую.

И удивительное дело, чем дальше читаешь его очерки, тем явственнее проступает в них второй план – неизвестные, обыкновенные люди, харьковчане, среди которых жили и творили великие. Те, которые были их меценатами, зрителями, слушателями, читателями, их поклонниками или друзьями. Ведь во многом именно благодаря взаимодействию известных деятелей искусства и провинциальной интеллигенции формировалась культурная и интеллектуальная среда Харькова, создавался его своеобразный облик.

*Валентина Гаташ,
журналист.*

В. Д. БЕРЛИН

ХАРЬКОВСКАЯ ЮНОСТЬ КЛАВДИИ ШУЛЬЖЕНКО

От этих мест куда мне деться?...

Николай Доризо

Сейчас уже трудно представить, что в натуральных условиях городской окраины может явиться миру незаурядный артистический талант. Карьеры делаются в наше время либо в школах и студиях, под внимательным родительским оком и при их материальной поддержке, либо в условиях телешоу, объединяющих навыки модельного агентства, дискотеки, но только не неспешное вхождение в мир большого искусства немногих призванных.

В случае Клавдии Шульженко – счастливое стечение обстоятельств: время, открывшее двери новому, молодому поколению, чуткое, отзывчивое дарование будущей певицы, прекрасные учителя, разглядевшие талант и вовремя определившие характер дарования.

Клавдии Шульженко надо было еще вовремя родиться, чтобы, как говорят в театре, точно попасть в «предполагаемые обстоятельства». Вот ее отцу, бухгалтеру управления ЮЖД, Ивану Ивановичу Шульженко, обладавшему хорошим голосом, певческая карьера, видимо, не была на роду написана. Зато благодаря ему и Клава, и ее брат Николай, и все домашние любили музыку и в разных ее проявлениях: русские и украинские песни, старинные романсы, мелодии из оперетт. Этот отцовский домашний репертуар сослужил ей службу, когда Клава отправилась показываться Николаю Николаевичу Синельникову – выдающемуся харьковскому театральному режиссеру.

Трудно сказать, когда и откуда Шульженко появились в Харькове. Но, по рассказам, в разных уголках города в свое время жили члены семей Шульженко и Кочергинных (фамилия матери). Дед Клавдии, Александр Кочергин, имел в Харькове мастерскую по изготовлению вывесок. Это была обычная мещанская семья среднего достатка, упорно трудившаяся и пользовавшаяся широким выбором художественных впечатлений и мероприятий, доступных в условиях такого города как Харьков.

Своего постоянного жилья в Харькове у семьи Шульженко не было. Принято считать, что их пребывание в Харькове с известного нам дома на Москалевке, на Владимирской улице, 45, на котором установлена мемориальная доска. Но, как установил автор настоящих строк (хотя подтверждающие архивные документы пока не найдены), Клавдия Ивановна родилась недалеко от Владимирской, на улице Котляревской, 25, где семья жила у

К. Шульженко - ученица.

К. Шульженко.

Григория Ивановича Мишутина. Где-то в году 1913-1914-м, когда Клаве было лет 7-8, а брат Николай уже ходил в гимназию, семья переехала на Владимирскую, 45. Об этом мне в 1991 г. рассказали друзья и соседи Шульженко, супруги Василий Васильевич и Любовь Васильевна Русановы, жившие на ул. Гостиной, 26.

Ровесник Николая Шульженко, Василий Русанов, был крестником Ивана Ивановича Шульженко. Крестили его здесь, на Москалевке, в Преображенской церкви, которая находилась рядом с кинотеатром «Октябрь».

Отец Василия Русанова, Василий Александрович (1869-1919), работал в железнодорожных мастерских на Сортировке живописцем, расписывал потолки в депо. Имея большую семью (4 сына и дочь), часто брал дополнительную работу на дом.

В нашу встречу, в 1991 г., супруги Русановы, инженеры-экономисты по специальности, были уже на пенсии. Одновременно с рассказом о днях далекой молодости Василий Васильевич подарил мне две фотографии. На одной – снимок семьи Шульженко на ул. Котляревской, 25. На другом снимке пикник под Харьковом (приблизительно 1899-1900 гг.). Слева (стоит) Прохор Александрович Кочергин (родной дядя Клавдии). У Кочергина была живописная мастерская (вывески). Сидят (крайние справа) Иван Иванович Шульженко, Василий Александрович Русанов.

Семья Шульженко на ул. Котляревской, 25. Слева направо: родные сестры Веры Александровны (матери Клавы), Николай Шульженко, Клава, Вера Александровна, Зинаида Григорьевна Мишутина (дочь хозяина дома)

Владимирская улица, 45. Дом, где, как вспоминает К. И. Шульженко, она вместе с родителями и братом Колей жила во флигеле. Здесь маленькая Клава часто слушала своего отца, прекрасно исполнявшего украинские народные песни.

Хозяином дома был Виктор Шаповалов, столяр, который помогал Клаве и ее друзьям сооружать во дворе сцену и декорации для спектаклей и концертов. Сейчас дом выглядит иначе. Тогда же он был деревянный, мазаный, со ставнями. После войны его обложили кирпичом, изменилась и планировка квартиры Шульженко, в которой мне довелось побывать.

Совсем недалеко, на улице Свет Шахтера, 40 (тогда она называлась Газовой) – дом Деминых, друзей юности. Самая близкая подруга Шульженко (их было четыре сестры и два брата) – Клавдия Демина, училась вместе с Шульженко в женской гимназии Драшковской, сидела с ней за одной партой (2).

До середины 50-х годов у Деминых простояло старое фортепиано «Дрезден», на котором играла и пела будущая певица. По словам друзей детства, у Шульженко был сильный низкий голос, который был слышен издалека людям, идущим от трамвайной остановки. Здесь же, во дворе, воздвигалась эстрада, в которой звучали голоса Клавдии Шульженко, сестер Деминых и их подруг. Разыгрывались целые спектакли, но чаще всего сценки или инсценированные сказки.

Сначала у Шаповаловых, на Владимирской, потом у Деминых, на Газовой, снимал квартиру и друг детства Шульженко и Деминых, студент Харь-

ковского университета Владимир Мозалевский. Именно он был режиссером, художником-декоратором и организатором всех импровизированных концертов и представлений. Мозалевский вместе с семьей до самой войны прожил на Газовой, 46, работал архитектором и погиб в годы оккупации Харькова.

В микрорайоне был струнный оркестр – человек десять. Сам В. В. Русанов играл на мандолине. Выступали во дворах района, в том числе вместе с Клавой и ее подругами. Неугомонная, непоседливая Клава была заводилой.

В импровизированных концертах Клавдии Шульженко аккомпанировали младшие Демины – Коля на мандолине, Зина и Клава на гитарах. С ними она пела первые свои романсы, такие, как «Растворил я окно» и «Отцвели уж давно хризантемы в саду». Клава и ее подруга устраивали нечто вроде благотворительных концертов, мизерный сбор от которых передавался нуждающимся соседям. Как-то такой концерт проводился в пользу парализованной женщины-инвалида. Дети несли ее торжественно в кресле и усаживали на почетное место перед эстрадой.

Первым педагогом Клавды была проживавшая недалеко, на улице Котляревской, пианистка Солнцева. На вечерах в Гимназии Клава Шульженко читала стихи Пушкина и Лермонтова, Никитина и Надсона.

Перед тем, как вместе со своей подругой Милей Каминской отправиться поступать в театр Синельникова, Клавдия занималась на дому у известного вокального педагога, позже профессора Харьковской консерватории, Никиты Леонтьевича Чемезова, жившего на ул. Чернышевской, 41. О нем рассказывала в своих воспоминаниях его ученица, доцент той же консерватории, Таисия Николаевна Бурцева (3).

По совету Чемезова Клава иногда посещала выступления приезжавших на гастроли в Харьков артистов. Еще в гимназии она слушала известную певицу Изу Кремер. Вероятно, это могло произойти 1 апреля 1916 г. в драмтеатре, куда певица была приглашена на один концерт. Кремер пела песни на русском, французском, итальянском, испанском, польском, еврейском языках. В концертах участвовали синельниковские актеры А. А. Мурский и Л. Н. Колобов. Позже, в 1919 г., она слушала известную певицу Надежду Плевицкую, память об искусстве которой сохранила на всю жизнь.

Чемезов Никита Леонтьевич.

Н. Н. Синельников.

Добрый словом вспомнила Никиту Леонтьевича в своей книге Клавдия Шульженко (4). Он первый отметил талант певицы, но увидел ее будущее не на оперной сцене, а на эстраде: «Она хочет петь в опере, но у нее ничего не получается. Ей надо петь на эстраде...». Позже мнение Н. Л. Чемезова по-своему подтвердил и Н. Н. Синельников, тем самым определив будущий выбор певицы.

На пробах в драматическом театре весной 1923 года она исполняла с детства знакомые песни – «По старой калужской дороге», «Шелковый шнурочек». Ее аккомпаниатором был тогда молодой и неизвестный еще музыкальный руководитель театра Исаак Дунаевский, «Дуня», как ласково называли его сам Синельников и коллеги по театру.

По совету Н. Н. Синельникова в его театре, а позже в Червонозаводском театре (руководители Н. Влад и Б. Бертельс) артистка большею частью исполняла роли поющих певиц или молчащих персонажей, неожиданно появляющихся на сцене.

Оперетта «Перикола» Ж. Оффенбаха – первый спектакль для К. Шульженко и И. Дунаевского в синельниковском театре. Она выступала как певица, а И. Дунаевский дирижировал оркестром. Потом последовали маленькая роль и роль певицы в спектакле, труп в 4-м акте «Идиота» Ф. Достоевского, певица в спектакле «Казнь» Гр. Ге. На афише впервые было написано: «Певица в ресторане – Клавдия Шульженко».

Клава часто выступает в дивертисментах – концертных отделениях, устраиваемых в театре Н. Н. Синельникова после спектаклей. Здесь звучат монологи, стихи, песни и романсы, сценки из спектаклей, модные в ту пору мелодекламации.

Мысль о тождественности песни и сценической миниатюры с синельниковских времен утвердилась в сознании певицы. Чем, как не сценической миниатюрой, рассказанной певицей по воспоминаниям о вечерах и балах в харьковской гимназии Драшковской стала любимая многими песня «Три вальса»? Позже певица признавалась корреспонденту «Вечерней Москвы»: «...все пережитое, виденное, старалась запечатлеть в песнях...» (5).

В 1925 г., когда Н. Н. Синельников с театром уехал в Ростов-на-Дону, Шульженко перешла в Червонозаводский театр на Старо-Московской, 75. В Червонозаводском театре она познакомилась и подружилась с молодым актером театра, автором эстрадных миниатюр и сценариев, Евгением Ива-

новичем Брейтигамом.

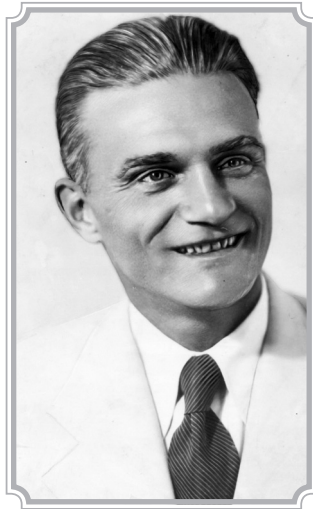
...С фотографии из семейного архива открыто и весело смотрит молодой высокий человек (6). Актер-поэт первым написал стихи для Клавдии Шульженко. Он любил театр, поэзию и Харьков, хотя немецкое происхождение помешало его творческой карьере. Харьковцу Брейтигам посвятил такие строки:

*Есть города красивые
И каждый на свой лад.
Хорош Крещатик в Киеве,
Прекрасен Ленинград.
Стоит Москва-красавица
И гордость наших дней.
Все города нам нравятся,
Но Харьков всех родней...*

Автор музыки стал тогда еще студент Харьковской консерватории, будущий знаменитый украинский композитор Юлий Сергеевич Мейтус, сын известного харьковского врача-гинеколога. Уже тогда Ю.Мейтус, ученик композитора С.С. Богатырева, был профессионалом широкого профиля. У Мейтусов Клава встретила их друзей, воспитанницу ленинградской консерватории, опытного музыканта-аккомпаниатора Елизавету Анисимовну Резникову с мужем, детским врачом Наумом Векслером. Начались занятия с Резниковой, которые вывели Клаву на новый уровень, проложили новые пути.

Подробности возникновения творческого трио Брейтигам – Шульженко – Мейтус сейчас трудно установить. Между тем, встреча с Ю. Мейтусом стала удачей для молодой певицы.

В нашей совместной с Д. Сикаром публикации, посвященной К. Шульженко и Е. Брейтигаму, использованы две одновременные находки (7). Д. Сикар получил от сына певицы неизвестное ранее письмо Е. Брейтигама к Клавдии Ивановне, а автор настоящих строк нашел в Харькове архив Брейтигама, вернее, то, что от него осталось. В письме

*Брейтигам Евгений Иванович,
актер, куплетист, поэт,
автор десяти текстов
первых песен К. Шульженко.*

*Резникова Елизавета Анисимовна,
концертмейстер.*

Е. Брейтигам после многолетнего перерыва решил поздравить певицу с присвоением звания народной артистки СССР. Вспоминая отдельные моменты далекой молодости, Е. Брейтигам называет 1 января 1925 года днем рождения Клавдии Шульженко как эстрадной певицы и пишет, что он сочинил десять стихотворений для нее, из которых известны четыре, с музыкой Ю. Мейтуса – «На санках», «Силуэт», «Красный мак», «Красная армия». В архиве Е. Брейтигама наряду с его фотографиями, черновиками стихов и миниатюр, сохранилась книга Скороходова «К. Шульженко» (вышла в 1974 г. в московском издательстве «Советский композитор») с дарственной надписью Клавдии Ивановны: «Жене Брейтигаму. Первому моему автору моих песен и хорошему товарищу. С любовью Клавдия Шульженко. 21.12.76. Москва».

Червонозаводский театр стал очередным, но не последним, этапом творческой деятельности К. Шульженко. После четырех лет работы в нем К. Шульженко с 1 октября 1927 г. – актриса театра русской музкомедии. Об этом говорят сохранившиеся в областном архиве документы. Приказом ее пребывание в театре оформлено с 1 января по 13 мая 1928 г. с зарплатой в 93 руб. За это время она выступала в спектаклях 39 раз, неоднократно участвовала в шефских концертах (8). В Харьковском областном архиве хранится документ на имя директора ХОУЗП Пуппе от 2.02.1928 г. с просьбой разрешить выступление группы артистов (среди них и К. Шульженко) в Осовиахиме (9). Сохранился договор с зам. директора ХО УЗП Хяутиным на выступление на срок с 31.07 по 9.08.1928 г., по которому Клавдия Шульженко обязуется ежедневно в программе, назначенной УЗП, исполнять один номер в вечер (пение). Она получает 216 руб. и амортизацию 54 руб. Артистка по договору не имеет права в течение срока договора выступать в других зрелищных предприятиях и клубах без разрешения УЗП (10).

Театр русской музкомедии располагал значительными творческими силами и пользовался успехом у харьковчан. Среди премьеров – Е. Наровская, Н. Белецкая, Н. Бравин, Б. Хенкин, Н. Янет, Д. Васильчиков, М. Шадурский, В. Райский и др. За сезон, проведенный Клавдией Шульженко, театр поставил спектакли: «Игра с джокером», «Женихи», «Кавалер», «Миг счастья», были возобновлены такие спектакли, как «Граф Люксембург», «В стране долларов».

Успехам солистов в значительной мере способствовали опытные дирижеры Н. А. Спиридонов и С. Д. Солящанский. Сама же певица, работая в театре, уже задумывалась о своей дальнейшей судьбе, для которой Харьков становился тесен.

Весной 1928 года Передвижной рабоче-крестьянский театр четыре месяца гастролировал по Харьковской области. Выступал в Ново-Водолажском, Тарановском, Змиевском, Чугуевском, Бело-Колодязном, Волчанском, Золочевском, Богодуховском и Ахтырском районах. В поездке театра участвовала и Клавдия Шульженко. Как сообщил в своем докладе по

возвращении директор театра Леонид Юлианович Предславич, в двадцати селах было поставлено 95 спектаклей: «Овеча криниця», «За двома зайцями», «Гайдамаки», «Комуна в степах», «Наталка-Полтавка» и др. Спектакли Передвижного театра посетили 25 тыс. человек.

К. Шульженко приняла участие в состоявшемся после гастролей концерте вместе с артистами Домашенко, Малеевой, Лосьевым, Фрейчко и актерами эстрады Эдом и Варом. Вне театра на многочисленных концертах, сценах летних площадок и клубов она чаще всего пела второсортные старинные романсы (этого хотела публика) или зажигательные в ее исполнении латиноамериканские песни.

Шульженко становилась популярной в Харькове. Тем более ценны ныне воспоминания тех почитателей, которые еще тогда, до ее отъезда из Харькова, обратили внимание на певицу, не имевшую еще ни своего репертуара, ни своей биографии.

Одна из подруг ее юности вспоминает, как в клубе на Сортировке Клава пела песню о контрабандисте:

*Умирает Себастьяно,
Шепчут бледные уста,
Креолита, ты огнем пылаешь...*

Евгения Матвеевна Калгушкина, дочь харьковского купца, владельца магазина церковных принадлежностей, Матвея Калгушкина, расстрелянного в Феодосии при попытке выехать с Врангелем из Крыма, в письме к автору этих строк от 26 ноября 1998 г., вспоминала встречу Нового 1929 года. Тогда она, студентка Художественного училища с подружкой оказались в клубе макаронной фабрики на набережной реки Харьков. В клубе был новогодний концерт, в котором участвовали харьковские артисты: певцы, юмористы, жонглеры из цирка, танцоры. «Запомнилось мне выступление популярной в то время в Харькове певицы Клавдии Шульженко. Стройная, в сером платье с вышивкой, с пышной прической, она пела много песен под бурные аплодисменты благодарных зрителей. Из ее песен мне запомнилась модная тогда «Снежинка»:

*Моя снежинка, моя пушинка,
Моя царица волшебных грез,
Моя снегурочка, моя хрустальная,
К твоим ногам я все принес...*

Всегда я была поклонницей Клавдии Ивановны Шульженко и остаюсь ею».

В то время певица начала смутно чувствовать, что у нее репертуар и собственная биография должны если не совпадать, то стремиться к сближению. Это было следствием музыкальной одаренности и развития творческого сознания артистки, работы, проделанной Н. Чемезовым и Н. Синельниковым. Здесь оставались родные и друзья: балерина Клавдия Гребеник,

подруга юности и соседка, и первая любовь и муж, поэт Илья Григорьев.

В 1930 г. Шульженко вместе с Резниковой выступает на исторической стройке Харьковского тракторного завода. С этих пор приезды в Харьков становятся эпизодическими. Гастрольные поездки по стране занимают много времени и лишь изредка маршруты приводят в родной город.

В 1933 г. умерла мать Клавдии Ивановны, похороненная сперва на старом москалевском кладбище, а позже, в связи с ликвидацией кладбища под строительство завода им. Шевченко, по просьбе Клавдии Ивановны перезахоронена на Первом городском кладбище в р-не пос. Высокий. Отец певицы, Иван Иванович, после смерти жены несколько месяцев жил у родственников на ул. Новодесятисаженой, 21. Умер он в ленинградскую блокаду и похоронен на Серафимовском кладбище.

В январе 1948 г. Клавдия Шульженко и ее муж известный эстрадный артист Владимир Коралли выступали в Харькове. 45-летие артистка с мужем отмечала в Харькове, вместе с Е. Резниковой и ее мужем, Н. Векслером у них дома, на Сумской, 17. Свадьба Клавдии Шульженко с Владимиром Коралли состоялась в квартире Мейтусов, на третьем этаже дома по ул. Рымарской, 19.

В свой приезд в Харьков в сентябре 1949 г. артистка встречалась со старыми знакомыми по Червонозаводскому театру – директором театра миниатюр, засл. артистом УССР Виктором Александровичем Аврашовым и артистами того же театра Федором Яковлевичем и Евдокией Евтихией-ной Краснокутскими.

18, 19, 22, 23 августа 1960 г. певица, тогда заслуженная артистка РСФСР, выступала в Оперном театре и ДК ХЭМЗ в концертах, организованных Харьковской филармонией. В один из приездов в Харьков Клавдия Ивановна подарила местной певице, Александре Кондратенко, известную песню В. П. Соловьева-Седого «Россия». С тех пор эта песня неоднократно звучала в концертах Кондратенко, а однажды вместе с другой харьковской певицей Софьей Мостовой спела на ее встрече в редакции газеты «Красное знамя». Последнее выступление Клавдии Шульженко в Харькове состоялось в ноябре 1977 г. в новом Дворце Спорта.

Проследить за стремительным ростом певицы и оценить ее достижение – создание собственного репертуара, проникновенная трактовка исполняемого – не успевали даже специалисты-музыковеды и близкие товарищи по искусству – Леонид Утесов, Исаак Дунаевский. В 1981 г. Л. Утесов писал о давно оставленных в прошлом кумирах Шульженко, вспоминая «псевдоэкзотические изломанные песенки Изы Кремер» (12). Словно сам не был неоднократно бит за верность блатной одесской лирике. А Исаак Дунаевский в 1950 г. в статье «Наши друзья» верно, но как-то сухо, учитывая связывающие их годы, отмечал: «Установив в былое время свой исполнительский стиль и манеру исполнения полусалонной джазовой песни, Шульженко за последние годы многого добилась в стремлении поставить свое незаурядное исполнительское дарование на службу советской совре-

менной теме...» (13).

Любящий и верный слушатель Клавдии Ивановны всегда следовал за ней, успевая понять и полюбить ее песни, забирая их в свою жизнь на долгие годы. Без харьковской поры Шульженко не было бы таких шедевров, как «А снег повалится», «Песни о любви», «Вальс о вальсе», «Руки» и других...

А земляки певицы гордятся тем, что Харьков способствовал становлению советской эстрады, подарив столице звездные имена Марка Бернеса, Владимира Хенкина, Исаака Дунаевского, Эммануила Каминки. Среди них – великая Клавдия. Время летит так быстро, а ее родной, волнующий людей разных поколений голос по-прежнему открывает и соединяет сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берлин, В.Д. Мне б только растревожить старину / В.Д.Берлин.–Х.: Ранок-Веста, 2004.
2. Берлин, В.Д. Родом из детства: [Клавдия Шульженко в Харькове]/ В.Д.Берлин// Муз. Жизнь.– 1988.– №5.– С.8-9.
3. Исиченко-Бурцева, Т.Н. Записки оперной певицы / Т.Н.Исиченко-Бурцева.– Х., 1999.
4. Шульженко, К.И. Когда вы спросите меня.../ К.И.Шульженко.– М.: Мол. Гвардия, 1981.
5. Шульженко, К.И. В песнях останемся мы / К.И.Шульженко // Вечер. Москва.– 1982.– 24 июня.
6. Берлин В.Д. Мне б только растревожить старину / В.Д.Берлин.–Х.: Ранок-Веста, 2004.– С.186.
7. Берлин В. Начало твоего пути слегка коснулось моего творчества: [К. Шульженко и харьковский поэт Е.Брейтигам]/ В.Берлин, Д.Сикар // Время.–1997.–19 авг.
8. ГАХО.– ф.Р2775 оп.1, ед.хр.9.
9. ГАХО.– ф.Р2775 оп.1, ед.хр.9., л.8; ГАХО.–ф.Р2775 оп.1, ед.хр.13., л.13; ГАХО.– ф.Р2775 оп.1, ед.хр.14; ГАХО.– ф.Р2775 оп.1, ед.хр.16, л.3.
10. ГАХО.– ф.Р2775 оп.1, ед.хр.20.
11. Письмо Е.М.Калгушкиной // Личный архив автора.
12. Утесов, Л.О. Я вам пишу... / Л.О.Утесов // Муз. жизнь.–1981.– №5.
13. Дунаевский, И.О. Наши друзья // Дунаевский, Л.О. Выступления, статьи, письма, воспоминания.– М.: Сов.композитор, 1961.

МАСТЕР РАССКАЗЫВАНИЯ (Э. И. Каминка)

Э. Каминка. 1950-е годы.

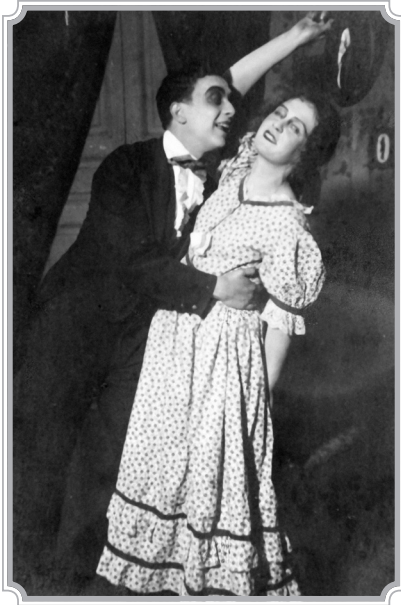
Юное поколение совсем не задумывается над тем, зачем нужно слушать художественное чтение в концертных залах. Зачем слушать прозу, когда можно прочитать книгу или найти нужное в Интернете?

Между тем, искусством художественного чтения в совершенстве владели многие мастера театра. Довоенные и послевоенные поколения поклонников МХАТа не могли забыть высокого искусства Василия Ивановича Качалова в роли «от автора» в спектакле «Воскресенье», чтения «Полтавы», «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина.

О детстве Э. Каминки мало известно. Многие актеры, выходцы из состоятельных семей, начинавшие свою деятельность в годы Великой Октябрьской революции и гражданской войны, скрывали свое происхождение. Полагаю, что Эммануил Каминка — родственник знаменитого банкира, основателя Азовско-Донского банка Б. А. Каминки, чей репинский портрет был показан на 40-й передвижной выставке 1912 года. Во всяком случае, в харьковских справочниках фамилия «Каминка» мне не встречалась.

Он учился в харьковской гимназии 2-й группы преподавателей в одно время с И. Дунаевским, как утверждают некоторые исследователи. В этой гимназии благодаря директору Н. Н. Кноррингу было хорошо поставлено обучение музыке и театру, репетиции, концерты и вечера посещали многие гимназисты со стороны. Сам Э. Каминка присутствовал на занятиях драматической студии «Огонек». Здесь он познакомился и подружился с Исааком Дунаевским.

В Харькове существовала и театральная студия, которой руководил будущий народный артист СССР М. М. Тарханов, в те годы один из ведущих актеров театра Н. Н. Синельникова. В студии занимались гимназисты, студенты многих харьковских вузов.

Пьеса «Шутники» А. Островского.
Харьковский академический театр. 1923 г.
Э. Каминка, Вольф-Израель..

Пьеса «Когда заговорит сердце». Харьков-
ский академический театр. 1923-1924 гг.
Э. Каминка.

Важным событием для синельниковских актеров был приезд в Харьков писателей А. Н. Толстого и А. М. Федорова. 27 сентября 1918 г. синельниковцы и студии собрались послушать как А. Н. Толстой читал свои сочинения – сказку о солдате и черте, «Наваждение», древнерусскую повесть «Синица».

Летом 1919 г. М. М. Тарханов рекомендовал в труппу Синельникова лучших студийцев. Гимназист старших классов Э. Каминка был замечен Н. Н. Синельниковым среди группы любителей-студийцев и в числе других был приглашен в театр для участия в массовых сценах спектакля «Доктор Штокман» Г. Ибсена. Режиссер поручил ему эпизодическую роль второго посетителя.

В театре в одно время оказались будущие корифеи советского театра. Как вспоминал Борис Петкер, «Молодежь год от года росла под благотворными лучами рачительного синельниковского педагогического таланта. Лишин, Леондор, Новлянский, Дм. Орлов, Богданова, Межинский, Сальникова, Владиславский, Каминка».

Одни за другими в Харьков приходили и уходили, пока не победила советская власть, немцы, петлюровцы, гайдамаки, деникинцы. А театр жил и развивался несмотря на отъезд многих прекрасных актеров, мате-

Пьеса «Ревизор» Н. Гоголя.
Харьковский академический театр. 1923 г.
Справа налево: Э. Каминка (Бобчинский),
С. Кузнецов (Хлестаков),
Н. Новлянский (Добчинский).

риальные трудности и лишения. Был Н. Синельников во главе театра, шла на сцену талантливая молодежь, обещающая скорые творческие удачи.

За несколько харьковских сезонов Э. Каминка получил около 30 острохарактерных ролей (главным образом эпизодических) с текстом, умещающимся на одной странице. Актер был не в обиде. Он знал как заботливо, любовно, не спеша пестовал режиссер молодежь. Но были у него и большие роли. Император Алтоум («Принцесса Турандот» К. Гоцци, поставленная в Харькове вскоре после знаменитой московской вахтанговской премьеры). Участвовал он и в «Ревизоре» Н. Гоголя вместе с С. Кузнецовым (Хлестаков) и В. Давыдовым (городничий). Молодые Каминка и Новлянский играли Бобчинского и Добчинского.

В сезон 1923-24 гг. Каминка участвовал в спектаклях «Когда заговорит сердце», «Последняя жертва» А. Н. Островского, «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

Значительным событием для театра был приход в труппу на часть сезона великого русского актера Владимира Николаевича Давыдова, приехавшего в Харьков поддержать своего друга Н. Н. Синельникова. Присутствие и пример В. Давыдова были неоценимы для молодого Каминки. Давыдов, находившийся в это время в преклонном возрасте, сохранял энергию и раскрывал душу и секреты мастерства перед нуждавшейся в нем театральной молодежью. В спектакле «Шутники» А. Н. Островского Каминка (Гольцов) встретился с В. Давыдовым, Е. Вольф-Израэль, М. Калачевской.

Перед закрытием театр русской драмы находился в здании Малого театра на Харьковской набережной. Нередко Давыдов под гитару пел молодежи театра романсы, песни, куплеты. На юбилейном вечере Н. Н. Синельникова, пожалуй, наибольший успех выпал на долю В. Н. Давыдова. Б. Петкери и Э. Каминка выступали позже в печати с воспоминаниями о вечере 28 февраля 1923 г. Желая доставить удовольствие Н. Синельникову, В. Н. Давыдов собрался исполнить несколько цыганских романсов. Гитары под рукой не оказалось. Но в театре работал заведующим музыкальной частью молодой Исаак Дунаевский. Синельников пригласил его к роялю. Талант юного музыканта и задор великого артиста оставили у присут-

Пьеса «Шутники» А. Островского. Харьковский академический театр. 1923 г.
Слева направо: Э. Каминка, Вольф-Израэль, В. Давыдов, Калачевская.

ствующим незабываемые воспоминания. Это была школа мастерства и вдохновения. Э. Каминка вспоминал: «Как Дунаевский умел слиться с Давыдовым, как чувствовал каждую его паузу, каждое движение. Давыдова просили петь без конца, и успех великого артиста разделял молодой музыкант». Фотография участников этого вечера всю жизнь бережно хранилась Эммануилом Исааковичем. Ее подарила автору этих строк вместе с другими фото дочь Э. И. – В. Э. Каминка.

В. Н. Давыдову Каминка обязан и первыми мыслями о художественном чтении как главном и основном занятии в будущем.

В 1923 г. в Харькове Давыдов целый концерт посвятил басням Крылова. Этот концерт решил выбор Каминки. Он будет тцецом. Летом 1923 г. в гастрольной поездке в Новороссийск ставили «Ревность» Арцыбашева (Б. Петкер – доктор Коваленко, Э. Каминка – Сережа). В этой поездке молодой артист Харьковской драмы впервые исполнил в концерте рассказ А. П. Чехова «Сирена».

Думаю, что не только пример Давыдова тянул его на эстраду. Молодежь театра увлекали мелодекламации блистательного Виктора Петипа, чтение В. Юренивой и Л. Полевой. К тому же театр закрывался, а Синельников уезжал из Харькова.

А пока в Харькове действовал новый театр «Модерн». Там оказалась компания молодых актеров-друзей Б. Петкер, Э. Каминка, А. Шатов, Н. Грети, А. Мурская и с ними И. Дунаевский.

В 1921 году первыми поставили пьесы недавно ушедшего из жизни А. Блока «Балаганчик», «Роза и крест».

Как вспоминал Борис Петкер в книге «Это мой мир»: «В репертуаре театра («Модерн») были «Романтики» Ростана и молодой Эм. Каминка находил себя в ритме стихов Щепкиной-Куперник, прекрасно воплощавший мысли Э. Ростана. Недаром же он впоследствии целиком посвятил себя искусству чтения». Б. Петкер имел в виду необычайный успех «Романтиков» с музыкой И. Дунаевского.

С закрытием театра русской драмы и отъездом Н. Н. Синельникова из Харькова молодые актеры по совету мэтра отправились кто в Москву, кто в Питер. В театре часто повторяли фразу: «Для того, чтобы попасть в Москву, нужно проехать станцию Синельниково».

Играя в Московском театре «Комедия» (бывш. Корш) немного, Э. Каминка все чаще выступает одновременно как чтец, сначала в сборных концертах, а после 5 театральных сезонов с 1930 г. с сольными концертами.

Памятным в творческой биографии артиста было выступление на сцене Малого зала Московской консерватории с повестью Н. В. Гоголя «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Со временем в репертуаре Каминки насчитывалось свыше 100 произведений. Это большей частью классика – А. П. Чехов и М. Твен, И. Бунин и Шолом-Алейхем, М. Салтыков-Щедрин и Г. де Мопассан.

Беды маленького человека, его неустроенность в этой жизни, которая не делает его счастливее что сейчас, что сто лет назад. Его печаль доходила до зрителей, вызывая сочувствие и сострадание. Поэтому так хорошо было его исполнение произведений Шолом-Алейхема, А. Чехова, А. Куприна, И. Бунина, Г. де Мопассана, М. Твена, О. Генри. Имя Каминки вызывало улыбку слушателей.

«Мастер рассказывания». Так назвал Э. Каминку другой известный харьковчанин, ныне московский театровед Борис Поюровский.

Успех Каминки становился еще значимее, когда видели тех чтецов, которые его окружали на эстраде – А. Яхонтов, В. Аксенов, Д. Журавлев.

Великое влияние на чтеца одного из родоначальников современного искусства художественного чтения Александра Яковлевича Закушняка. Основная разница между актером и рассказчиком, утверждал Закушняк, в том, что актеру надо перевоплощаться в своего героя, а рассказчику показать его. Эти принципы разделял и Каминка.

А какой школой становились грандиозные концерты Сурена Качаряна с чтением в один вечер Гомера, Бокаччо, Л. Н. Толстого. Каминка знал всех своих авторов-современников, дружил с А. Н. Толстым, И. Ильфом и

Харьков. Харьковский академический театр. 1923 г.
Во втором ряд снизу справа налево: Э. Каминка, Н. Синельников, В. Давыдов.

Е. Петровым, М. Зощенко, К. Паустовским.

Инсценируя их рассказы для своих выступлений, неоднократно советовался с ними, постоянно что-либо менял, переделывал и пробовал сначала в сборных концертах.

На собственном опыте чтец утверждал, что добивался успеха примерно после 16-го варианта.

Главным инструментом Э. Каминки было звучащее слово, умение пользоваться им. Он выбирал в основном короткие юмористические рассказы современных советских писателей, такие как «Укротитель» В. Ардова, «Свадебный пирог» Б. Ласкина, «Неразборчивый почерк» Л. Ленча, «Чудесное лекарство» Г. Рыкина.

Особое место в творчестве Каминки занимали произведения Шолом-Алейхема. Отдельные рассказы со временем он объединил в программу, посвященную великому еврейскому писателю.

Очень любил Ивана Бунина. Рассказ Бунина «В Париже» он начинал, как это часто бывало, неторопливо и вспоминал первую встречу двух русских, оказавшихся в Париже. Из случайных знакомых – Ольга Александровна и Николай Платонович становились самыми близкими людьми не только друг для друга, а и для всех сидящих в зале.

Как писал рецензент: «Поэзия меньше удастся Каминке, чем проза. Стихия Каминки – юмор. Иногда подернутый иронией, чаще овеянный грустью».

Мечтой всей жизни многих комических актеров была возможность сыграть трагическую роль. После 20 лет исполнения преимущественно юмористических произведений Каминка осуществил давнюю мечту – исполнил трагический отрывок из повести «Крейцерова соната» Л. Толстого.

Он начинал, когда радио делало первые шаги, а телевидения и вовсе еще не было. Но в кино ему довелось поработать. Чтец озвучивал кинофильмы «Миллионер» (1963), «Дюймовочка» (1964) и выступал как рассказчик в фильме «Бабушкин козлик» (1963).

Эммануил Исаакович был лауреатом первого Всесоюзного конкурса мастеров художественного слова. В 1964 году он стал заслуженным артистом РСФСР.

Артист много ездил по СССР, а в Москве выступал в Доме ученых, Колонном зале Дома Союзов, в концертном зале имени П.И. Чайковского, Центральной лектории политехнического музея, Дома актера ВТО имени А. А. Яблочковой. Билетами на его выступления запасались заблаговременно.

Э. И. Каминка умер на гастролях в Таллине. Поехал на 3 концерта, но успел дать только один. На гражданской панихиде в Концертном зале имени П. И. Чайковского была масса народу. Постоянные почитатели его таланта, сопровождавшие артиста с первых шагов на эстраде. Среди них были и харьковчане, помнившие Э. Каминку с синельниковских времен.

До 75-річчя

Булгакова Алла Ивановна

СЛОВО О КОЛЛЕГЕ

С Аллой Ивановной Булгаковой нас познакомила областная редакция Книги Памяти Украины. С моих первых дней работы здесь она привлекла к себе внимание каким-то по-особому трепетным отношением к теме, которой мы все, люди, в общем-то, равнодушные, тогда занимались. Отношение это проявлялось во всём, что касалось до боли коротких жизней рядовых и командиров Советской Армии, не вернувшихся с полей сражений Великой Отечественной войны или погибших в фашистском плену, а также партизан, подпольщиков, патриотов.

Вскоре я поняла, что именно подпитывает в моей коллеге это чувство глубокого уважения к памяти павших: Алла Ивановна была дочерью офицера Кульбачного Ивана Дмитриевича, сраженного фашистским огнем на западной границе, в Белоруси, в первые часы войны...

Всю сознательную жизнь она несла в себе эту Память об отце, которого, собственно, и не помнила: ей не было и трёх лет, когда он погиб. Ребёнком слушала она рассказы о нём мамы – женщины поразительной стойкости и мужества, преодолевшей в 1941 году – пешком, с ребёнком на руках! – страшный путь из пылающей Белоруси к родным на Харьковщину.

Шла она по дорогам войны, уже зная, что мужа нет в живых...

Её повзрослевшая дочь стала педагогом и после окончания Харьковского государственного университета уехала в Гродно к служившему там мужу. Она сумела разыскать однополчан отца, выживших в том аду, а с 1962 года увлекла и школьников поисковой работой – установлением судеб воинов, сложивших голову на Гродненщине, увековечением их подвига. Цену такой многолетней, кропотливой и бескорыстной работы, нашедшей живой отзвук в детских душах, переоценить трудно.

С этой искоркой неподдельного интереса к каждой солдатской судьбе, с горячим стремлением как можно полнее воссоздать картину величайшей трагедии войны, героизма земляков и освободителей Слобожанского края и пришла А. И. Булгакова в коллектив областной редакции Книги Памяти. Здесь её вдумчивое отношение к делу, чутьё исследователя, дотошность в работе с документами раскрылись в полной мере.

Ей до всего было дело. По своей инициативе Алла Ивановна взялась за весьма трудоёмкий сбор сведений о железнодорожниках Харьковщины, воевавших с врагом в составе особого резерва паровозных колонн (ОРПК) Наркомата путей сообщения и погибших на боевом посту. Она годами работала в архивах, по крупицам собирая необходимые сведения, проверяя и уточняя их, вела переписку с военными комиссариатами, управлениями железных дорог России, Белоруссии, Украины, находя и там энтузиастов, подобных себе. Это была дань памяти и её дедов-железнодорожников, один из которых, Кульбачный Дмитрий Григорьевич, был участником войны.

Позднее мою коллегу увлѣк поиск данных о военных медицинских учреждениях, дислоцировавшихся в 1941-1947 годах на территории нашей области, чем до нее серьезно никто из исследователей не занимался. Уверена: эта основательная работа станет подспорьем для тех, кому близка тема Второй мировой войны и Подвига наших воинов, не щадивших ни здоровья, ни жизней за такую выстраданную Победу...

Алла Ивановна по-прежнему не дает себе передышек. Сейчас её внимание сосредоточено на теме помощи фронту, которая долгое время оставалась и поныне остаётся вне поля зрения историков. Это и каждодневный подвиг мирных граждан, занимавшихся разминированием на недавних полях сражений, густо начиненных смертоносным металлом, и на первый взгляд незаметная самоотверженность добровольных доноров, спасавших жизни раненых воинов в госпиталях. А женщины освобожденного Харькова, работавшие для нужд фронта? Денно и ночью вручную они стирали и гладили тонны белья и всего другого воинского обмундирования.

Для моей коллеги – это страницы истории войны, которые, по её мнению, не должны оставаться малоизвестными... С нею трудно не согласиться. Пожелаем же Алле Ивановне успехов в столь нужной и благородной работе!

Виктория Лебедева,

в 1995–2005 гг. – старший научный редактор областной Книги Памяти Украины, член Национального союза журналистов.

А. И. БУЛГАКОВА

Доноры Харькова — для фронта, для Победы. Осень 43-го — первая половина 1945 гг.¹

Во время Великой Отечественной войны кровь стала настоящим стратегическим оружием, которым тыл обеспечивал армию. Как самый ценный и срочный груз, шли из тыла на фронт ампулы с кровью [7].

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В истории Харькова военных лет много ярких страниц, но они малоизвестны сегодняшним его жителям и за давностью лет забыты. Одной из них является подвиг доноров Великой Отечественной войны. Чтобы понять, почему вроде бы обычное, рядовое событие — поделиться своей кровью с ближним — стало проявлением мужества и высокой нравственности, патриотизма, надо знать, как жили люди тогда, взрослые и дети.

Это было полуголодное время, население постоянно недоедало, жило впроголодь (хлеб, и тот не вдоволь, по карточкам, по «норме», и то только в городах). Что такое «норма» хлеба насущного на одного человека в день и на месяц, нам сейчас даже представить трудно. Люди делились на категории: работающие (трудоспособные), неработающие (нетрудоспособные и дети) и «льготники». У каждой категории были свои «нормы», свои «карточки». Работающим причиталось больше, неработающим — меньше, как-то выделялись дети. Были и «спецпайки», их выдавали в т.н. «закрытых» магазинах, отоваривавших льготников.

В одном архивном документе мне попались такие сведения: в феврале 1944 года на одного человека в месяц в Чугуеве приходилось 3,1 кг хлеба (107 г на день льготному контингенту, остальным — 90 г), в марте месяце — 1 88 г (на месяц — 5,1 кг) и 170 остальным людям (рабочим, служащим, семьям военнослужащих, иждивенцам [3, ф. 2, оп. 2, д. 314, л. 100]. В Купянске в феврале того же года в среднем на одного человека приходилось 1,8 кг в месяц, на день — 0,063 кг [3, ф. 2, оп. 2, д. 314, л. 101]; в Печенежском районе — 3, 3 кг на месяц, в день — 110 г льготникам, остальным — 1,5 кг (на месяц), 50 г — в день [3, ф. 2, оп. 2, д. 314, л. 102] и т.д. «Нормы» эти постепенно менялись, немного увеличивались, но существовали они некоторое вре-

мя и после войны. Были подобные нормы и в самом Харькове.

Это не выдумка, а жестокая реальность. Цифры эти еще ждут своих исследователей, и, лишь узнав о том, что долгие годы хранилось за семью печатями, засекречивалось, мы сможем по-настоящему понять и оценить, что совершили старшие поколения, работники тыла, в войну и после нее, и тогда же не очень удачный термин «дети войны» наполнится иным смыслом.

Пока в областном архиве не удалось обнаружить списки доноров тех лет. В отчетах военных отделов городских райкомов партии о деятельности организаций Красного Креста сведения о них очень скудные: в основном – лишь их фамилии с пометкой "т." (товарищ) и количество сданной ими крови, у некоторых указано место работы. Лишь у двух женщин-доноров (на десятки тысяч!) сохранились не только фамилии, но и имена с отчествами. И еще у двух, кроме фамилий, – инициалы.

Нет сведений о донорах периода войны и на всей территории Украины. Немного известно по Харькову, в основном – с осени 43-го года.

По данным БСЭ, издававшейся в 1950-е годы, и «Советской военной энциклопедии», выходявшей в 1970-е гг., доноры СССР «дали фронту более 1 млн. 700 тысяч литров крови [6, с. 243], было их «5,5 миллиона человек». Лишь 58 из них отмечены орденами и медалями [1, с. 112], «15 тысяч» [7] – специальным нагрудным знаком «Почетный донор СССР»², сотни – значком «Отличнику здравоохранения» [1, с. 112].

Награжденных и особо отличившихся было явно маловато на такое огромное количество сдававших кровь, капля в море... В Харькове, по найденным документам, пока лишь 70 человек, «представленных к награде», но нет ни одного конкретного имени, неизвестно, какие были и награды. А ведь доноры крови – это настоящие герои того непростого времени! Причем большинство из них – женщины. Вечная слава им всем и память на все времена за спасение жизни и излечение сотен тысяч раненых советских воинов! Недаром в некоторых городах бывшего Союза донорам Великой Отечественной войны установлены памятники [7].

СЛУЖБА КРОВИ В ХАРЬКОВЕ ОСЕНИ 1943 ГОДА

Красный Крест заслуженно назывался в годы Великой Отечественной войны одной из самых важных оборонных организаций Союза: почетное место в его деятельности занимала забота о службе крови (так у медиков называется донорство). Организации Красного Креста, от низовых, первич-

ных, до руководящих, отчитывались о своей повседневной работе перед военными отделами партийных комитетов, соответствующих по субординации уровней, а плановые задания (о количестве новых членов, суммах членских взносов и пр.) им «спускали сверху», из ЦК Красного Креста. Туда же направлялись отчеты обкомов Красного Креста за год.

Харьков неслучайно в годы войны стал одним из самых значительных «поставщиков» донорской крови «действующей армии». Произошло это благодаря тому, что в нашем городе, кроме областной станции переливания крови, был и научно-исследовательский институт такого профиля. Наверно, в Союзе существовало немного медицинских учреждений такого высокого уровня. В августе 44-го лишь в Сталино (ныне Донецк) и Днепропетровске было по одной станции переливания крови и две – в Одессе. Поэтому военные отделы союзного и республиканского ЦК партии особые надежды на получение необходимого количества крови возлагали именно на Харьков.

«...Огромную роль в годы войны сыграл Харьковский институт гематологии и переливания крови. Именно в стенах этого учреждения еще в 1938-1939 гг. была впервые разработана схема использования переливания крови в полевых условиях, которая затем применялась на фронтах Великой Отечественной войны.

В эвакуации – вначале в Сталинграде, а затем в Саратове – институт был головной станцией по снабжению кровью действующих фронтов. С 23 июня 1941 года по 18 мая 1945 года им было заготовлено 68 тонн донорской крови и более 208 тыс. литров стандартной сыворотки, через его операционные прошло свыше 250 тысяч доноров» [7].

Институт переливания крови, которым руководил проф. Слободской А. Л., возвратился из эвакуации в середине сентября 1943 года и уже через полтора месяца приступил к работе в «полном объеме». Сначала не в своем здании, на Чернышевской, 9/11 (ныне 7/9), его нужно было ремонтировать, а на базе областной станции переливания крови по ул. Рымарской, 14. Начался трудный период в работе института: не хватало главного – нужного количества доноров, чтобы выполнять все указания Наркомата Оборона СССР.

Из «Информации» заведующего военным отделом обкома партии (Семакова) о работе обкома Красного Креста за сентябрь-октябрь 1943 года (для секретаря обкома И. Профатилова): «Несмотря на ряд проводимых мер по вовлечению трудящихся в число доноров, следует отметить, что население идет на это неохотно, отговариваясь истощением и нервным переутомлением... сейчас, при огромной потребности в крови, мы имеет около 400 чел.» доноров [3, ф. 2, оп. 2, д. 123, л. 15].

Отчитываясь об оборонно-массовой работе за период с 23.VIII [43] по 1 января 1944 года, он лаконично отметил: «Вовлечено в доноры 530 чел.»

[3, ф. 2, оп. 2, д. 123, л. 26].

Намеченное в 1943 («к 1.01.1944 г. иметь не меньше 3400 доноров» [3, ф. 2, оп. 2, д. 123, л. 16]) не удалось реализовать, а фронт ежедневно нуждался в тоннах этого стратегического «лекарства». В войну переливание крови являлось «наиболее эффективным средством при обильных кровопотерях,...тяжелых травмах и ранениях,... при длительных и тяжелых операциях», когда пострадавшему необходимо было влить от одного до двух литров крови (нередко и больше) [2, с. 424]. Вовремя перелитая кровь была зачастую единственным шансом для спасения человеческой жизни.

«Перед началом боевых операций в медицинских учреждениях, назначенных принимать первыми раненых, сосредотачивалось 50% предполагаемой потребности крови»[7].

Из «Справки» о проверке деятельности института переливания крови от 1 ноября 1943 года: «Институт должен обслуживать три фронта, пока снабжает кровью Второй Украинский фронт. Довоенная мощность [его] – до 250 литров ежесуточно, доноров было активных – 18000 человек, в настоящее время запланировано на ноябрь-декабрь пропускать 150 человек... ежедневно и готовить консервированной крови до 45-ти литров ежесуточно». Институт ставит перед собой задачу ежедневно повышать норму крови и, по словам профессора Слободского, может приготовить «до 150 литров ежедневно при наличии 15000 активных доноров» [3, ф. 2, оп. 2, д. 67, л. 12].

Именно такой «производительности труда» добивались от института Москва и Киев. Но где их взять – многие тысячи «активных доноров» (т.е. систематически сдающих кровь)?

«Дача» немалой порции крови не была процедурой легкой, будничной. Учитывая условия жизни людей того времени, визиты на Черноглазовскую, 20 не могли быть частыми. По сведениям нынешнего Областного центра службы крови на Клочковской, 366, сдача 400 мл выполняется через месяц-полтора [5]. В то время интервалы между этими процедурами должны были быть длиннее, чтобы компенсировалась потеря (человеческий организм просто не может раньше восстановить утраченное).

Если предположить, что кто-то из харьковских доноров, относящихся к числу «активных», начал сдавать кровь с сентября 43-го по май 45-го включительно, то за 21 месяц он физически не мог посещать институт переливания крови более 10 раз. В войну, видимо, эти сроки не выдерживались, т.к. из 30-ти доноров Харькова тех лет, о которых сохранились хоть какие-то сведения в областном архиве, многие сдавали кровь от 10-ти до 20-ти раз, а «заведующая библиотекой т. Чалая» – 30 раз (к сожалению, неизвестно даже, из какого района Харькова была эта необыкновенная женщина).

Льготы для доноров

Какова была сама процедура дачи крови (именно дачи, дарения – от лат. *donare*)? Сначала надо было явиться в Центральный донорский пункт на Черноглазовской, 20 (ныне ул. Маршала Бажанова), где проводился врачебный осмотр доноров, бралась на анализ их кровь и оформлялись донорские книжки, а затем с полученными бумагами идти в институт переливания крови, который занимался всем остальным. Здесь у доноров брали «полную дозу» или «полдозы» крови, выдавали справку об этом и кормили.

В отчетах военных отделов райкомов партии и др. документах о службе крови осени 43-го ничего не говорится о том, как проводилась «агитмассовая работа» среди населения по пропаганде донорства. Мне кажется, что главное внимание вначале уделялось мерам материального стимулирования (такое было время).

Еще в 1942 году в «Минздраве» СССР были определены льготы для доноров, дающих кровь регулярно. В феврале этого же года появились два приказа за подписью некоего Любимова (третий – его же, в июне 42-го). В двух первых указаны нормы пайков для доноров I категории (за 400-500 кубиков крови) и II категории – от 200 до 250.

Тем, кто давал «полную дозу», полагалось по 500 г масла «животного» (т.е. сливочного), сахара, мяса и крупы; для II категории – все то же, но по 300 г, хлеба причиталось одинаково, по 700 г. Эти пайки доноры получали «по месту жительства без очереди, по предъявлению донорской книжки и справки о даче крови в данном месяце». В июньском приказе Любимова устанавливались «нормы питания донора... в день дачи крови».

Чтобы активизировать вступление населения в доноры, институт переливания крови потребовал от Горторга (ведомства, отвечающего за торговлю продуктами в городе) забронировать на ноябрь-декабрь 43-го 4500 пайков для «активных доноров», и результаты от этого распоряжения не замедлили сказаться: число доноров в декабре почти удвоилось по сравнению с другими месяцами (их стало 1060 человек).

Наверное, донорами стали, прежде всего, женщины – матери, чтобы поддержать ценой собственного здоровья своих детей этими мизерными (по сегодняшним меркам) пайками. Сами доноры в день дачи крови должны были получить в институте переливания крови «горячее питание». Перечень продуктов для него (на одного человека) состоял из 18-ти пунктов:

- 1) мясо–рыба – 180 г
- 2) масла живот. – 30 г
- 3) молока – 30 г
- 4) сахара – 30 г
- 5) муки пшеничной – 10 г

- 6) муки картофельной – 10 г
- 7) крупы, макарон – 40 г
- 8) хлеба черного – 200 г
- 9) хлеба белого – 200 г
- 10) чай – 3 г
- 11) какао – 2 г
- 12) картофеля – 200 г
- 13) капусты – 100 г
- 14) моркови – 50 г
- 15) лука – 20 г
- 16) свеклы – 30 г
- 17) сухих фруктов – 20 г
- 18) свежих фруктов – 100 г

[З, ф. 2, оп. 2, д. 67, л. 13].

Если все это «богатство» сложить, получится 845 г (без хлеба). Хватит и на «горячий завтрак», и на «горячий обед», но, т.к. топливо не всегда завозилось вовремя, бывало, что «пища подавалась холодной», а чай несладкий (уже по другой причине).

Малейшие сбои в снабжении доноров продуктами резко снижали их число. Люди просто не являлись в донорский пункт. Причин было много: отсутствие чего-нибудь в пайках, замена качественных продуктов менее калорийными, кого-то «обложили» большим налогом на донорство (как в марте 45-го 61-летнюю женщину Трофимову из Коминтерновского района), на каком-то предприятии «закрыли» специальные столы для доноров (завод № 75 того же района) и пр.

До декабря 1943 года институт переливания крови «не имел денежных фондов на оплату труда доноров... в декабре этот вопрос [был] решен полностью», но оказались неотоваренными талоны на крупу, т.к. не было ее на складах, не завезли.

«С января [1944-го] и в последующие месяцы» донорам официально обещали выдавать «продуктовые карточки по «нормам рабочих промышленности и связи», которые, по желанию доноров, «будут отовариваться сухим пайком в магазине № 3, [к которому] «прикреплены работники центральных, областных организаций и наркоматов», потому что из-за малочисленности доноров для них поначалу не было специальных магазинов.

В январе 1945 г. «рекомендовалось» приравнять доноров по снабжению продуктами питания к стахановцам (постановление бюро горкома партии от 23 января 45-го. [З, ф. 69, оп. 1, д. 564, л. 214]).

БИТВА ЗА КРОВЬ

Год 1944-й был переломным, решающим в этой «битве». «Состояние донорства в г. Харькове» (так назывались все справки о проверке института переливания крови) лишь в малой степени зависело от этого медучреждения, деятельность которого постоянно инспектировалась. Дело было не в медиках, а в том, что среди плохо питающегося люда не было еще много-тысячной армии добровольцев, готовых регулярно сдавать свою кровь для спасения жизни раненых воинов. Их можно было найти, но для этого требовалось время и серьезная пропаганда донорства, «работа с массами».

Подводя итоги проверки института переливания крови в конце декабря 1943-го (справка от 1 января 1944 года), инструктор горкома Максимова приходит к выводу: «...без массовой разъяснительной работы нельзя восстановить донорские кадры...Необходимо развернуть работу по всем предприятиям, учреждениям, учебным заведениям и среди неорганизованного населения» (неработающих домохозяек – А.Б.) [3, ф. 69, оп. 1, д. 468, л. 175].

Ровно через год, посетив опять институт, она напишет горькие слова: «Быстрое увеличение заданий по крови свидетельствует о том, насколько необходима фронтам кровь, а следовательно...и массово-политическая работа как по вовлечению новых доноров, так и по работе с ними» [3, ф. 69, оп. 1, д. 564, л. 232]. Вот этой тревоги о состоянии донорства в Харькове и не чувствовали в горкоме партии. Принятое 24 января 1944 года на заседании бюро постановление было не конкретным, не действенным, носило скорее рекомендательный характер.

Правда, директоров предприятий, имеющих орсы³, обязывали обеспечить «своих» доноров «питанием и продуктами, приравнивая их к ведущим группам работающих», а вот «предоставлять донорам отпуск с производства в часы сдачи крови» лишь рекомендовалось. Учитывая то, что везде надо было стоять в очередях: и в донорском пункте, и в институте – уходил на это весь день. Разве способен был человек после такой нелегкой процедуры трудиться на своем рабочем месте в этот же день? Те, кто принимал подобные постановления, плохо представляли себе суть донорства (через год, в январе 1945 года, будут рекомендовать считать отпуском дни сдачи крови, а не часы) [3, ф. 69, оп. 1, д. 564, л. 216].

Фронту нужна была кровь немедленно, это дело не терпело отлагательств, а в постановлении 1944 года писали: «Поставить перед райкомами КП(б)У, и особенно перед горкомами и райкомами комсомола, задания: на протяжении 1944 года привлечь в ряды активных доноров не меньше 9200 человек, из них в первом квартале (т.е. за оставшиеся два месяца – А.Б.) 4000 чел. Сроки, конечно, были нереальными.

Понадобится более полугода очень серьезной организационной и «разъяснительной» работы для всех, кто отвечал за это святое дело, что-

бы наиболее сознательные харьковчане поняли всю важность проблемы донорства для Красной Армии в условиях жесточайшей из войн и настоятельную необходимость решить ее как можно скорее.

Лишь к концу года доноров в Харькове станет 16208 человек [3, ф. 69, оп. 1, д. 564, л. 233], в декабре 1943-го, напомним, их было всего 1060. Еже-суточная «норма» крови будет равна 90 литрам. 150 литров останется еще недосыгаемой планкой.

Катастрофическая нехватка крови для фронта заставляет военный отдел ЦК КП(б)У бить тревогу. В феврале [1944-го] в Харьков летят телеграммы серии «Г» (государственной важности).

«7.II.1944 г. Серия «Г» Телеграмма из Киева Секретно ОБКОМПАРТ т. Профатилову:

Вашим институтом переливания крови не выполняется план поставки крови фронту тчк Просим принять меры Результаты сообщите нам = Военный отдел ЦЕКАПАРТ Иванов [3, ф. 69, оп. 2, д. 302, л. 101].

Вторая телеграмма от 25 февраля 1944 года: «Последнее время ваш институт переливания крови не выполняет плана отправки крови фронту тчк Причиной считаем недостаточное внимание вашей стороны этому серьезному вопросу тчк Обсудите мероприятия руководителями станции здраводелом и оперативно обеспечьте выполнение плана отправки крови фронту тчк Принятых мерах доложите» [3, ф. 69, оп. 2, д. 302, л. 105].

Есть в архиве телеграмма из Харькова в Киев от 16 августа 44 г:

«Военный отдел ЦЕКАПАРТ Украины товарищу Иванову

Результате проведенных мероприятий план поставки крови фронту выполняется полностью 150 литров ежедневно.

Военком Обкомпарта Звездин» [3, ф. 2, оп. 2, д. 309, л. 100].

На самом деле, в этом документе желаемое выдается за действительное.

Еще в начале августа (7-го числа) с «Банковой, 11», из военного отдела ЦК, приходит в военный отдел Харьковского обкома партии письмо, содержание которого касается руководителей всех действующих к этому времени в Украине станций и институтов переливания крови:

«Проверкой установлено, что станции и институты переливания крови из месяца в месяц не выполняют план сдачи крови для фронта» (такое в годы войны звучало зловеще и могло иметь самые плохие последствия).

В г. Харькове институт переливания крови из плана ежедневной сдачи 150 литров выполняет 60–80 литров, в Одессе две станции переливания крови при плане 70 литров – выполняют – 35 литров, в Сталино при плане 30 литров – выполняют 12 литров, в Днепропетровске при плане 40 литров – выполняют 25 литров и т.д.).

Дальше перечислялись причины такого положения с донорством: на-

ряду с «неудовлетворительной организацией политико-массовой работы среди населения и плохой организацией снабжения доноров – отсутствие повседневного контроля и помощи в работе станций и институтов со стороны военных отделов обкомов, горкомов и райкомов КП(б)У...».

«В целях принятия немедленных мер по выполнению плана сдачи крови для фронта» военный отдел ЦК обязывал «срочно провести следующие мероприятия»:

- для проведения политико-массовой работы среди населения привлечь «лучших медработников, доноров, бывших ранбольных, которым в результате переливания крови оставлена жизнь»;
- обеспечить выполнение плана поставки крови по институту 150 л ежедневно (при явке 600 доноров);
- организовать специальные донорские магазины с полным высококачественным ассортиментом продуктов, для чего: а) категорически запретить замену донорских продуктов (слив. масла и сахара) др. продуктами; б) проследить, чтобы институт переливания крови был бы обеспечен полным ассортиментом высококачественных продуктов для питания доноров в день сдачи крови; в) организовать в столовых предприятий и учреждений донорское питание с выделением специальных столов, улучшая питание доноров за счет подсобных хозяйств.

«Лучших доноров по сдаче крови и ведущих работу по вовлечению населения в доноры представляйте к правительственной награде, к значку «Почетный донор», – рекомендовалось в письме из ЦК. На местах не видели, похоже, разницы между наградой (орденом или медалью) и почетным званием, часто отождествляя их.

Киев вменял в обязанность заведующим военными отделами обкомов партии «ежедекадно» информировать ЦК о выполнении плана «заготовки крови фронту», а первое такое сообщение выслать «письменно или телеграфно к 15 августа» (т.е. через неделю) [3, ф. 2, оп. 2, д. 309, л. 13].

К этому времени Харьков еще не мог дать столько крови, сколько от него требовали, но телеграфировать об этом в Киев было нельзя, страшно.

Телеграмма из Харькова 17 августа:

«Серия «Г» Военотдел ЦЕКАПАРТА Украины Дегтяреву

Выполнение плана сдачи консервированной крови разрезе пятидневок августа следующее двтчк первая пятидневка 335 литров доноров 1091 зпт вторая пятидневка 478 литров доноров 1207 зпт третья пятидневка 627 литров доноров 1413

Пятнадцатого августа план сдачи крови выполнен полностью 150 литров

Военотдел ОБКОМПАРТА Звездин» [3, ф. 2, оп. 2, д. 309, л. 101].

Содержание этой телеграммы не совсем понятно. Киев требовал от-

чета «ежедекадно». За десять дней должно быть 1500 литров крови. Если сложить результаты пятидневок, получится 1440 литров. В спешке потерял нуль? Что значит – 150 литров? В день – не выходит: I-я пятидневка – 67 литров, II-я – 96, а III-я – 125, в среднем – 96 литров. Этот показатель ниже планового на июнь (100 литров).

Ответственные за донорство товарищи вроде старались сделать все возможное для сдающих кровь, но очередная проверка института в январе 1945 года выявила многие существенные недостатки в решении проблем доноров. Деятельность этого медучреждения в который раз уже проверял один и тот же человек – инструктор военного отдела горкома Максимова, но именно сейчас раскрылось все негативное, накопившееся с 1943 года, которому была дана нелицеприятная оценка. Странно, что Максимова, принципиальная, обстоятельная женщина, не заметила этого раньше.

Ее «Справка» интересна тем, что содержит много подробностей о предыдущих годах. Оказывается, Центральный донорский пункт и здание самого института переливания крови давно нуждались в срочном серьезном ремонте («немедленном!»). Были проблемы и с топливом: помещение на Черноглазовской, 20 не отапливалось (зимой!), там совершенно не было стульев, «посетителям негде было сидеть, и они ходили одетые в пальто»

Из-за медленного их оформления скапливались очереди («Работа аппарата непродуктивна»). Снабжение продуктами доноров было «несвоевременное и неполное, допускались заменители»... Система снабжения отнимала много времени «на хождения». Отоваривание рабочих карточек (с производства, с места работы) проводилось по орсам и четырем магазинам райпищеторгов (Краснобаварского, Октябрьского, Дзержинского и Коминтерновского р-нов), а хлеб надо было получать по месту жительства, и можно было не успеть и остаться без хлеба (его не хватало).

Выдача продуктов по разовым талонам (на сливочное масло, сахар, мясо и крупу) производилась «в двух магазинах системы «Гастроном»: магазин №3 – проспект «Правды», магазин №6 – ул. Свердлова (ныне Полтавский шлях), 39».

Через год, 23 января 1945 года, постановлением бюро горкома партии будет решено реорганизовать ранее существовавшую сеть магазинов для доноров как не оправдавшую себя и создать для них три «закрытых» магазина системы «Пищеторг» и два – системы «Гастроном».

Согласно этому документу, чтобы достичь выполнения плановых заданий по крови, надо было увеличить в течение 1945 года число доноров до 25 тысяч. Особое внимание обращалось на то, чтобы в доноры шла «молодежь, комсомольцы», «крепкие парни и девушки»: «...на чергових комсомольських зборах первинних організацій... довести до свідомості комсомольців, що бути донором – обов'язок перед Вітчизною кожною людиною та в першу чергу комсомольця, молоді...» [3, ф. 69, оп. 1, д. 564, л. 216].

Рост донорских рядов

Грозное письмо из Киева лишь в августе 1944 года заставило всех, причастных к решению проблемы донорства, серьезно взяться за дело и в срочном порядке. Время на раскачку прошло. До этого, в первом полугодии 1944 года, доноров было не так много, а в некоторых районах, возможно, и вовсе не было (по крайней мере, новых), потому что не упоминалось о них в отчетах военных отделов.

В Орджоникидзевском районе было всего 170 человек, сдающих кровь (много сделала для приобщения их к донорству врач Тульчанская); в Коминтерновском – 240 из «запланированных» девятисот [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 12 об.]; в Ленинском – в первом полугодии – 500 [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 24]; в Сталинском – с августа 1943 по 20 марта 1944 года – 135, летом – 300, до конца года – 1198 [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 116]. Сохранились для истории фамилии трех женщин из этого района, сдавших по 2-2,5 л крови. Это Близнекова, Кретова и Карамышева [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 10].

Осенью 1944 года состоялись конференции доноров в районах города. Особенно показателен рост донорских рядов после большой агитмассовой работы на примере Дзержинского района: в апреле доноров было 360 человек, и «все в возрасте средних лет. Молодежи, комсомольцев среди них очень малый процент». На первое июня – 420 человек [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 24]. «Лучшие врачи» района прочитали 56 лекций «О донорстве в дни войны», об этом же говорил на конференции главный хирург, кандидат медицинских наук Кац, сами доноры Васильева и Пашенкова. Присутствовавшие на собрании раненые горячо благодарили доноров за то, что те спасли им жизнь, кое-кому не один раз [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 10]. После конференции количество доноров в районе увеличилось на 500 человек [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 19, 50 об.], а «на 10.12.1944, по точным сведениям института переливания крови, их было уже 1561 человек, 53% из них сдавали кровь систематически». Именно в Дзержинском районе больше всего сведений о донорах, обидно, что очень кратких.

На 1 июля 1944 года среди лучших доноров района – «медсестра госпиталя № 384, сдавшая 21 литр крови; Аксенова – 20 л, санитарка Твердохлебова – 20 л, сестра-хозяйка – 13 л, санитарка госпиталя № 5980 Куликова – 8 л и др.» [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 37]. У двух человек из пяти указана лишь должность. А ведь весь младший персонал в многочисленных харьковских госпиталях (медсестрички и санитарочки) – наши славные землячки... Жаль, что тогда не думали о том, что когда-нибудь благодарные потомки захотят узнать об их деяниях, чтобы помнить о них и гордиться ими.

О донорах Дзержинского района, попавших в годовой отчет, немного больше сведений: Кайгородцева (11 литров), Лепешкина Е.Ф. (10 л), Борисенко (13 л). «Отец двух сыновей – фронтовиков Симонов за время войны

сдал 15 л крови»; «жены фронтовиков завода маркшейдерских инструментов, стахановки: Кириллова, Секрета и Назаренко – за 6 месяцев сдали 7,5 л. [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 19].

В Краснобаварском районе большую помощь организации Красного Креста в распространении донорства оказала поликлиника № 10. Там создали специальную мобильную бригаду медиков, которая вела «разъяснительную работу в массах». Деятельность ее была столь успешной, что после бесед врачей с населением люди записывались в доноры. «Таким образом» было вовлечено в это благородное дело 1350 человек, большинство из них стало сдавать кровь систематически, например: «работница завода им. Ленина Саратова – 20 раз», Зинченко П.В., Лесная Л.В. и Шереметьева, которые работали на канатном заводе, по 18–20 раз «и др.» [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 70, 105]. Учитывая «отдаленность района от Харькова» в то время, для доноров здесь открыли свой магазин.

«С большим подъемом» прошла в Октябрьском районе конференция доноров. Донор Огурцова (ВОХР–83, наверное, вооруженная охрана завода (объекта) № 83) 12 раз сдала кровь «по полной дозе», завербовала 80 человек, в том числе и своего мужа, инвалида Отечественной войны, который тоже 4 раза сдал кровь. «Призываю всех безбоязненно сдавать кровь и вовлекать в доноры своих товарищей», – обратилась к трудящимся своего района эта боевая женщина.

Рабочий 9-го стройучастка Шкорупа, выступая на конференции, сказал: «Я инвалид Отечественной войны... при ранении мне вливали кровь, а теперь я сам сдаю... и организую массовую работу по вовлечению в доноры».

После этого собрания «активистки-доноры Твердохлебова Мария Митрофановна и Пашкова Анна Андреевна» предложили начать сбор средств на постройку самолета «Харьковский донор», а кинотеатр «Октябрь» показал 12 сеансов киножурнала «Вступайте в ряды доноров» [3, ф. 69, оп. 1, д. 556, л. 48-48 об.].

Может быть, о представленных к наградам больше информации? Ничего подобного. По «спущенному сверху» плану в организации Красного Креста Кагановичского (ныне Киевского) района должно было быть в 1944 году 1300 новых доноров, стало 2000, всего 3114 человек, в том числе 1092 комсомольца. «Представлены к наградам 17 человек. Объявлена благодарность 35-ти лучшим активистам» (тем, кто сумел привлечь к донорству больше людей) [3, ф. 69, оп. 1, д. 698, л. 11 об.]. В 1945 году в этом районе «30 доноров-мужчин» заслужили почетное звание, и 10 уже получили специальный нагрудный знак «Почетный донор СССР» [3, ф. 69, оп. 1, д. 697, л. 24]. В отчете военного отдела этого района за март-сентябрь 1944 года сказано: «Число доноров выросло с 1500 до почти 4500 человек, благодаря большой работе, проведенной краснокрестовскими организациями» [3, ф. 69, оп. 1, д. 697, л. 24].

В Коминтерновском районе награжденных 23 человека [3, ф. 69, оп. 1, д. 697, л. 10]. «Работница лесозавода Попова» 20 раз сдала кровь и сагитировала стать донорами еще 15 человек [3, ф. 69, оп. 1, д. 696-а, л. 36]. Таким образом, из многих десятков тысяч лишь 70 жителей Харькова за период с осени 1943 по лето 1945 года стали почетными донорами СССР.

План выполнен

Отчитывался о своей работе и институт переливания крови 1 февраля 1945 года, но очень кратко, и не указано, перед кем: «1. Данная продукция института равна 100 литрам крови. 2. В магазинах по снабжению доноров создан запас качественных продуктов». Этот документ находится в деле за 1944 год, рядом с памятным августовским письмом из ЦК [3, ф. 2, оп. 2, д. 309, л. 14].

В отчете заведующего военным отделом горкома Бердичевского за первое полугодие 1945 года содержится такая информация: «Харьковский институт переливания крови заготовил 15.713,94 л крови, полностью выполнив поставленные задачи. Для нужд фронта отправлено 11 тонн 567,3 кг крови. Остаток использовался для нужд местных эвакогоспиталей и лечебных учреждений. За этот период пропущено 39340 доноров, что составляет 6573 донора в месяц.

В работе института отмечен ряд доноров, которые неоднократно сдавали кровь, чем помогли фронту. Проф. Вальтер А.К., заместитель директора физико-технического института, сдал 9,275 литра крови. Работница фабрики «Октябрь» Павлова сдавала кровь 15 раз, тов. Чалая – заведующая библиотекой... 30 раз и ряд других.

По окончании войны, ввиду резкого уменьшения заявок на кровь, институт заготавливает кровь в зависимости от требования местных госпиталей» [3, ф. 69, оп. 1, д. 696-а, л. 37].

...За один только 1944 год в «госпиталях области проведено до 6000 переливаний крови» [3, ф. 2, оп. 2, д. 679, л. 34 об.]. Здесь учтены сведения лишь за время с 16 февраля по 7 декабря, в действительности – не меньше 8 тысяч.

¹ В начале нового века в областном архиве сняли гриф секретности со многих документов периода войны, и ученые, исследователи и краеведы получили возможность узнать много нового о том, как жители нашего края «приближали день Победы».

² Нагрудный знак «Почетный донор СССР» учрежден Президиумом Верховного Совета СССР 24 июня 1944 года.

³ Орсы – отделы рабочего снабжения.

...Так завершилась одна из труднейших кампаний военных лет, в которой принимали самое деятельное участие десятки тысяч жителей нашего города. А было их, таких кампаний, немало: это и уборка завалов, оставшихся после бомбежек; и разминирование территории областного центра и сельских районов, и восстановление из руин жилых зданий и корпусов заводов, школ, вузов; ремонт разрушенных мостов и строительство новых; приспособление и оборудование помещений для десятков военных госпиталей; стирка вручную и ремонт сотен тысяч экземпляров зимнего и летнего воинского обмундирования в 1944 и 1945 годах (с марта по 1 октября – срок госзаказа, не уложиться в него нельзя) – и это только малая часть того, что необходимо было делать безотлагательно. В большей части города не было ни воды, ни света, ни тепла, ни канализации, в значительной части госпиталей – «буржуйки» (ок 6 тыс. их было осенью 43-го – зимой 44-го) и керосиновые каганцы, а лампы керосиновые – лишь для операционных.

Было от чего прийти в отчаяние. Все было важным, ничего нельзя было отложить на потом. Сроки жесткие. Диву даешься, как все это вынесли харьковчане военного времени, вообще – жители всей нашей прежней страны?!

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия. – II изд. – т. 15. – М., 1952 – с. 112.
2. Большая советская энциклопедия. – II изд. – т. 32. – М., 1955 – с. 424.
3. Государственный архив Харьковской области.
4. Немировська Н. Донорство у звільненому Харкові (1944–1945) // Медична газета. – 31 серпня 2010 г.
5. Питя И. Мы – одной крови // Время. – 13 июня 2008 г.
6. Советская военная энциклопедия. Т.3. – М., 1977. – с. 243.
7. Сивцова О. Кровь для Победы // Время регионов Харьковщины. – 17 мая 2008 г.

А. И. БУЛГАКОВА

**«Я ПОДЕЛЮСЬ С ТОБОЮ КРОВЬЮ»
(ДОНОРЫ И ДОНОРСТВО ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ ГАЗЕТ ВОЕННЫХ ЛЕТ)**

Їх багато, невідомих героїв, які творили велику справу.

Є. Губар. «Вірні помічники нашої армії»

О многом, чем жила в годы войны наша прежняя страна – СССР, Украина и Слобожанщина, можно узнать со страниц местной прессы – «Соціалістичної Харківщини» и «Красного знамени». В этом, в который уже раз, убедилась я в феврале нынешнего года, листая пожелтевшие подшивки газет семидесятилетней давности, хранящиеся в библиотеке Короленко. До этого я изучала десятки недавно рассекреченных документов областного архива, чтобы рассказать о подвиге доноров – наших героических земляков и землячек в те далекие годы.

Напомню: 70 из них были представлены к правительственным наградам, но пока нет ни одного конкретного примера. В отчетах военных отделов райкомов Харькова, горкома, обкома сохранились очень скудные сведения о 26 женщинах, лишь у двух есть, кроме фамилии, и имя с отчеством, а ведь только за первое полугодие 1945 года харьковским институтом переливания крови «пропущено 39 340 доноров». Помимо этого медицинского учреждения, харьковчане сдавали кровь и на областной станции переливания крови как в мирные дни до войны и в первые месяцы войны, так и после окончательного освобождения города. Сведения об этом найдены в газетных статьях. Спасибо журналистам того времени и другим авторам публикаций о донорах и донорстве за то, что они сохранили для истории еще 34 человеческие судьбы.

Дадим им слово. Пусть говорят сами летописцы Великой Отечественной, пусть весомо прозвучат имена новых героев.

Валки. 7.07 (по телефону). В. Кондрацький. «Збільшуються ряди донорів»

«У Валківську радлікарню прибувають група за групою жінки. Серед них складальниця друкарні Ф. Залкіна, бухгалтер райвідділу зв'язку М. Розмарія, діловод Г. Груба, ... домогосподарки Г. Славгородська, Н. Жиліна й інші. ... Тільки за один день з'явилося на пункт більше 30 жінок.

Записуючись у донори, робітниця друкарні Г. Пащенко заявляє: «Мені не потрібна плата за кров, я безплатно дам її для поранених бійців Червоної Армії, скільки зможу». («Соціалістична Харківщина». – 1941. – 8 липня).

П. Шевченко «Зростають ряди донорів»

«В обласну станцію переливання крові йдуть тепер не тільки поодиноці, як це було раніше, а чималими групами. Так, понад 50 чоловік прийшло з панчішної фабрики, кілька дружин – членів Червоного Хреста. Йдуть робітники з підприємств, службовці установ, студенти вузів.

Всі готові давати свою кров для рятування поранених бійців», багато з них, як Трубіцина Є.І., безоплатно. («Соціалістична Харківщина». – 1941. – 23 липня).

Ф. Яценко, заступник голови ЦК товариства Червоного Хреста УРСР. «Почесна і гуманна роль донора»

Трудащі в тилу беруть безпосередню участь у рятуванні життя поранених воїнів, даючи їм свою кров... Сотні працівників харківських підприємств стали донорами.... Медсестри й сандружинниці Червоного Хреста охоплені донорством.

Активістки Червоного Хреста міста Харкова тт. Є. Добромислова, В. Петрова, А. Могилевська і ін. подали заяву про безплатну віддачу крові. («Соціалістична Харківщина». – 1941. – 17 серпня).

П. Бунов. «Донори»

«З ранку й до пізнього вечора не зачиняються двері обласної станції переливання крові. Сюди приходять і молоді, і старі (*тобто, давні* – А.Б.) донори... І почесне місце серед них займають комсомольці».

Валя Васильєва, 20 років, робітниця Н-ського заводу. «Вже двічі з початку війни вона давала кров», хоч «повторно брати кров можна тільки через півтора місяця. Валя дала вперше свою кров на третій день війни і знову з'явилась через 20 днів.

В перший же день війни прийшли комсомолки Аня Дзевалдовська і Галя Сергієвська – слухачки зуболікарської школи.

... Є серед донорів станції такі товариші, яких можна завжди викликати. Ще не було такого випадку, щоб Люба Усачова – комсомолка-машинярка (*друкарка* – А.Б.) Н-ської фабрики, відмовилась дати свою кров. Її вже двічі за час війни викликали в кабінет донорів. І кожного разу її кров рятувала поранених бійців.

Багато дівчат-комсомолок, виїжджаючи з Харкова на роботу в колгоспи, приходили на станцію дати свою кров». Серед них – Муся Григоренко, студентка стоматологічного інституту.

«Комсомольці Маруся Нестайка – лаборант обласної станції переливання крові, і її брат Дмитро – робітник Н-ського заводу, – старі донори. Вже понад 30 раз давала свою кров Маруся, а її брат – 6 раз.

– Мій старший брат Федосій, – каже Маруся, – на фронті..., б'ється з ворогом. Я радо віддаю свою кров, знаючи, що вона може врятувати життя бійця Червоної Армії – однаково чи мого брата, чи чоловіка якоїсь жінки,

чи сина чиєїс матері. Кожен з них однаково рідний мені... («Соціалістична Харківщина». – 1941. – 7 вересня).

***Власовський, директор станції переливання крові,
кандидат медичних наук. «Ставайте до лав донорів!»***

«Багатьом тисячам воїнів Червоної Армії наші жінки-патріотки врятували життя. З перших же днів визволення Харкова на станцію переливання крові приходять десятки донорів. Понад 60 чоловік зареєструвалось лише за три дні прийому.

... Тов. Данилова – старий донор, вона 30 разів давала свою кров». Зараз вона, як і інші «дружини червоноармійців: Немовчева, Арсєєва та Новохатська» – «просить зарахувати її у число давців крові».

«... Обов'язок кожного радянського патріота, який має здорову кров, – стати донором». («Соціалістична Харківщина». – 1943. – 15 вересня).

Н. Ільїна. «Благородна справа»

«Тисячі радянських жінок... віддають свою кров для порятунку життя бійців та офіцерів. У відповідь приходять листи з фронту. Вони сповнені вдячності й теплоти до невідомих, але кровно близьких людей.

Харків'янка Євгенія Котенко одержала листа від пораненого Гліба Георгіївського, в якому він говорить їй: «...Мені хотілось би побачити Вас і особисто подякувати».

...Часто між донором і пораненим воїном налагоджується систематичне листування. Діставши після поранення й перебування у госпіталі відпустку, боєць приїжджає віддячити за «кровну» допомогу. Повернувшись на фронт, він продовжує листуватись з тою, яка стала йому близьким другом.

В харківському інституті переливання крові добре відомі імена донорів:Олександри Романівни Кузьміної, Марії Петрівни Фоміної, Тетяни Спиридонівни Щеголевої та ін... Систематично віддаючи свою кров, вони залучили до цієї благородної справи багато нових патріоток. Зоя Іванівна Цимблер на початку війни дала зобов'язання безплатно здавати кров..., здала вже 4200 г.» («Соціалістична Харківщина». – 1944. – 13 червня).

Р. Брусиловський. «Во имя жизни»

Автор этой статьи рассказывает детально, по этапам, как берется у донора кровь, как она попадает на фронт, что чувствует человек, осознавая, что он спасает чью-то жизнь, и какой отклик вызывает этот поступок в душе возвращенного к жизни:

«Вы наденете халат, маску, мягкие полотняные сапоги и войдете в операционную.

Врач ловким и быстрым движением введет острую иглу в вену руки. Ваша кровь по резиновой трубке перейдет в длинную ампулу. В этой ампуле, изготовленной из особого стекла, тщательно запечатанная, обе-

регаемая, как зеница ока, снабженная паспортом и, если хотите, вашим письмом, кровь помчится на крыльях самолета на один из фронтов Отечественной войны, чтобы спасти жизнь раненого воина...

В приемной института вы встретите швейницу, студентку, военнослужащего, домашнюю хозяйку, научного работника и колхозника». ...Подлинные энтузиасты донорства – «В. Н. Аверина, сдавшая 5 литров крови; А. Кузьмина, сумевшая завербовать в доноры всех домохозяек своего квартала – более 50 человек; А. Ревякина, секретарь комсомольского комитета областного управления НКГБ, пять раз сдавшая свою кровь и добившаяся того, что донорами стали поголовно все члены [этой] комсомольской организации; семья рабочего Г. Работяги – отец, жена и дочь, – вместе сдавшие свыше 30 литров крови.

...Студентка Людмила Пугач приложила к ампуле со своей кровью несколько поэтических строк, идущих от чистого сердца:

*Товарищ! Тебя я не знаю,
Но в этот незабвенный час
Одна любовь и боль святая
Пускай навеки свяжут нас.
И, вдохновленная любовью,
Высоким мужеством твоим,
Я поделюсь с тобою кровью –
Моим богатством молодым.
И вместе с возвращеньем к жизни
Я передать тебе смогу
Всю преданность мою Отчизне,
Всю ненависть мою к врагу...*

Кровь Людмилы Пугач была на фронте перелита тяжело раненному разведчику – сержанту Сергею Шариповичу Латыпову и спасла его от гибели. Тронутый письмом, он решил ответить в тот же день. Но рука его еще не в силах была держать перо. И он продиктовал свой бесхитростный ответ медсестре: «Дорогая Людмила! Благодаря Вашей крови, отданной мне, еще не один фриц поплатится своей жизнью. Шлю Вам свой горячий гвардейский привет и желаю наилучшей жизни» («Красное знамя». – 1944. – 29 июля).

Из статьи «Во имя жизни» узнаём мы и о том, каким замечательным организатором донорской службы был профессор А. Л. Слободской, награжденный орденом за свой самоотверженный труд в годы войны (только каким – неизвестно). Руководимому им Украинскому институту неотложной хирургии и переливания крови «удалось в трудных условиях эвакуации полностью сохранить кадры научных сотрудников, крепко спаянных общей любовью к своему делу. Вот почему, вернувшись в освобожденный Харьков, институт не только сумел в кратчайший срок восстановить собствен-

ную...деятельность, но и создать станции переливания крови почти во всех областных центрах Украины».

Под статью руководителю были и сотрудники института. Об одном таком человеке рассказывает Бор. Подольский в статье «Самоотверженность». Это «Марья Ивановна Черненко», научный работник, «она сутками, без сна работала в лаборатории, и никто не мог сказать, когда она отдыхает.

...Серьезная, сосредоточенная, женщина исследовала кровь, чтобы можно было скорее зарядить ею ампулы, передать в экспедицию. Ответственное дело – исследование... Малейшая ошибка в анализе – и жизни бойца грозит большая опасность... Анализы [ее] всегда были безукоризненны. Сотни литров крови, прошедшей через лабораторию, поступали ежедневно в госпитали, медсанбаты.

...Когда институт переехал в Саратов,... снабжать кровью надо было Сталинград... По 5-7 самолетов прибывало ежедневно оттуда за кровью.

...Труд М.И. Черненко заслуженно отмечен орденом «Знак почета». («Красное знамя». – 1945. – 1 мая.)

В отчетах военных отделов партийных комитетов о службе крови в Харькове не было имени и отчества даже профессора Слободского, что уж говорить о рядовых донорах. Сведения о них приходится собирать буквально по крупицам. Благодаря газете, найдены инициалы еще одного человека – Лепешкиной Е.Ф. Она пожертвовала 11 литров собственной крови на алтарь Победы.

В статье Е. Губара (Дзержинский райком Красного Креста) «Вірні помічники нашої армії» была помещена фотография трех «активных доноров» – работниц военного госпиталя, располагавшегося в Дзержинском районе: Н. Ф. Кореновой, П. Я. Довгобородовой и Е. Ф. Лепешкиной. Две первые фамилии – новенькие, раньше не встречались в документах архива.

Мне запомнились две фразы из этой статьи: «З вдячністю запам'ятаємо ці імена» и «Їх багато, невідомих героїв, які творили велику справу». («Соціалістична Харківщина». – 1944. – 16 вересня.) Только непонятно, почему герои тыла остались «невідомими» не в 1941 году, а после освобождения Харькова... Раньше думала, что где-то должны быть списки доноров: в институте или на станции переливания крови, или в музеях предприятий, учреждений, вузов, где трудились и учились дававшие кровь, часто безвозмездно. Теперь надежды на семейные предания. Должны же внуки и правнуки знать, какими были их деды и прадеды, как воевали или работали в тылу, чем отличились в те грозные годы.

P.S. Большое спасибо Н. П. Трипутиной, зав. сектором культурно-массовой работы научной библиотеки Харьковской национальной академии городского хозяйства за подарок – ксерокс газетной статьи Р. Брусиловского «Во имя жизни», что и подвигло меня на поиск сведений о донорах в местных газетах периода войны.

До 75-річчя

Васильева Мария Семеновна

исследователь, краевед, книголюб.

Родилась в Харькове в 1938 г. Окончила Основнянскую СШ №9 ЮЖД (сейчас это Харьковская гимназия №34). Закончила Харьковский технологический техникум с присвоением квалификации «Конструктор-модельер женской одежды». Распределение получила в Полтаву. В 1964-1973 гг. – инженер-конструктор

швейной группы Конструкторско-технологического бюро Полтавского облбытуправления. С 1973 г. по 1992 г. – инженер по стандартизации, старший инженер по стандартизации, руководитель службы стандартизации, метрологии и научно-технологической информации. Кроме основной работы с 1967 года по 1992 год – ответственный секретарь Художественно-технического Совета облбытуправления. За добросовестный труд награждалась Почетными грамотами, денежными премиями. В 1988 году награждена медалью «Ветеран труда».

Общественная работа. В 1968 г. закончила двухгодичный университет журналистики при редакции областной газеты «Зоря Полтавщини». В газетах «Комсомолец Полтавщини» и «Зоря Полтавщини» печатались информационные статьи, в основном на производственную тему. С 1975 г. по 1985 г. – председатель первичной организации общества книголюбов Облбытуправления. Официальным признанием работы первичной организации, возглавляемой Васильевой М. С., были награждения Почетными грамотами районной, городской, областной и республиканской организацией общества книголюбов, Дипломом центрального правления Всесоюзного общества любителей книг, Дипломом Полтавского Облкниготорга. Оценкой работы по распространению литературы и мероприятиям, проводимым в первичной организации, в 1985 г. Облкниготоргом был выпущен плакат.

С 1976 г. Васильева М. С. – член Полтавского городского клуба книголюбов «Ворскла». От общественности города была избрана ответственным секретарем Совета содействия при магазине «Подписные издания».

В 1988 г. закончила Полтавский народный университет пропаганды памятников истории и культуры при Полтавском краеведческом музее с присвоением квалификации «лектор-экскурсовод».

В 1998 г. – переезд на постоянное место жительства в свой родной город Харьков.

С августа 1998 г. – член клуба «Краевед» при отделе «Украиника» и член клуба «Клуба пушкинистов» при отделе новых поступлений Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко.

С конца 2000 г. – член клуба «Краевед» при Харьковском доме ученых.

С 2001 г. – член «Клуба любителей искусства» при Харьковском художественном музее.

С 2002 г. – активный участник конференций «Слобожанские чтения», с 2004 г. – одна из авторов научно-популярного сборника «Культурна спадщина Слобожанщини».

С 2008 г. – общественный инспектор по охране памятников культуры Харьковской области.

Васильевой М. С. посчастливилось встречаться в Полтаве в 1978 и 1979 гг. с Софьей Николаевной Данилевской – правнучкой А. С. Пушкина и внучатой племянницей Н. В. Гоголя. В 1970-х годах познакомилась с Марией Ростиславовной Капнист – актрисой киностудии им. Довженко, праправнучкой поэта Василия Васильевича Капниста. Эти встречи вдохновили М. С. Васильеву на разработку тем о А. Пушкине, Н. В. Гоголе, их жизни, связанной с Украиной. Особенным для Марии Семеновны было участие в акции, проводимой Областным управлением культуры, «Спасем Старый Мерчик» в 2005 г. Тогда появилась статья «Кто вы, госпожа Шидловская? или Портреты заговорили».

За время посещения клуба «Краевед» при отделе «Украиника» ХГНБ

им. В. Г. Короленко были подготовлены и прочитаны доклады:

- «Парижанка из Диканьки» о М. К. Башкирцевой (2002).
- «Станция Основа. Прошлое и настоящее» (2004).
- «Ю. В. Кондратюк (А. И. Шаргей) – теоретик космонавтики («Что в имени тебе моем»)» (2007).
- «П. Ф. Соколов (1791–1848) и Слобожанщина» (2012).

В «Клубе пушкинистов» при отделе новых поступлений ХГНБ им. В. Короленко:

- «Пушкин в моей жизни» (30.10.2007).
- «От Пушкина до полтавских потомков Пушкина и Гоголя» (28.11. 2007).
- «Семья Раевских в жизни и творчестве А. С. Пушкина» (11.02.2008).
- «Памятники и памятные места Полтавской битвы в Полтаве и на Слобожанщине» (23.06.2009).

Клуб «К° и Надежда» при библиотеке им. К. Станиславского:

- «Музеи Полтавы» (10.08.2000).
- «Мои встречи с М. Р. Капнист – праправнучкой поэта В. В. Капниста, актрисой киностудии им. Довженко» (05.08.2001).

Клуб «Собеседник» при библиотеке им. В. Белинского:

- «Пушкин в моей жизни. Полтавские потомки Пушкина и Гоголя» (19.11.2002).
- «Музеи Полтавы» (15.04.2003).

В клубе «Краевед» при Доме ученых с 2001 г. по 2012 г. включительно подготовлено и прочитано 30 докладов. Кроме уже перечисленных тем, прочитанных в других клубах, можно назвать еще некоторые темы:

- «Главные герои поэмы А. С. Пушкина «Полтава». Время и судьбы» (07.06.2009).
- «Коктебильские берега Максимилиана Волошина. М. Волошин и Харьков» (2002).
- «Гоголь известный и неизвестный» (04.04.2004).
- «В. Л. Боровиковский – певец женской красоты в живописи» (2002).
- «Человек, построивший храм Солнца. Об архитекторе Н. А. Львове (1751 – 1803) в связи с 255-летием со дня рождения» (12.03.2006).
- «История одной картины. 120 лет со дня рождения харьковчанки балерины Иды Львовны Рубинштейн» (19.08.2007).

Среди забытых имен были прочитаны доклады: «Поэтесса Черубина де Габриак (Е. И. Дмитриева)» (31.08.2003) и «Крандиевская Н. В. (1888 – 1963) – поэтесса и жена писателя А. Н. Толстого. К 120-летию со дня ее рождения» (03.02.2008) и многие другие.

Как краевед Васильева М. С. участвовала в исследовании захоронений на городском кладбище № 5 по проспекту Гагарина и на станции Основа. В результате в сборнике научных статей «Некрополь Слобожанщины» была опубликована ее статья «Остановись, прохожий» (2012 г.).

За активное участие в клубе «Краевед» при отделе «Украиника» ХГНБ им. В. Г. Короленко и в связи с 25-летием клуба Васильева М. С. получила «Подяку» (2003). «За весомый вклад в дело сохранения культурного достояния на Харьковщине» была награждена почетными грамотами Управления культуры Облгосдаминистратии (2005, 2008), а в 2008 г. получила «Подяку» от Национального союза краеведов Украины за весомый вклад в развитие краеведения Харьковщины.

М. С. ВАСИЛЬЕВА

Соколов П. Ф. (1791-1848) – РОДОНАЧАЛЬНИК АКВАРЕЛЬНОГО КАМЕРНОГО ПОРТРЕТА

В книге Г.К. Лукомского «Старинные усадьбы Харьковской губернии» при описании дворцово-паркового ансамбля в Старом Мерчике, построенного в 1778 году Г.Р. Шидловским, читаем следующее: «В гостиной хороши портреты Лужиной и кн. Голицыной кисти Боровиковского (несомненно копии)...».

Кто же такая Лужина и какое отношение она имеет к усадьбе? Обратимся к истории. После Шидловских в 1843 году владельцем усадьбы стал граф Николай Васильевич Орлов-Денисов (1815-1855), сын участника Отечественной войны 1812 года Василия Васильевича Орлова-Денисова. Он был женат на Наталье Алексеевне Шидловской. После его смерти она вышла замуж вторично (в 1857 г.) за генерал-лейтенанта Лужина, назначенного в 1856 году на должность харьковского губернатора. Поэтому на момент описания усадьбы в Старом Мерчике Г.К. Лукомским (1914 год) графиню Н.А. Орлову-Денисову видимо знали как Лужину. Но при чем здесь художник Боровиковский, указанный в книге Г.К. Лукомского, якобы написавший портрет Лужиной? В.Л. Боровиковский умер в 1825 году, а Орловы-Денисовы стали владельцами усадьбы с 1843 года. Тем более Лужиной Наталья Алексеевна стала после смерти мужа перед реформой 1861 года.

Известно, что в 1848 году Н.А. Орлова-Денисова пригласила в Старый Мерчик художника-акварелиста П. Ф. Соколова из Москвы. И он, естественно, не мог не написать портрет хозяйки усадьбы.

Что касается биографических данных Петра Федоровича Соколова, то этих сведений немного. М.М. Ракова, автор исследования «Петр Федорович Соколов», пишет, что художник «В конце 40-х годов окончательно переехал в Москву, где и жил до самой смерти». Эту версию повторяет автор Валковской энциклопедии И.М. Лысенко: «Похований в Москві». А вот московская писательница, исследователь, искусствовед Ирина Борисовна Чижова, побывав в Харьковском историческом музее и на Валковщине, утверждает, что Петр Федорович Соколов похоронен в Старом Мерчике. О его пребывании на Слобожанщине мы расскажем далее, а сейчас познакомимся с жизнью и творчеством художника.

В первой половине XIX столетия в русском искусстве была распространена особая форма портрета – небольшое изображение, исполненное на бумаге карандашом или акварелью. Рисунки на небольших листах бумаги легко умещались в альбоме или портфеле. Они запечатлевали человека в самые раз-

личные моменты жизни. Рисовать портреты своих знакомых было в то время всеобщим увлечением. Модным было заказывать портреты девушек-невест.

Предшественницей этого портрета в русском искусстве была миниатюра XVIII века – маленькие изображения, выполненные акварельными красками на слоновой кости или пергаменте, оправленные в золото, украшенные драгоценными камнями, приспособленные для ношения на груди или вделанные в табакерки.

Карандашный портрет нашел воплощение и в творчестве О.А. Кипренского, акварельных работах братьев Брюлловых. Однако особого камерного звучания с его вниманием к внутреннему миру человека этот жанр достигает в творчестве Петра Фёдоровича Соколова.

*Портрет П. В. Соколова.
В. А. Тропинин 1833 г.*

Посмотрим на портрет работы Тропинина: Петр Федорович изображен на нём в 46 лет. На нас смотрит человек с доброжелательным взглядом живых глаз. Во взгляде, в складках чуть улыбающегося рта чувствуется жизнерадостность и добродушие.

По воспоминаниям сыновей Соколова он родился в 1787 году в Москве. Но по справочникам Академии художеств датой его рождения значится 1791-й год. Отец будущего знаменитого мастера акварели умер на первом году жизни сына: страсть к карточной игре погубила его. Он проиграл все свое состояние. Из дома выносили вещи, картины, а мать собиралась в Петербург, чтобы отвезти сына и определить в какое-нибудь воспитательное учебное заведение, но обязательно за казенный счет. В Петербурге они остановились у своих бедных родственников, живших в Гавани. Наконец матери удалось поместить сына в Академию художеств на полный пансион за казенный счет. Мать была еще молода и мечтала устроить свою судьбу – мальчик мешал ей. Вскоре она вышла замуж за некоего фон Гильднера. Впоследствии сын простил ее, и в старости вместе с мужем в доме покинутого ею в детстве ребенка, ставшего известным художником, она жила на полном материальном обеспечении.

В Академии художеств было воспитательное училище, куда брали мальчиков 8-9 летнего возраста. Если считать за дату рождения Петра Соколова 1787 год, то на момент поступления в Академию (1800 г.) ему было тринадцать. По-видимому, мать убавила ему несколько лет. Но, как бы там ни было, Академия стала его родным домом.

В 1799 году вице-президент Академии художеств, знаменитый русский

архитектор В. И. Баженов писал с беспокойством Павлу I: «...плохо, если не узнавали склонности молодого человека, отец назначает его к художеству ради единого куска хлеба...». Именно из-за «куска хлеба» Петра Соколова и отдали учиться. Но, к счастью, у него обнаружились природные дарования.

На учёбу мальчик явился в довольно жалком виде: вместо пальто он был одет в старый материнский салоп. Это дало повод товарищам прозвать его «салопницей». Он долго терпел насмешки соучеников и, забившись в угол, просиживал там целыми часами. Наконец не выдержал и, ухватив первого, кто был поближе, задал ему трепку. Остальные разбежались. Бойкого новичка посадили в карцер, но зато его больше никто не трогал.

В воспитательном училище пища была грубая, одежда рваная и истасканная (донашивали после старших), теплой совсем не было, поэтому ученики часто болели.

В училище Петр Соколов пробыл первые четыре года вместо шести, и стал учеником Академии, где атмосфера жизни и обучения была лучше, а прежние неудобства отошли в сторону из-за увлеченности высоким искусством.

Результатом этого стали серебряные и золотые медали по рисунку, которые он получал. Рисунок в Академии был главной дисциплиной и главенствовал во всем, даже в живописи.

Учась в Академии, П. Ф. Соколов занимался самой почетной живописью – исторической. Он готовился создать конкурсную картину на высшую награду – Большую золотую медаль, дающую право на пенсионерство в Италии.

В феврале 1809 года состоялся конкурс по классу исторической живописи по программе «Андромаха, оплакивающая Гектора». В результате Соколов получил медаль лишь второго достоинства, хотя и был удостоен аттестата первой степени. Рухнула мечта о творческой работе в Италии.

Начальство оставило юношу при Академии еще на год с тем, чтобы дать ему возможность завоевать ускользнувшую награду. Однако и эта попытка окончилась неудачей, и в 1810 году Соколов был окончательно отчислен из Академии. Юноша остается один на один с жизнью: без богатых родителей, влиятельных родственников, надеясь только на себя. Решающую роль в жизни Петра Соколова сыграло доброжелательное участие старинного знакомого Алексея Никитича Пешурова и его семейства. Этот человек оказывает покровительство молодому художнику, который принят в его доме как родной. Там Петр встречает племянника своего благодетеля – лицеиста А. М. Горчакова. Так с первых своих шагов Соколов попадает в сферу «пушкинского окружения». С другой стороны, в это же время он оказывается в обществе друзей и родственников будущих декабристов, исполняя должность учителя рисования в семье Левашовых, связанных семейными узами со многими из них.

Все, с кем приходилось встречаться Соколову, стараются помочь ему. Петр Федорович был человеком приятным, весёлым, легким в общении. Он располагал к себе людей не только хорошим характером, но и открывшимся

талантом портретиста-рисовальщика. Всем, особенно дамам, нравятся его портреты.

Дело в том, что, окончив Академию художеств по классу исторической живописи, Соколов не стал историческим живописцем. Он увлекся карандашным и акварельным портретом. Опыты его в этой области оказались успешными, что и определило его дальнейший путь как мастера акварельного портрета. В 1820-х годах репутация Петра Федоровича как блестящего портретиста закрепилась за ним прочно, заказы поступали непрерывно. В дальнейшем известность художника год от года росла.

Еще в Академии товарищами Соколова были братья Карл и Александр Брюлловы. Карл – крупнейший русский живописец, Александр – архитектор и акварелист. П. Ф. Соколов был женат на родной сестре братьев Брюлловых – Юлии Павловне. Женился он в зрелых годах, а девушке едва минуло 16 лет. Живая, кокетливая, она никогда с ним не скучала, любила светскую жизнь, а Петр Федорович влюбился в нее до обожания, вполне разделяя ее вкусы.

Соколову приходилось «любить светскую жизнь», потому что он зарабатывал заказами на портреты.

Первые годы после женитьбы молодая семья жила на 8-й линии Васильевского острова, около Среднего проспекта, вблизи от родных и от Академии художеств. В 1821 году родился старший сын Петр, в 1826-м – Павел, в 1829-м – Александр. Материальные заботы о растущей семье заставляют Петра Федоровича искать заказы в других городах. Круг его поклонников растет. Среди них появляются люди, довольно известные в Петербурге: поэты, художники, политические деятели, артисты, известные красавицы, заезжие знаменитости.

Среди акварельных портретов Соколова мы видим А. С. Пушкина и многих лиц из его окружения в различные годы жизни. Это друг поэта П. А. Вяземский, боевой генерал Н. Н. Раевский, А. А. Оленина, знаменитая фрейлина А. О. Смирнова. Здесь и портреты декабристов Никиты Муравьева и его жены Александры, поэта Д. В. Веневитинова, скульптора П. К. Клодта, секунданта на последней дуэли Лермонтова князя С. В. Трубецкого, знаменитой певицы и друга И. С. Тургенева Полины Виардо и многих других.

Ранние работы П. Ф. Соколова напоминают технику миниатюры на кости – многочисленные маленькие овальные женские портреты. На протяжении 20-х годов XIX века у художника складывается собственное отношение к человеку, свой взгляд на задачи акварельного портрета, свой творческий метод.

Портрет Ю. П. Соколовой.
Акварель П. Ф. Соколова, 1820 г.

Портрет П. П. Ланского.
Акварель П. Ф. Соколова, 1825-1828 гг.

Соколов впервые в русском камерном портрете порвал с условным художественным языком акварельной миниатюры – её декоративными цветовыми гаммами. Он ушёл от традиционного применения к акварели белил, лишаящих портрет прозрачности, и начал работать чистой, незамутненной краской, накладывая ее тонким слоем, сквозь который просвечивает белая бумага. Тем самым художник впервые применил основной технический прием, на котором зиждется вся система изобразительных средств акварельной живописи как самостоятельной художественной техники.

Написание портрета, как правило быстрое, имело определенные этапы. Первый – карандашом, второй – прокладка акварелью, третий – скрупулезная моделировка формы, добиваясь таким образом разнообразия в переходах от прозрачной к плотной акварели. Иногда он примешивал белила, лак, золото, но только для личных декоративных акцентов, не перегружая ими поверхность акварельных заливок.

Работа над заказами отнимала у П. Ф. Соколова много времени. Посетив того, кого он должен был изобразить на портрете, художник обычно делал рисунок лица и очерк фигуры, а завершал начатое в своей домашней мастерской, где дописывались одежда и аксессуары. Иногда художник прибегал к интересному способу, выявив который помогла реставрация портрета П. П. Ланского. Было обнаружено, что на подложке имеется выполненный тушью авторский подготовительный рисунок, точно совпадающий с акварельным. Рисунок подкладывался под тонкую бумагу. Это давало художнику возможность писать по верхнему листу прямо акварелью, без карандашного наброска. Такой прием придавал работам Соколова характерную воздушность и прозрачность, не замутненную присутствием серого карандашного штриха.

В более поздние годы творения П. Ф. Соколова становятся ярче и красочнее. Интересен карандашный заказной портрет Софьи Владимировны Строгановой. Семья Строгановых была близка многим художникам: её глава, А. Г. Строганов, был президентом Академии художеств; сын, Павел Александрович, по традиции рода, покровительствовал художникам. Софья Владимировна Строганова, его жена, дочь В. Б. Голицына и княгини Н. П. Голицыной («Пиковой дамы»). Соколов рисует Софью Владимировну в 1815 году, в очень тяжелое для неё время. Женщина в глубоком трауре: год назад, в 1814-м, в сражении под Кроаном был убит ее единственный сын Александр, 20 лет от роду. Художник насыщает рисунок черным тоном, показывая себя большим знатоком сложнейших тональных переходов – от мягко затенённого

темно-серого к черному в одежде, от темного к светлому воротнику и отделке чепца.

Муж С.В. Строгановой, Павел Александрович, вскоре после смерти сына заболел и ушёл в мир иной вслед за ним. Дочери не отходили от матери, стараясь ее утешить. Старшая, Наталья Павловна, названная в честь бабушки Н.П. Голицыной, вышла замуж за дальнего родственника, родила четырех сыновей, тем самым укрепила и сохранив фамилию графов Строгановых. К сожалению, Наталью Павловну не писали другие художники. Наиболее известны ее портреты, написанные П. Ф. Соколовым.

Строганова С. В.
П. Ф. Соколов, конец 1810-х гг.

Судьба второй дочери Софьи Владимировны – Аглаиды – сложилась несчастливио. После смерти отца она вышла замуж за князя Василия Сергеевича Голицына, флигель-адъютанта Александра I. Необычайно изыскан портрет Аглаиды Павловны. Соколов внес в сдержанную серо-голубую гамму акварели только две ярких ноты – красный платочек на шее и зеленый атлас шубки. В 1836 году умер муж Аглаиды Павловны. Замуж она больше не выходила, а посвятила свою жизнь благотворительности. В портрете П. Ф. Соколова она грустна и в ее взоре вопрос: «За что?».

О. П. Ферзен.
П. Ф. Соколов, 1829 г.

Самая младшая дочь Строгановых – Ольга. Ей прочили в мужа Андрея Вяземского, но она заупрямилась и вышла замуж в 21 год за блестящего, молодого, красивого кавалергарда графа Павла Ферзена. Раннее замужество, рождение детей подорвали и без того слабое здоровье Ольги. В 1835 году она уехала к сестре Елизавете в Рим, но Италия ей не помогла. Ольга не дожила и до 30 лет. Она выглядела очаровательной и молодой на многочисленных портретах П. Ф. Соколова. Ей нравились акварели именно этого художника. Известны два портрета Ольги – в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и в Третьяковской галерее.

В жизни Соколова большую роль продолжала играть Академия художеств, общение с ее профессорами, воспитанниками, попечителями и чле-

М. А. Кикина.
П. Ф. Соколов, 1817 г.

Портрет П. А. Вяземского.
Акварель П. Ф. Соколова.

нами их семей. Большая дружба связывала Петра Федоровича с семьей П. А. Кикина, одного из основателей Общества поощрения художников. С попечительством Кикина связана и будущая судьба братьев жены Соколова. Художник ввел их в этот дом, где не один раз уже бывал. Он создал ряд портретов хозяйки дома Марии Ардальоновны Кикиной. Наиболее интересен тот, который датирован 1817 годом. Милое, простодушное, чисто русское лицо, курносое, задорное, с небрежно заколотыми локонами, оно нарисовано с большой симпатией. Независимый характер, смелый, оригинальный склад ума, о которых говорили современники. Кикина не любила выезжать в большой свет, а предпочитала принимать писателей, художников и других людей искусства в своём доме как радушная, хлебосольная хозяйка.

Одной из интереснейших работ П. Ф. Соколова является портрет князя Петра Андреевича Вяземского (ГРМ), относящийся к самому началу 20-х годов XIX века. Поэт представляет собой одну из типичных фигур передового русского дворянского общества эпохи восстания декабристов. Его чуть-чуть прищуренные глаза смотрят умно и живо. Уголки губ слегка приподняты в усмешке, лишенной той язвительности, о которой пишет Пушкин и свидетельствуют современники. В глазах и усмешке ощущается затаенное чувство юмора.

Очень интересен по образу и по уровню художественного мастерства портрет фрейлины императрицы Е. П. Бакуниной (1828, Государственный литературный музей). В годы своей молодости она была предметом юношеского увлечения А. С. Пушкина. Ее имя встречается в лицейском дневнике поэта:

*В те дни – во мгле дубравных сводов
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов
Являться муза стала мне.*

Бакунина, слегка склонив голову, смотрит прямо на зрителя. Удивительны ее большие светлые глаза; взгляд передан художником с большим чувством.

Соколовым создан образ, близкий к одному из редких и замечательных в зрелой пушкинской поэзии – «чистому божеству», женщине, наделенной прекрасной, нежной душой.

В 30-е годы (по одной версии – в 1830-м, по другой – в 1836-м) Соколов пишет портрет А. С. Пушкина, изображающий поэта сидящим в кресле со скрещенными на груди руками; обращает на себя внимание особенная, искрящаяся живость его взгляда.

По поводу сходства этого портрета с оригиналом существовали разногласия уже среди современников. В портрете много расхождений с тем обликом поэта, который складывался в нашем представлении прежде всего по известным работам Кипренского и Тропинина.

Среди женских портретов пушкинской поры работы П. Ф. Соколова следует отметить акварели Н. В. Кочубей, М. Н. Волконской, А. Г. Муравьевой, А. П. Керн, А. Смирновой-Россет, Д. Ф. Фикельмон, Е. К. Воронцовой и др.

У людей, изучающих творчество Пушкина, бытует мнение, что наиболее близка к внешнему облику Татьяны Лариной Наталья Кочубей. Вероятно, эта версия возникла под воздействием портрета, созданного О. А. Кипренским в 1813 г., когда юный лицеист Пушкин увлекся Наташей Кочубей. Её портрет П. Ф. Соколов написал позднее, в 1821 году. «Портрет Н. В. Кочубей» (он хранится в ГТГ), но правильнее было бы назвать его портретом Н. В. Строгановой, так как еще в 1820 г. она вышла замуж за А. Г. Строганова. Мы видим на портрете Соколова молодую даму с очень живым взглядом, кокетливую и самоуверенную. Большую роль играет манера трактовки костюма, его многочисленных аксессуаров.

Интересен также портрет мужа Н. В. Кочубей – Александра Григорьевича Строганова. На акварели П. Ф. Соколова изображен офицер в форме царской свиты с аксельбантами и полковничьими эполетами с вензелями Александра I. Генерал-майором Строганов стал 6 октября 1831 года. Акварель, которая может быть датирована 1825-1831 гг., безупречна с точки

Портрет Е. П. Бакуниной.
П. Ф. Соколов, 1828 г.

Портрет А. С. Пушкина.
П. Ф. Соколов, 1830-е годы.

Портрет графа А. Г. Строганова
П. Ф. Соколов.

Наталья Кочубей (Строганова).
П. Ф. Соколов.

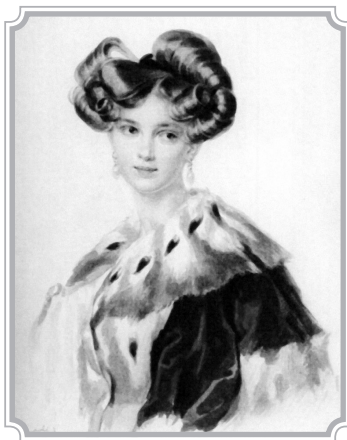
зрения художественной, великолепна она и по характеристике. Даже по одному этому портрету можно сказать, что А. Г. Строганов был преуспевающим карьеристом, богатым, холемым баринном, лощеным голубоглазым красавцем. А ещё ловким танцором, покорителем женских сердец. Такие люди, как правило, женились на девушках не просто из знатных семей, но и обязательно богатых.

В сентябре 1820 года Александр Строганов женился на Наталье Кочубей. Возможно, не последнюю роль в этом сватовстве сыграли высокие государственные посты, занимаемые тестем Виктором Павловичем Кочубеем. А. Г. Строганов был не из тех людей, кто мог осчастливить первую любовь Пушкина. Он был генерал-губернатором черниговским, полтавским и харьковским. Люди, хорошо знавшие Строганова, единодушно называли его человеком недалеким и бесталанным. Несмотря на это, он продолжал занимать государственные посты, проявляя себя на каждом из них ярким крепостником. На закате своей жизни он носил звание «первого военного гражданина города Одессы». Портрет графа после революции оказался в Риме, а в начале 1930-х годов был продан в Париже. Лист из альбома с портретом Строганова приобрел известный парижский собиратель-коллекционер А. А. Попов.

Интересный факт из жизни А. Г. Строганова как губернатора Харькова. Граф вошел в историю как изобретатель одного из самых популярных блюд русской кухни – бефстроганов. Он держал так называемый «открытый стол», на который мог зайти любой образованный и прилично одетый человек (дресс-код уже существовал, и роль охранников и сортировщиков выполнял один швейцар). Блюдо было изобретено именно для таких открытых столов. Один из строгановских поваров удачно объединил технологию французской кухни с секретами русской кухни. Из всех, кто начальствовал в Харькове, Александру Григорьевичу Строганову принадлежит рекорд долголетия – он прожил 95 лет.

Но вернемся к Петру Федоровичу Соколову. Многие его акварели дошли до нас в единственном экземпляре, хотя хорошо известно, что художнику часто заказывали несколько повторений одного и того же портрета для подарка друзьям и родственникам. Однако он не имитировал себя, в каждом из его «повторений» заключена своя индивидуальность.

Таковыми были три портрета Идалии Полетики. Неутомимый искусствовед Илья Самойлович Зильберштейн получил в дар от А. А. Попова, жившего в Париже, и привез в Россию из Франции прелестный портрет этой дамы, очаровательного, но злейшего врага А. С. Пушкина. Внебрачная дочь графа Г. А. Строганова и португальской графини d'Ega, Идалия, по воспоминаниям современников, была известна в обществе как очень умная особа, но с весьма злым языком. По другим отзывам, она олицетворяла тип отчаянной женщины блестящего ума с веселым и живым характером. Она была одной из красивейших женщин Петербурга.

И. Г. Полетика.
П. Ф. Соколов, 1820-х гг.

П. Ф. Соколов изобразил И. Полетику в молодые годы. Идалия позировала художнику в горностае: драгоценный мех должен был подчеркнуть, что на портрете изображена дама из высшего общества, хотя все знали, что она незаконнорожденная и не могла носить фамилию отца. Самолюбие Идалии всю жизнь оставалось ущемленным. Пережив Пушкина на 54 года, она не написала ни строчки воспоминаний о нем. Последние годы жизни И. Полетика жила в Одессе, где ее брат, по отцу А. С. Строганов, служил генерал-губернатором. Даже в глубокой старости она не стыдилась проклинать великого поэта.

После революции альбом с акварелями П. Ф. Соколова оказался в Риме, а в начале 1930 г. был отправлен в Париж. Портрет Идалии Полетики приобрел известный коллекционер А. А. Попов. После его смерти вдова отправила портрет на родину. Сейчас он находится в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве.

В отделе дореволюционного рисунка Русского музея в Санкт-Петербурге находится Петербургский альбом, принадлежавший царской семье. В этом альбоме есть портрет Анны Алексеевны Орловой-Чесменской работы П. Ф. Соколова. На портрете изображена дочь Алексея Орлова, фаворита Екатерины II. Того самого Орлова, который по велению императрицы заманил на корабль и вывез в Россию княжну Тараканову (предполагаемую дочь Елизаветы Петровны и А. Г. Разумовского). Есть основания говорить о страшном

А. А. Орлова-Чесменская.
П. Ф. Соколов.

А. О. Смирнова-Россет.
П. Ф. Соколов 1831 г.

проклятии, которое княжна обрушила на весь род Орловых. Мсть узницы не заставила себя долго ждать. Вскоре Александр Орлов женился по любви. В браке он был счастлив несколько лет. Но в 24 года его жена умерла. Ровно столько же прожила и княжна Тараканова. При весьма мрачных загадочных обстоятельствах скончался родной брат Алексея – Григорий Орлов. После поимки княжны карьера Орлова стала клониться к закату. В ноябре 1775 года у Таракановой родился мальчик, которого отдали Орлову (ребенок умер в раннем возрасте). В том же 1775 году в декабре не стало и «Самозванки».

Следующей жертвой проклятия княжны стала единственная дочь А. Орлова – графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская. От своего духовника она узнала правду о прегрешениях отца и приложила все усилия для замаливания его грехов. В Юрьев монастырь, построенный на ее средства архитектором Карлом Росси, она перенесла из подмосковной усадьбы прах своего отца, матери и дяди Григория Орлова. Мсть княжны Таракановой тяготела над дочерью Алексея Орлова и закончилась ее кончиной. Существует известная истина, что содеянное зло всегда возвращается не только к самому человеку, но и к его потомкам.

Акварельный портрет А.О. Смирновой-Россет был написан Соколовым в 1831 году. Он интересен не только тем, что именно в этом году фрейлина А.О. Россет официально считалась невестой Н.М. Смирнова, но именно тем, что это год расцвета ее дружеских отношений с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским,

П.А. Вяземским и другими выдающимися людьми. Обаятельная и остроумная Александра Осиповна Россет страстно увлекалась поэзией, искусством, философией и слыла одной из самых интересных и образованных женщин петербургского общества. Она дружила со многими литераторами и деятелями искусства, поистине обладая талантом дружбы. Известны три портрета А. О. Россет. И особенно ярко её характер отображён в акварели П. Ф. Соколо-

ва, который хранится в Русском музее.

Одно из лучших по исполнению и психологической характеристике произведений Петра Фёдоровича Соколова – портрет внучки М.И. Кутузова, жены австрийского посланника в Петербурге – Дарьи Фёдоровны Фикельмон (1837). Перед нами грустная, с печальными глазами женщина, которая выглядит старше своих 33-х лет. И в то же время перед нами светская дама, сдержанная и умеющая владеть собой. Она изображена в домашнем наряде, как бы наедине со своими мыслями и чувствами. Видимо, портрет выполнен незадолго до ее отъезда из Петербурга и написан очень тщательно. Он красив по цвету, с контрастами теплых, мягких палевых тонов платья, ярко-изумрудной шали и лент чепца. Очень красиво выписаны и кружева, и обрамляющие темные волосы, и драгоценные серьги. Но блеск мастерства, с которым написаны аксессуары, не может отвлечь от значительности прекрасного лица, глубокого взгляда, смотрящих в душу глаз. Недаром Долли Фикельмон умела необычайно тонко разбираться в человеческих отношениях и предсказывать будущее их развития, за что ее в молодости называли «флорентийской Сивиллой».

В 1980 году Музею А.С. Пушкина в Москве потомком М.И. Голенищева-Кутузова князем Л. Клари-и-Альдрингеном, живущим в Италии, был подарен портрет дочери великого полководца М.И. Кутузова-Голенищева Елизаветы Михайловны Хитрово.

Автор акварельного портрета – П.Ф. Соколов. Елизавета Михайловна изображена в кресле, в просторном домашнем наряде, наедине с собой, погружённая в свои невесёлые мысли. Георгиевский крест фельдмаршала, с которым она пожелала позировать, как бы подчёркивает, кого она не перестаёт оплакивать. Елизавета Михайловна на этом портрете выглядит моложе своих лет. Перед нами грустная, женственная, но несчастная женщина, ушедшая в свои воспоминания. Салоны Хитрово и её дочери Д.Ф. Фикельмон были средоточием самого образованного и мыслящего русского и европейского

Портрет Д. Ф. Фикельмон.
П. Ф. Соколов.

Портрет Е. М. Хитрово.
П. Ф. Соколов.

Графиня Е. К. Воронцова.
П. Ф. Соколов, около 1823 г.

А. П. Керн.
П. Ф. Соколов.

общества. Портрет Елизаветы Михайловны написан в 1839 году, за год до её смерти.

На акварельном портрете Елизаветы Ксавьерьевны Воронцовой, жены графа М. С. Воронцова, написанном П. Ф. Соколовым в 1823 году, художником тонко подмечено её угнетённое душевное состояние. Три года замужества отмечены потерей двух детей, от которой оправиться было нелегко. Молодая графиня одета по последней моде, о чём можно судить по пышному чепцу из кружев и лент – «мельничные крылья» – тогдашняя новинка, стоившая бешеных денег. Но ни затейливая причёска, ни драгоценности не могут отвлечь внимания от её печальных глаз и плотно сжатых губ. И нет другого портрета Елизаветы Ксавьерьевны, где она была бы так грустна. Эта акварель – настоящий шедевр П. Ф. Соколова.

Анна Петровна Керн. Мы привыкли видеть её портрет неизвестного художника с гладко причёсанными волосами с прямым пробором. Есть ещё один портрет кисти художника А. Багаева, где она изображена в чепце (1840). Но ни один из этих портретов не отображает красоту Анны Петровны, как на акварели П. Ф. Соколова, красоту, которую воспел А. С. Пушкин:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

Жизнь распорядилась так, что связи Пушкина с семьей Раевских были очень многообразными и неоднозначными как в творчестве, так и в жизни. Не обошёл вниманием это семейство и П. Ф. Соколов. Он написал портреты генерала Раевского Николая Николаевича, участника Отечественной войны 1812 года, его сына Николая Николаевича-младшего и самой младшей дочери, Марии Николаевны. Портрет юной Марии Соколов написал в 1821 году.

Художнику принадлежит и портрет Марии Волконской (Раевской) с маленьким сыном (1826). Белое покрывало придает ей сходство с Мадонной Рафаэля. Художник сумел показать страдание матери перед разлукой с

сыном. Руки Волконской касаются дорогого существа, но взгляд отрешен и говорит о глубокой печали. Она поедет в Сибирь к мужу и повезет туда этот портрет. Сколько раз ей придется с отчаянием смотреть на него, узнав вскоре о смерти своего ребенка.

Подвиг жен и невест декабристов оказал на всю общественную жизнь того времени глубокое нравственное влияние. Не остался в стороне от этих событий и Петр Фёдорович, создав портреты двух жен декабристов – А. Г. Муравьевой и М. Н. Волконской.

В портрете А. Г. Муравьевой, который она специально заказала для отправки мужу в Петропавловскую крепость, Соколов сумел в самой высокой степени передать свое постоянное стремление к гармонии внешнего и духовного в человеке. По словам декабриста Розена, у Муравьевой «красота внешняя равнялась красоте душевной». С особым вдохновением писал Соколов этот портрет, и уже на 9-й день заключения его держал в руках Никита Муравьев.

Начиналась эпоха декабризма, «людей чести и личного достоинства», как называл их Герцен. И Соколов, чувствующий это время, старался передать благородство, высоту «дум и стремлений» своих современников, недавно победивших тирана Наполеона и ненавидевших рабство во всех его проявлениях.

Таков Никита Михайлович Муравьев – представитель замечательного дворянского рода, участник Отечественной войны 1812 года, один из основателей Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Он был автором знаменитого проекта Конституции будущего Российского государства, ученым-историком, экономистом, социологом, юристом. Как и все руководители движения, он был приговорен к смертной казни, замененной двадцатилетней каторгой, и умер в Сибири в слободе Уриковской Иркутской губернии в 1843 году. На портрете П. Ф. Соколов изобразил Н. М. Муравьева молодым офицером Генерального штаба.

М. Н. Волконская с сыном Николаем.
П. Ф. Соколов, 1826 г.

А. Г. Муравьева
П. Ф. Соколов, 1826 г.

Есть во Всероссийском музее А. С. Пушкина зал, посвященный декабристам. Среди портретов здесь особенно выделяется портрет М. Ф. Орлова, генерал-майора, участника войны 1805-1812 гг. Именно этому человеку были вручены ключи от Парижа после поражения Наполеона. Обладая государственным умом, он знал истинную цену необходимости для России демократических перемен, оттого и входил в Южное общество декабристов. 14 декабря 1825 года он был арестован. Благодаря заступничеству брата А. Ф. Орлова, личного друга Николая I, его простили и сослали в деревню. Позднее генералу разрешили вернуться в Москву, но без права государственной службы. Михаил Орлов, в расцвете сил, оказался поставленным вне жизни, выпал из времени, уподобился часам без стрелок. П. Ф. Соколов изобразил его в сером домашнем пиджаке, черном жилете, который украшает только Георгиевский крест, память о войне 1812 года, а сам он бессильно сидит в большом кресле. Художник с любовью и уважением пишет его открытое, умное и волевое лицо, но от автора не могут укрыться надломленность, полная безнадежность во взгляде. Портрет создан незадолго до смерти М. Ф. Орлова на рубеже 1830 и 1840 годов.

В 1839 году художник удостоен звания академика портретной живописи. Высокая оценка его творчества была единодушной, популярность как акварелиста не имела себе равных как в России, так и в Европе. Соколов имел широкий круг знакомых для получения заказов. Когда дети были маленькими, семья жила на Черной речке вблизи Строгановской дачи. Позже чаще всего бывали в Павловске, чему способствовали и музыкальные пристрастия художника, в частности домашние вечера камерной музыки, в которых принимали участие Л. В. Маурер, Ф. Бем, А. Ф. Львов и граф Матвей Юрьевич Виельгорский со своей неизменной виолончелью.

Портрет Алексея Федоровича Львова, племянника архитектора Николая Александровича Львова, написан Соколовым в 1836 г. Этот человек сочетал военную карьеру с музыкальной, являлся автором музыки к Государственному гимну России на слова В. А. Жуковского, композитором, скрипачом и руководителем петербургской капеллы. Его ордена и медали отходят на задний план перед живым, простым русским лицом и перед изображением скрипки.

В 1840 году П. Ф. Соколов пишет женский портрет. Девушка, изображённая на нём, одна из трёх дочерей Михаила Юрьевича Виельгорского. Старшая, Аполлина Михайловна, – замужем за братом поэта Веневитинова, средняя, Софья Михайловна, – жена писателя В. Сологуба, а младшая, Анна Михайловна, в отличие от сестёр, оставалась не замужем, и была единственной женщиной, в которую, по словам Сологуба, был влюблен Гоголь. В Государственному Русском музее есть портрет Анны Михайловны кисти неизвестного художника. Только на нём нос у девушки подлиннее. За этот длинный нос, как у отца, Анну Михайловну в семье называли Нази. Но Соколов скрыл недостаток своей модели.

В 1837 году вместе с сыном-первенцем Петром едет в Москву для встречи со своим знаменитым родственником Карлом Брюлловым. Петр Федорович изображает любимого 16-летнего сына на фоне окна с видом на Новодевичий монастырь. Здесь впервые на портрете Соколова появляется пейзаж.

Все чаще художник создаёт свои работы в интерьере, старательно выписывая все детали обстановки. Нередко мечтательное состояние, мир интимных чувств он передает, рисуя свою модель на фоне старинного парка. Типичным примером может служить портрет И. И. Клодт (1845, Третьяковская галерея), жены известного скульптора-анималиста П. К. Клодта. На портрете изображена сидящая в богатом кресле возле тяжелой драпировки молодая женщина, не отличающаяся особой красотой, но очень милая, грациозная, жизнерадостная. Она жила до замужества в семье знаменитого художника И. П. Мартоса, который приходился ей дядей, и воспитывалась с его дочерью. Иулиания Ивановна Клодт (урожденная Спиридонова) была общей любимицей, «заводной» во всех проказах. Вот и на портрете она чуть неловко сидит в кресле, не откидываясь на спинку, этакое молодое, подвижное, жизнерадостное создание, еще не освоившееся со своей ролью взрослой женщины.

Среди соколовских портретов 1840 годов есть один, который приближается к общему идеалу женского образа, воспетому поэтами. Как часто в их стихах появляется слово «Мадонна», говорящее о поклонении, благоговении перед красотой, нежной душой и нравственным совершенством. Именно такой образ имел в виду Соколов, когда писал портрет молодой девушки в красном платье (Русский музей). Она значится как «Неизвестная в красном», но образ до такой степени типичен, даже можно сказать литературен, что кажется портретом конкретной личности. Ближе всего она к образу княжны Веры из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, которой являлась Варвара Лопухина – самое сильное чувство так рано погибшего поэта.

Худенькая, с нежным цветом лица и русыми косами, она соединяет в себе наивность и чистоту. Красный цвет напоминает венецианских мастеров, а серая дымчатая вуаль необычайно мягко гармонирует с ним. Стремление к особенной одухотворенности образа приводит к одному из самых красивых колористических решений в живописи Соколова. В этом портрете он достигает полной гармонии формы и содержания в раскрытии образа.

Пётр Фёдорович был очень тонким мастером и детских портретов. В них с особенной яркостью сказалась та теплота, с которой художник относился к людям. Все его маленькие модели не столько миловидны, сколько необычайно симпатичны той серьезностью, простотой и ясностью взгляда, которые позволяют угадывать в детях задатки хороших духовных качеств. Прекрасен групповой «Детский портрет» из собрания Русского музея. Автор улавливает внутренние различия между тремя детьми: простоту и естественность мальчика, легкий оттенок жеманности в старшей девочке, уже чувствующей себя взрослой в декольтированном платье и нарядном ожерелье, и застенчивость

младшей, смущенно отводящей взгляд от зрителя.

Необычайно трогательный образ создан художником в портрете Пети Апраксина, правнука пушкинской «Пиковой дамы» Натальи Петровны Голицыной. Опухлость румяных щек и маленькие ручки несколько противоречат серьезному даже строгому взгляду больших голубых глаз – в нем как бы предчувствие скорого ухода: мальчик умер в возрасте семи лет от холеры.

В 1842 году плохое здоровье жены и собственная крайняя усталость заставили чету Соколовых отправиться в путешествие по Западной Европе с намерением обосноваться на некоторое время в Париже. Оттуда они собирались вернуться не в Петербург, а в Москву. Свой дом в Грязной улице художник продал, а старших сыновей, учившихся в Академии художеств, поместил в гимназию пансионеров.

В Париже Петра Федоровича встречали с необычайным радушием, отдавая должное его таланту. Это были годы расцвета французского портретного искусства. В 1841 году в Париж из Италии возвращается Жан Огюст Доминик Энгр. П. Ф. Соколов видел, как ценили парижане своего выдающегося художника, возвращение которого превратилось в сплошной триумф. На родине, в России, всё было по-другому.

Но Соколов знал цену собственному мастерству. Художника не прельщала европейская слава. Он отказался от лестного предложения английского посланника переехать в Лондон.

В 1843 году П. Ф. Соколов возвращается в Россию, вначале в Петербург. Его заветная мечта – переехать на постоянное жительство в Москву, осуществилась только через три года. Здесь Петр Федорович сблизился с основателем Московского училища живописи, ваяния и зодчества Е. И. Маковским, бывал у него и бывший соученик по академии скульптор Н. А. Рамазанов, который в это время делал барельефы для храма Христа Спасителя (архитектор К. А. Тон). Более всего Соколов подружился с художниками, музыкантами, актерами. Среди них особенно интересным было знакомство с М. С. Щепкиным.

Работал Соколов всегда быстро, изумляя современников необычайной законченностью своих работ. Иногда портрет писался в один сеанс, почти в одно утро, в основном на бристольской, иногда на ватманской бумаге.

Небольшие акварельные произведения как бы впитывали эмоции и чувства своих владельцев: если иконы называют намоленными, то портреты можно назвать налюбованными. Их берегли, украшали ими стены комнат, возили с собой в путешествия, чтобы в любой момент увидеть черты родного лица. Портретам придавалось даже некое символическое значение. Парные свадебные портреты считались залогом хорошей семейной жизни, заказчики стремились, чтобы Петр Федорович «благословил» будущий союз своим талантом.

П. Ф. Соколов с большой симпатией и вниманием относился к людям, он каждый раз искал в своих моделях положительные качества: духовное благо-

родство, дружелюбие, серьёзность, простоту и естественность. Художник предстаёт перед нами как замечательный мастер и признанный родоначальник камерного акварельного портрета. Портретная акварель Соколова – блестящий пример того, какой содержательности образа можно достичь в этой технике.

Славу лучшего портретиста-акварелиста своего времени П. Ф. Соколов разделяет только с К. П. Брюлловым, уступая ему в последовательности разработки метода писания чистой акварелью. Остальные же мастера акварельного портрета уступали перед Соколовым, в т. ч. сильнееший из них – А. П. Брюллов, брат К. П. Брюллова.

Прекрасным творчеством Петра Федоровича Соколова можно насладиться и сегодня, посетив музеи России – Государственную Третьяковскую галерею, Государственный Русский музей, Государственный исторический музей, музей В. А. Тропинина и московских художников его времени, Всероссийский музей А. С. Пушкина, музей А. С. Пушкина в Москве и многие другие – художественные, литературные, театральные и краеведческие.

Творчество Соколова повлияло на многих художников, как профессиональных, так и любителей, пока этот жанр не вытеснила широко распространившаяся фотография.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ракова М. М. Петр Федорович Соколов (1791-1848). – М.: «Искусство», 1952.
2. Чижова И. Б. Родоначальник акварельного портрета. К 200-летию со дня рождения П. Ф. Соколова. – Москва: «Юный художник» № 11, 1987.
3. Петрова Е. Акварельные шедевры Петра Соколова. – М.: «Юный художник» № 8, 2004.
4. Чижова И. Б. Блистательный Петербург в портретах П. Ф. Соколова. – М.: ЭКСМО, 2005.
5. Московская изобразительная Пушкиниана. Государственный музей А. С. Пушкина. – М.: «Изобразительное искусство», 1986.
6. Русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX века из музеев РСФСР. – М.: «Изобразительное искусство», 1987.
7. Зильберштейн И. С. Парижские находки. – М.: «Огонек» № 47, 1966.
8. Черейский Л. А. Современники Пушкина. Документальные очерки. – Л.: «Детская литература», 1981.
9. Лукомский Г. К. Старинные усадьбы Харьковской губернии. – Х.: «Райдер», 2001.
10. Губський П. В. Сторінки історії. Старий Мерчик. – Х.: «Кліо», 1996.
11. Лисенко І. М. Валківська енциклопедія. – Київ: «Рада», 2007.

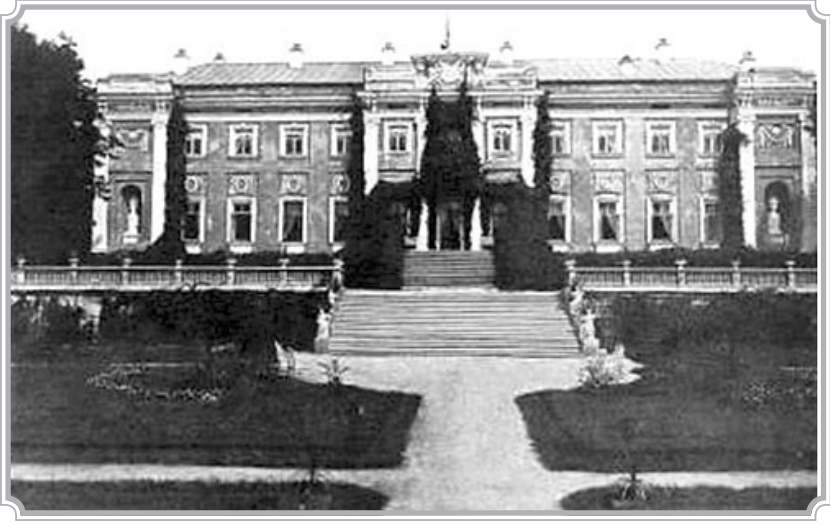
П. Ф. Соколов и Слобожанщина

Старый Мерчик – большое село на берегу реки Мерчик. Известным оно стало благодаря усадьбе екатерининского времени, принадлежавшей одним из богатейших помещиков Харьковской губернии Шидловским. В 1777-1778 годах здесь был построен дворец Г.Р. Шидловским. Авторами этого прекрасного сооружения называют Ринальди, В.В. Растрелли, А.А. Палицына. Однако дворец в Старом Мерчике не значится ни в одном из списков архитектурных работ Растрелли. Архитектор, поэт и пропагандист классицизма А.А. Палицын был другом Г.Р. Шидловского. Но он проектировал церкви, беседки, часовни, перестраивал и достраивал. А.А. Палицын, как предполагают исследователи, занимался планировкой парка. Видимо, он и подтолкнул друга к приглашению зодчего, лучшего архитектора для постройки дворца.

Известно, что Григорий Романович Шидловский ездил в столичные города. В одну из своих поездок в Москву он добился от В.И. Баженова проекта дворца и придворцовых хозяйственных построек. Едва ли В.И. Баженов сам мог предпринять путешествие в Старый Мерчик. Скорее всего, прекрасный мерчанский дворец строился по чертежам В.И. Баженова, привезённым из Москвы Г.Р. Шидловским, но под руководством архитектора П.А. Ярославского, стажировавшегося в Москве у Баженова. Существует мнение известного и авторитетного искусствоведа И.Э. Грабаря, исследующего творческое наследие выдающегося русского архитектора, теоретика архитектуры В.И. Баженова. Исследователь уделил особое место дворцу Шидловских в Старом Мерчике и считал Баженова автором проекта дворца.

Интересно, что наш современник, главный архитектор института «Харьковпроект» Игорь Николаевич Лаврентьев в своей статье «Воспоминания о Старом Мерчике и его будущем» написал: «В Мерчике всё от Баженова, начиная от общего композиционного замысла до последних деталей убора. Это легко проследить, сравнивая архитектуру дворца в Старом Мерчике с другими известными постройками мастера.

Так: мягкие, закруглённые формы боковых фасадов прослеживаются в Царицынском Хлебном доме, в Кусковском Эрмитаже, в московских домах Бекетова на Тверской или Анненкова на Петровке; выделение осей пилястр или колонн ризалитов парными кронштейнами на фризе заметно на карнизах Михайловского замка и Дома Прозоровского на Полянке в Москве; очень красивый элемент – арочные ниши с декоративной скульптурой или вазами – украшают фасады Петербургского арсенала, Дома Н.В. Долгорукова в Москве и многих ещё баженовских примет, разбросанных в отдельности в различных его постройках» [2, с. 15, 16].

Усадьба расположена на берегу реки Мерчик, очень живописного оврага, использованного при разбивке парка для устройства прудов, а также лестниц и аллей. Памятником садово-паркового искусства государственного значения считается парк в Старом Мерчике. Его площадь – 69 гектаров, основан в первой половине XVIII века, а современники называли дворец и парк «шедевром классицизма» [3, с. 72]. Планированием парка занимался архитектор, поэт, пропагандист классицизма, человек с большим вкусом А.А. Палицын.

Огромный двухэтажный дом на высоком цоколе. На заднем дворе – конюшни и сарай. В саду – каменный манеж, беседка, бассейн и ротонда в виде круглого храма в два этажа со сводами; наверху играла музыка, а внизу, в прохладе, отдыхали приезжие гости.

Хозяин усадьбы, Григорий Романович Шидловский, был самым известным помещиком, губернским предводителем дворянства, а потом вице-губернатором. Будучи человеком широкой натуры, давал в своём дворце балы, обеды, вечеринки, концерты. Он умер в 1820 году на 68-м году жизни. Невдалеке от дома находилось специальное семейное кладбище Шидловских, где были установлены красивые надгробные памятники. Единственный сын Григория Романовича – 34-х-летний Фёдор Григорьевич, по народным рассказам, утопился в пруду. Наследников у него не было, таким образом, закончилась эпоха Шидловских в Старом Мерчике.

После Шидловских в 1843 году хозяином усадьбы стал лейб-гвардии казачьего полка штабс-ротмистр Николай Васильевич Орлов-Денисов (1815 – 1855), женатый на Наталье Алексеевне Шидловской (1821 – 1883). Его отец, граф Василий Васильевич Орлов-Денисов (1775 – 1843), участник Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии, вышел в отставку в 1830

В. В. Орлов-Денисов.
П. Ф. Соколов.

М. А. Орлова-Денисова
В. Л. Боровиковский.

году. Причина – ранняя смерть супруги (в 45 лет) Марии Алексеевны Орловой-Денисовой (урождённой Васильевой). Он навсегда оставил службу, чтобы иметь возможность посвятить больше времени воспитанию оставшихся без матери малолетних детей. С 1841 года он поселился в Харькове, имея несколько усадеб в Харьковской губернии, в т. ч. Старый Мерчик, который он подарил своему сыну. Будучи по натуре человеком добрым, граф Василий Васильевич много помогал бедным людям. Благодаря его денежному пожертвованию в Харькове был создан первый детский приют. Кроме всего, он много средств пожертвовал на построение и украшение церквей.

Умер Василий Васильевич Орлов-Денисов 24 января 1843 года на 68-м году жизни. Его похоронили с большими почестями на территории Покровского монастыря в Харькове, а в сентябре 1911 года его прах перенесли в усыпальницу Вознесенского собора Новочеркасска.

Недолго пришлось жить и сыну Василия Васильевича – графу Николаю Васильевичу Орлову-Денисову. Он покинул этот мир в 1847 году, как утверждает автор книги «Сторінки історії. Старий Мерчик» П. В. Губский [4, с. 339]. Похоронен он был на семейном кладбище Шидловских недалеко от памятника Григорию Романовичу Шидловскому.

Хозяйкой усадьбы стала вдова Николая Васильевича графиня Наталья Алексеевна Орлова-Денисова (1821–1883). Она была самой богатой землевладелицей в Валковском уезде. Как Шидловские, так и Орловы-Денисовы в Старом Мерчике проводили лето, а постоянно жили в Москве, оставляя усадьбу на управляющих.

В 1848 году графиня Наталья Алексеевна Орлова-Денисова пригласила в этот райский уголок П. Ф. Соколова – художника-акварелиста из Москвы. Дети часто посещали постаревших родителей в Москве. Старшие Соколовы уже окончили Академию, там учился только младший Александр. Приехав в очередной раз к родителям в начале 1848 года, сын Павел застал их в сборах. Они собирались провести лето в имении Н. А. Орловой-Денисовой в селе Старый Мерчик Харьковской губернии. Соколов был уже там два года назад. Художник полюбил эти места, и на этот раз решил пригласить сюда ученика,

которому прочил будущее пейзажиста, художника В. Ф. Аммона.

Графиня, по воспоминаниям современников, была очень красивой, высокой, безукоризненного сложения с прекрасными белоснежными плечами, золотистыми волосами, черными, как смоль, бровями и темно-синими, почти черными глазами. Вполне естественно, что П. Ф. Соколов не мог не написать портрет такой красавицы-хозяйки усадьбы. Вспомнилось написанное Г. К. Лукомским: «В гостиной хороши портреты Лужиной и кн. Голицыной кисти Боровиковского». Только портрет написан не В. Л. Боровиковским, а П. Ф. Соколовым, да и на момент написания его графиня Наталья Алексеевна была Орловой-Денисовой, а не Лужиной.

Приехав в Старый Мерчик, П. Ф. Соколов, привыкший постоянно работать, не сидел без дела. Ранее уже говорилось, что художник все чаще пишет портреты в интерьере, на фоне пейзажа, старинного парка. Вот и здесь моделями для его работ могли послужить гости из Харькова, знакомые Орловой-Денисовой из соседних усадеб, слуги, старомерчанские жители.

В 1848 году на Слобожанщине разразилась эпидемия холеры, которая унесла около 300 человек только в этих местах. Заразился этой болезнью и вскоре умер и Петр Федорович Соколов. Случилось это в августе 1848 года... Недалеко от дворца в живописной старинной церкви Всех Святых его и отпевали. Художника похоронили на территории усадьбы, на небольшом фамильном кладбище Шидловских.

Предположительно, альбом с эскизами и акварельными портретами могла увезти с собой в Москву Юлия Павловна Соколова – жена художника. После Октябрьской революции многие работы Петра Федоровича Соколова оказались за границей. Многие продавались с аукциона в Париже. До сих пор акварели П. Ф. Соколова остаются в частных коллекциях у нас и за рубежом.

Юлия Павловна Соколова (около 1804 – 1887) пережила своего мужа на 39 лет. Она бережно хранила память о супруге и всегда говорила о нём с глубокой любовью и гордостью.

Сыновья выдающегося мастера акварельного портрета стали известными художниками. Петр Петрович Соколов (1821 – 1899) известен как автор жанровых картин, портретов и иллюстраций к произведениям Н. В. Гоголя, с 1893 года он – академик.

Портретистом был Павел Петрович Соколов (1826 – 1905). Он автор меуаров, иллюстратор произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова. Академиком стал в 1864 году.

Пошёл по отцовской стезе и третий сын художника – русский портретист Александр Петрович Соколов (1829 – 1913). С 1896 года он – академик, хранитель музеев Императорской Академии художеств.

В 1856 году вместо губернатора Остен-Сакена Харьковским губернатором был назначен генерал-майор Лужин Иван Дмитриевич (1802 – 1868). До этого он занимал должность губернатора в Курске. Он происходил из дворян Московской губернии. В 1820 году вступил на военную службу в лейб-гвардии Конный полк, был награжден множеством орденов, медалей и знаков отличия. Имел ордена за добросовестную службу и воинскую доблесть.

И. Д. Лужин.
П. Ф. Соколов.

Иван Дмитриевич появлялся в Москве только во время отпусков. Во время отпуска в 1830 году он был на балу у князя Д. В. Голицына. Князь Вяземский поручил И. Д. Лужину, который должен был танцевать с Н. Н. Гончаровой, заговорить с ней и с её матерью о Пушкине, чтобы узнать, что они о нём думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Когда Лужин поехал в Петербург, то часто бывая у Карамзиных, передал Пушкину этот поклон. Таким образом, он как бы стал посредником в сватовстве поэта.

В 1831 году И. Д. Лужин женился на Екатерине Илларионовне Васильчиковой, дочери председателя Государственного совета Российской империи князя И. В. Васильчикова. Новое родство помогло Лужину сделать карьеру. Но в 1842 году жена умерла, оставив ему трёх сыновей – Дмитрия, Василия, Иллариона и дочь Веру.

С Натальей Алексеевной Орловой-Денисовой Иван Дмитриевич Лужин познакомился в Москве. Современники неоднократно отмечали его многолетнюю влюблённость в графиню и частые посещения её дома в Москве.

Ещё при жизни Николай Васильевич Орлов-Денисов в одном из домов открыл почтовую станцию в Мерчике, которой заведовал подпоручик Н. В. Волошин, и должен был платить аренду 800 рублей в год. Сначала он обещал заплатить, а потом просто исчез. Вдова Н. В. Орлова-Денисова, Наталья Алексеевна, подавала иски и заявления харьковским губернаторам, но безрезультатно. Дело перешло в суд и затянулось надолго. Наконец заявление по судебному делу почтовой станции графиня направила вновь назначенному губернатору И. Д. Лужину. Дело сдвинулось с места, и вскоре в далёкой русской глубинке нашли наследников подпоручика Волошина, с которых требовали все убытки в пользу Н. А. Орловой-Денисовой.

Помощь в судебном деле и многолетняя влюблённость Ивана Дмитриевича привели к тому, что в 1857 году графиня Наталья Алексеевна выходит замуж за И. Д. Лужина. К этому времени он был повышен в должности и произведен в генерал-лейтенанты. В Мерчике Наталья Алексеевна почиталась как «генерал-лейтенантша Лужина» [4, с. 337, 338].

В ноябре 1860 года И. Д. Лужин был уволен в отставку. Он возвратился в Москву, жил в престижном районе – на Тверском бульваре, состоял почётным опекуном Московского опекунского совета. Умер Иван Дмитриевич в апреле 1868 года, похоронен возле Спасской церкви в селе Григорово Дмитриевского уезда Московской губернии.

Портрет Ивана Дмитриевича Лужина был написан тоже Петром Фёдоровичем Соколовым в полный рост для военного министерства в 1840-е годы.

В данном случае мы имеем акварель, которая является эскизом к портрету.

Через четыре года после смерти второго мужа Наталья Алексеевна в 1872 году продала усадьбу в Старом Мерчике действительному коллежскому советнику инженеру Евгению Михайловичу Духовскому, который знал её как Лужину. Учитывая, что в Старом Мерчике она проводила только лето, а постоянно жила в своём доме в Москве, то надо полагать, туда она и возвратилась. Скончалась Наталья Алексеевна в 1883 году. К сожалению, её портрет кисти П. Ф. Соколова найти не удалось.

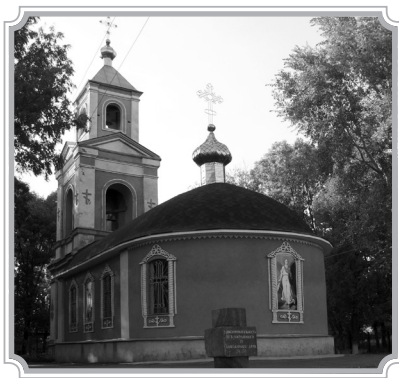
Прибыв в Старый Мерчик, Е. М. Духовской занимался чисто хозяйственными делами. Он организовал здесь экономию. Духовские здесь не зимовали. В холодный период переезжали в Ялту, где у них был свой дом, в Москву или Харьков. Частых гостей у Духовских не было, они не организовывали ни вечеров, ни балов. «Инженер, обладающий изрядной коммерческой хваткой, поставил в поместье хозяйство на капиталистические рельсы: здесь были конный и спиртовой заводы, паркетная фабрика, мельницы, молотилки, локомобили и даже трактор» [9].

После Октябрьской революции судьба Старого Мерчика резко изменилась. Экономия была национализирована. Последние владельцы Духовские эмигрировали в Германию. Евгений Михайлович Духовской умер в Дрездене в 1920 году.

Осенью 1920 года в Старомерченской усадьбе была открыта агрошкола. Её учащиеся давно навели «порядок» на территории господской усадьбы: уничтожили надгробные памятники старинного кладбища, раскапывали склепы и могилы известных людей. По комнатам общежития агрошколы, как сувениры, валялись человеческие черепа, оружие исторической ценности, украшения, драгоценности. Были уничтожены могилы Григория Шидловского, А. С. Шидловской, их сына Фёдора Шидловского, графа Н. В. Орлова-Денисова, дочери Веры и сестры Ольги Е. М. Духовского и многие другие [4, с. 463]. Это священное место было обращено в свалку мусора, выволакиваемого из дома и кухни. В состоянии полной заброшенности пришли чудесные монументы. Многих нет, лишь куча развалившихся камней на месте чудесных скульптур. Разбирая груды камней, можно найти куски изваяний с изображением Спасителя, а также факелы, вазы, головы и крылья херувимов [1, с. 66]. Вандалы жгли иконы, из дворца выносили кресты, картины, драгоценности, утварь. Потом всё награбленное продавалось в Харькове. Возможно, не избежала уничтожения и могила Петра Фёдоровича Соколова.

В 1962 году в бывшем дворце Шидловских-Духовских был открыт Старомерченский техникум ветеринарной медицины. Но в связи с переводом техникума в 1997 году в другие помещения дворцово-парковый ансамбль в пгт Старый Мерчик остался бесхозным.

С целью привлечь внимание властей и общественности к этой жемчужине XVIII века, прозванной «украинским Версалем», в местной печати появились статьи, организовались активисты движения «Спасём Старый Мерчик». Директор Харьковского частного музея городской усадьбы А. Ф. Парамонов организовал фотовыставку-реквием, рассказывающую о ситуации, в которой ока-

*Церковь Всех Святых, в которой
отпевали П. Ф. Соколова.*

зался этот уникальный архитектурный ансамбль. 25 июня 2005 года Областной благотворительный фонд «Культурна спадщина Слобожанщини» провёл акцию «Віродимо історичну садибу у Старому Мерчику». В акции взяли участие члены и волонтеры Фонда, члены Харьковского дворянского собрания, специалисты в отрасли истории и архитектуры, художники, дизайнеры, краеведы, члены Областного общества охраны памятников.

Акция благотворительного фонда Слобожанщины прошла успешно. Была расчищена центральная клумба, газон у северного фасада и спилено одно дерево у парадного крыльца [2,

с. 18]. Конечно, это немного по сравнению с тем, что нужно сделать для реставрации усадьбы. Нужны средства, нужен хозяин и чёткая программа. Дворцово-парковый ансамбль в пгт Старый Мерчик взят под охрану государства как национальный памятник архитектуры и садово-паркового искусства (охранные №№ 2896 – 2903). К великому сожалению, на сегодняшний день и дворец, и парк находятся в запустении. И хотя есть Постановление об их возрождении, но оно не выполняется из-за материальных трудностей.

Проходит год за годом, разрушается уникальный памятник архитектуры XVIII века, в парке разрастаются деревья и кусты. Всё зарастает бурьяном. И где-то здесь затерялась могила П. Ф. Соколова, которому в августе 2013 года исполняется 165 лет со дня смерти. Даже в книге Г. К. Лукомского «Старинные усадьбы Харьковской губернии» упоминания об этом нет. И теперь в Мерчике никто не знает, где был похоронен замечательный русский художник – блистательный мастер акварельного камерного портрета первой половины XIX века, не имевшего себе равных не только в России, но и в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукомский Г. К. Старинные усадьбы Харьковской губернии. – Х.: Райдер, 2001.
2. Лаврентьев И. Н. Воспоминания о Старом Мерчике и его будущем // Культурна спадщина слобожанщини. Культура, місце. Ч. 6. – Х.: Мачулин, 2007.
3. Саппа Н. Н. Харьковщина заповідна. Путеводитель. – Х.: «Прапор», 1987.
4. Губський П. В. Сторінки історії. Старий Мерчик. – Х.: «Кліо», 1996.
5. Лисенко І. М. Валківська енциклопедія. – К.: «Рада», 2007.
6. Московская изобразительная Пушкиниана. Государственный музей А. С. Пушкина. – М.: «Изобразительное искусство», 1986.
7. Парамонов А. Ф., Шевченко Н. Восьмого года может не быть // Слобода – Х., 8 апреля 2005.
8. Зинченко А. Как спасти Старый Мерчик // Слобода – Х., 3 июня 2005.
9. Можейко И. Ю. Дворец времён Екатерины // Харьковские известия. – Х., 27 июня 2007.

Портрет графини Н. А. Орловой-Денисовой.
П. Ф. Соколов. Конец 1830 гг.?
Музей В. А. Тропинина и московских
художников его времени.

P.S. В июне 2013 г. в адрес автора статьи пришло письмо из Музея В. А. Тропинина и московских художников его времени (г. Москва), в котором сообщается следующее:

Уважаемая Мария Семеновна!

В ответ на Ваше письмо от 18.02.2013 года Вх.№74 сообщаем следующее.

В фондах Музея В.А.Тропинина хранится графический портрет графини Н.А.Орловой-Денисовой работы П.Ф.Соколова. Конец 1830-х. Картон, акв., кар. 19,8х13,6; 28,7х20,7 (в паспорту).

На лицевой стороне внизу старинная надпись карандашом: «Граф. Нат. Алексеевна Орлова-Денисова». Портрет не окончен. Портрет приобретен Ф.Е.Вишневым (основателем Музея В.А.Тропинина) в 1950-х гг. Ранее в собрании С.Ф.Францески (Москва). Дар Ф.Е.Вишневого 1969 г.

Высылаем Вам по Вашей просьбе фотографию портрета.

Ваше письмо было нам интересно.

Желаем Вам успехов в Вашей исследовательской работе.

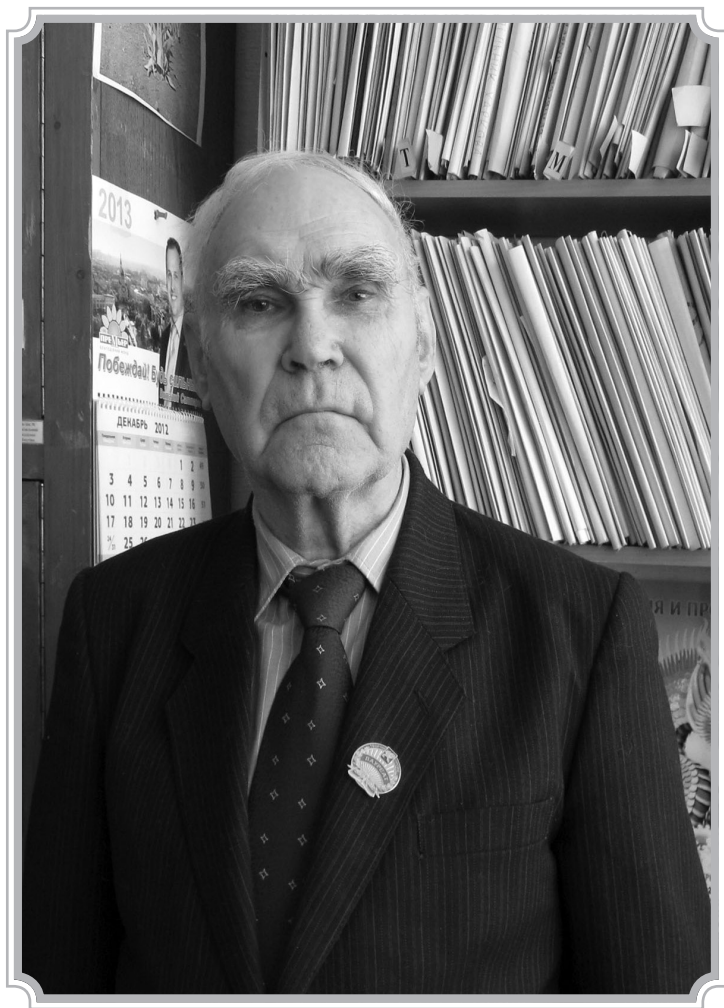
Главный хранитель

Н.П.Макарова

13.05.2013 г.

Автору статьи хотелось бы найти портрет графини Н.А. Орловой-Денисовой времен 1846-1848 гг., когда художник находился в Старом Мерчике. В этот период П. Ф. Соколов начал писать портреты в интерьере, на фоне парка. Вероятнее всего, такой портрет был, иначе искусствовед Г.К. Лукомский и граф Клейнмихель не написали бы: «В гостиной хороши портреты Лужиной и кн. Голицыной», кисти Боровиковского (несомненно копии). Известно, что В.Л. Боровиковский писал свои портреты используя фон: то ли это парк, то ли фон боевых действий, то ли еще каких-то интерьеров. Портреты Лужиной (Н.А. Орловой-Денисовой) и кн. Голицыной находились в гостиной дворца еще в 1914 г. Видимо, они исчезли после революции 1917 г., когда дворец был подвержен разорению. Где они теперь?

До 75-річчя

Божко Владислав Андреевич (1937)

*краевед, есениновед, почетный член Всеукраинского союза краеведов,
член клуба «Краевед» при ХГНБ им. В. Г. Короленко,
член Международного Есенинского общества «Радуница».*

Закончил среднюю школу № 93 в Харькове и Харьковский строительный техникум, 28 лет работал на Харьковском коксохимическом заводе.

Работает над темами: «Сергей Есенин в Харькове», «Велимир Хлебников в Харькове», «Иван Бунин в Харькове», «Художник Мария Синякова-Уречина», «Археологический памятник «Донецкое городище», «Художник Г.И. Семирадский». Выступал с докладами на Всесоюзных Есенинских чтениях и в клубе «Краевед» при ХГНБ им. В.Г. Короленко. Являясь членом Харьковского областного общества любителей книги, провел около ста лекций с показом экспонатов и выставок своей Есенинианы. Имеет более ста публикаций в различных периодических изданиях. Автор книги «Сергей Есенин в Харькове» (2008). Неоднократно выступал на Харьковском областном радио и телевидении. Организатор (вместе с Н.Г. Юсовым (председатель Есенинского общества «Радунца», г. Москва) 11-х Всесоюзных Есенинских чтений «Сергей Есенин и Украина», состоявшихся в Харькове 19-21 мая 1990 года.

Основатель (вместе с Л.И. Пятак и С.Т. Бредун) музея С.А. Есенина в средней специализированной общеобразовательной школе № 17. Музей был открыт 28 декабря 1998 года.

В настоящее время работает над второй книгой о Сергее Есенине.

В. А. Божко

ИВАН ЕФИМОВИЧ САРАТОВ...

Еще недавно он был среди нас. Поэтому о нем трудно писать в прошедшем времени. Наверное, нужно прожить какое-то время, чтобы увидеть всю грандиозность его фигуры. Не зря великий поэт сказал: «Большое видится на расстоянии».

Это был настоящий интеллигент: спокойный, несуетный, высокоэрудированный. Говорил негромко, но содержание его речей заставляло вслушиваться в них. Когда-то в «Литературной газете» я прочитал, что известного белорусского писателя Василя Быкова спросили, что такое интеллигентный человек, и он ответил: «Человек, который занимает мало места», то есть человек скромный. Именно таким скромным человеком, «занимающим мало места», и был Иван Ефимович. А как часто мы видим людей, ничего из себя не представляющих, но занимающих неоправданно много места. Они гремят, как пустая бочка и стремятся всегда быть в центре внимания.

Мне кажется, что мы его хорошо и не знали. Он не любил говорить о себе. Я знал, что по профессии он гидролог, но только на похоронах узнал, что он принимал активное участие в сооружении Журавлевского водохранилища. Удивительно, что мы не провели на Журавлевке выездное заседание краеведов с его участием. Удивительно, что мы не попросили его прочесть лекцию о харьковских реках, а на похоронах я узнал, что он писал книгу о них, но работа осталась незавершенной. Какова будет ее судьба, неизвестно, но хотелось бы, чтобы она была опубликована, пусть даже незавершенная. Ведь это память о нем.

Хочется, чтобы его архив попал в надежные руки, чтобы это был отдельный целостный фонд документов его имени, чтобы он был изучен. Может быть, следует раз в год проводить заседания краеведов, посвященные Ивану Ефимовичу.

Мы ничего не знали о его личной жизни, да он никого в нее и не допускал бы.

В начале нынешнего века у меня появились более-менее обширные публикации о Есенине, и я стал дарить их Ивану Ефимовичу. Они ему понравились, он о них хорошо отзывался. В 2003 году мне присвоили звание «Почетный краевед», думаю, не без участия Ивана Ефимовича, а может

быть и по его инициативе.

Году в 2005-м он мне рассказал, что мои публикации читает не только он, но и его жена, и их знакомые, и все эти люди и он сам считают, что мне пора написать книгу «Сергей Есенин в Харькове». Я не соглашался, говоря, зачем мне ее писать, если я никогда не смогу ее издать, так как не имею на это средств. На что Иван Ефимович ответил: «Вы сначала напишите книгу, а потом будем думать, как ее издать».

Я потратил два года и семь месяцев и книгу написал. Во многом это заслуга и Ивана Ефимовича. Ежемесячно, встречаясь со мной на краеведческих чтениях, он неизменно спрашивал: «Как ваши дела? Скоро ли мы прочтем вашу книгу?». Это подбодряло и подгоняло, заставляло больше работать.

Потом был мучительный период поисков издателя. Иван Ефимович помогал советами, успокаивал, ободрял. После долгих перипетий книгу издал краевед, журналист и издатель Л. И. Мачулин. Она вышла в июне 2008 года. В отделе «Украиника» ХГНБК состоялась презентация. Один из первых, кому я подарил книгу, был Иван Ефимович. Он поблагодарил, тепло поздравил с этим событием и сказал: «Ну, вот и свершилось». И тогда же посоветовал немедленно приступить к написанию второй книги о Есенине. И снова, встречая меня на краеведении, спрашивал, как идут дела.

Забегая наперед, скажу, что в 2010 году Иван Ефимович подарил мне свою книгу «Харьков, откуда имя твое?» (2009) со следующей дарственной надписью: «Дорогому Владиславу Андреевичу с благодарностью за книгу о Есенине. И. Саратов. 7.10.2010».

Моя вторая книга подвигается крайне медленно, она еще не готова, а Ивана Ефимовича уже нет с нами.

О первой моей книге он отзывался положительно. Более того, краеведы, возглавляемые Иваном Ефимовичем, представили мою книгу на соискание муниципальной премии им. Д. И. Багалая. К моей радости премия была присуждена. В декабре 2009 года мы с ним были приглашены в горисполком для ее получения. Я как автор, а Иван Ефимович как руководитель Харьковского областного клуба «Краевед» при ХГНБ им. Короленко.

Я никогда никаких премий не получал, чувствовал себя неловко, скованно и, надо сказать, Иван Ефимович меня опекал, не знаю как, может быть, как сына, хотя по возрасту я ему в сыновья не годился. Подсказывал, объяснял, предупреждал о чем-то. Хотел даже посадить рядом с собой, но так как места были именные, я не решился сесть рядом с ним и ушел на свое место.

Когда уже премии были вручены, начался фуршет, напряжение официоза спало, я пересел к Ивану Ефимовичу и мы с ним смаковали шампанское и говорили, говорили, говорили... Обмывали мое лауреатство. Помню, он советовал не стесняться носить лауреатский значок. «Вы его заслужили», –

говорил он. Сейчас уже все, о чем говорили, не припомню, но было с ним легко и интересно. Мы ощущали эту маленькую победу, как общую. Видимо, так оно и было.

Время идет, а я так и не могу привыкнуть к мысли, что его нет. Думаю, что и не надо привыкать. Надо жить так, как будто он жив, как будто он с нами. Как будто он придет на следующее заседание краеведов и спросит: «Ну, как дела? Скоро ли мы прочитаем вашу вторую книгу?». Значит нужно что-то делать, чтобы было что ответить.

У Ивана Ефимовича было слабое сердце и, чтобы поддержать его, он регулярно пил отвар цветов боярышника лесного (укр. – глід). Для этого он каждую весну ездил в Рай-Еленовку собирать эти цветы. Зная мое увлечение Есениным, он мне рассказал, что повстречал старика, утверждавшего, что поэт бывал в этих местах, и приглашал меня поехать с ним. Этот разговор произошел осенью. Я размышлял о поездке, пригласил и Г. Н. Бурденко, как друга и фотографа. Но весной мы постеснялись напомнить Ивану Ефимовичу об этом. Боялись быть навязчивыми. Я до сих пор жалею, что эта поездка не состоялась.

Хочу сказать несколько слов о его похоронах. Они были не по заслугам Ивана Ефимовича скромными. Его похоронили, как простого одинокого человека, не обремененного заслугами, прямо из морга. Был рабочий день, и людей пришло немного. Была группа краеведов, группа студентов и несколько коллег. Из родственников я заметил только его пасынка Бориса, сына жены от первого брака. Об Иване Ефимовиче он говорил очень тепло, уважительно и благодарно. Борис как бы руководил процессом похорон.

От краеведов с прощальным словом выступили Л. В. Раенко и Л. Р. Алкнис. Леонтина Робертовна знала Ивана Ефимовича еще со студенческой скамьи. Они были сверстниками, друзьями. Встречались, перезванивались. Ее воспоминания о Саратове были глубокими, интересными и мудрыми. Я надеюсь, Леонтина Робертовна их запишет для потомков, и мы тоже будем иметь возможность с ними ознакомиться.

Я считаю, в похоронах более активное участие должна была принять Академия городского хозяйства, в которой он работал. Можно было бы установить гроб с телом Ивана Ефимовича в актовом зале учебного заведения, чтобы большее число студентов и коллег могли с ним попрощаться. Следовало заказать большой автобус, чтобы большее число людей могло сопровождать его в последний путь. В обычный катафалк вмещается всего девять человек. Мне удалось в него сесть, но, отъехав каких-либо 20-30 метров, я был вынужден выйти, потому что навстречу машине бежали мужчина и женщина с букетами, опоздавшие на прощание. Это были представители областного управления культуры. Стоять мне в катафалке не разрешили.

До 75-річчя**Ефимова Каролина Максимовна**

общественный инспектор по охране культурного наследия.

В 1960 г. окончила полный курс Харьковского государственного библиотечного института, присвоена квалификация библиотекарь и библиограф высшей квалификации. До 1963 г. была на библиотечной работе. С 1964 г. до 1998 г. работала заведующей техническим архивом проектной организации НИИ «Укрсельпроект», позднее реорганизована в «Харьковагропроект». За долголетний безупречный труд награждена медалью «Ветеран труда». Вела активную общественную работу. С 1976 г. избрана председателем первичной организации книголюбов. Возглавляя 10 лет п/о ВОК, применяя разнообразные формы работы, активно участвует в районных и областных конференциях, делится обменом опыта работы с книгой. За активное участие во Всесоюзном смотре «Общественно-политическую книгу - в массы» первичная организация ВОК института награждена дипломом центральным правлением Всесоюзного добровольного общества любителей книги.

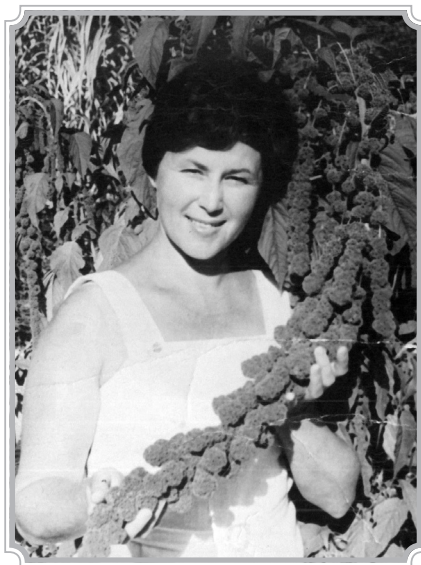
С 2002 г. – член «Клуба пушкинистов» ХГНБ им. В. Г. Короленко. Участвует в мероприятиях Дворянского Собрания г. Харькова. Является автором статьи, опубликованной в газете «Тайны века» № 13 за 2006 г. «Необыкновенные приключения итальянцев на Слобожанщине». О родословной члена Дворянского Собрания г. Харькова, потомка наследных итальянских графов Депармы Г. П. на базе материалов центральных архивов за период 18-20 вв. Статья вышла в интернете.

С 2006 г. Ефимова К. М. – общественный инспектор по охране культурного наследия Харьковской области. Провела полевые исследования нулевой аллеи Второго городского кладбища г. Харькова, ул. Пушкинская (май-октябрь 2006 г.). Составлен перечень – 673 могилы (отдельный и семейных) творческой, гуманитарной, технической интеллигенции, выдающихся деятелей г. Харькова конца 19- начала 20 ст. А также составлен полный перечень оставленных могил и памятников на территории бывшего Первого городского кладбища (сегодня Молодежный парк) и на территории вокруг Храма «Усекновения головы Иоанна Крестителя».

За весомый вклад в охрану культурного наследия Харьковской области награждена Почетной грамотой.

Участник Международных научных конференций «Слобожанские чтения», подготовила и ознакомила участников с такими докладами: «Воспоминания о работниках ХГНБ им. В. Г. Короленко 40-60 годов 20 ст.», «Николай Трублаини – украинский Гайдар, романтик Арктики, писатель, боец», «Дети войны о войне».

На заседании клубов знакомила со своими стихотворениями.

Юбилейные вечера

*Приходит март и Дни Шевченко,
Мелодия весны звучит!
В библиотеке Короленко
Романс играют скрипачи!*

*Как дороги воспоминанья,
И память каждый стих хранит!
Здесь Тютчева очарованье,
Здесь Гений Пушкина царит!*

*Как светит в этот миг над нами
Луч понимания и добра!
А юбиляры пред веками!
У каждого своя пора!*

*И редких книг неувяданье
Зовет отпраздновать кумир!
Гостей дворянское Собрание –
Душевный, благородный мир!*

*Как будто бал открыт сегодня!
Влюбленной, юной – чей портрет?
Ахматову читают Анну!
А 115 ей уж лет!*

*Ефимова Каролина.
Библиотека им. В. Г. Короленко.
г. Харьков.
27.09.2007 г.*

К. М. Ефимова
и предводитель
Харьковского
дворянского собрания
Ю. И. Палкин

Первый дворянский бал (28 января 2007 г.)
К 15 летию Харьковского Дворянского Собрания.

*Необычным был вечер январский!
Ярким светом театр освещен!
И Российской короною царской
Пригласительный был золочен!*

*В интерьере торжественно строго
Николая Второго портрет!
Не простые дворянства дороги
Юбилейных пятнадцати лет!*

*И взирал со стены в скромных рамках
Родословных блестящий парад
На потомков наследных без замков
Без дворянских Гербов и наград!*

*Поднимались в зал гордо и прямо,
Величавые, как никогда,
Настоящие светские дамы,
Настоящие господа!*

*Вот молебн, крестясь, отслужили
За всех павших, кто жизни отдал
И отечеству верно служили,
Своей чести не запятнав!*

*В высь бокалы шампанским вскипали!
Тот фуршет был без пафосных слов,
Но все тосты в тот час поднимали
Как один: «За дворянскую кровь!»*

*Будет помниться, как награждали
Всех потомков известных корней,
Будто в будущий век провожали,
Представляя подросший детей!*

*Операторы, пресса в волненье
Штурмом брали сверкающий зал!
Балетмейстер изящным движеньем
Полонезом открыл Первый бал!*

*И прекраснее нет бальных танцев!
Кто партнершу с поклоном менял
И о чем-то своим улыбался,
Будто бравым поручиком стал!*

*А она, хоть чуть-чуть ревновала,
Только рядом сдержат не смогла!
В пышном платье девчонка средь бала
За собой в ручеек увлекла!*

*Бал! Все также, где Анна и Вронский
Притяженье познали страстей!
Пригласил там Наташу Балконский,
Танцевать так хотелось ведь ей!*

*Где Онегин Татьяну увидел
И ее потерял навсегда!
И заплаканной брошенной Кити,
Той, что с бала бежала одна!*

*Вновь учились и внуки, и дети
Своих бабушек чтить этикет
На балу в двадцать первом столетье,
Вспоминая, кого уже нет!*

*И под звуки романсов и вальсов,
Словно сказка в ночи проплывал,
Звездной вспышкой на небе остался
Тот дворянский, единственный бал!*

*Ефимова Каролина.
г. Харьков*

Рябины

*Позовут меня снова рябины,
Догорая закатным огнем,
Что край леса стоят над заливом,
Озаряя наш временный дом!*

*Где ликует душа, напевая,
Средь богатой земной красоты!
Там, где ветер волну нагоняя,
Будоражит шальные мечты!*

*Чтобы жизнь радость встреч лишь дарила,
Грела сердце и осенью нам!
Чтоб несли нас желаний ветрила
Только к райским любви берегам!*

*Чтобы сердце тоской не сжималось,
Что проходят пустые года,
Не считать, сколько близких осталось,
И друзей не терять никогда!*

*Чтоб, когда нас не будет в помине,
Где не сбыться мечте наяву,
В поцелуе сливались рябины
И прощались рыдая в траву!*

*Ефимова Каролина.
Август, 2005 г.*

Уходящее лето

*Последние дни уходящего августа!
Спит тихая грусть средь богатой листвы,
Счастливое лето, останься пожалуйста,
И память о счастье, прощаясь, не рви!*

*А жизнь мимолетна, срывает цветенье,
Его никому не дано удержать!
Лишь ночи любви, этот вечер веселья
В случайном кафе будем мы вспоминать.*

*Как платья шифон твоих ног чуть касаясь,
Ты в танце меня поразишь новизной!
А наши глаза, вновь в любви объясняясь,
Желанье таят удержать летний зной!*

*Ефимова Каролина.
Август, 2011 г.*

К. М. ЕФИМОВА

Воспоминания о сотрудниках Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко 40-60 годов

Они были студентами Харьковского государственного библиотечного института 1935-1939 гг. и относятся к последнему выпуску института довоенного времени -1939 года. А через несколько лет началась Великая Отечественная война. Многие из них стали участниками войны, многие погибли или пропали без вести.

Один из крупнейших индустриальных и культурных центров страны г. Харьков после войны лежал в руинах. Предполагали, что для его восстановления необходимо 30-50 лет. И сегодня нельзя не вспомнить о тех, кто вернулся в г. Харьков после войны, чтобы принять участие в деле восстановления города. Среди них были и выпускники довоенного выпуска ХГБИ 1939 года **Тараманов Дмитрий**, его жена **Каролина Петровна Богдан**, моя мать **Островская (Мандрыкина) Вера Николаевна**, которые с высочайшим профессионализмом выполняли свой служебный долг и внесли частичку своего труда в дело культурного и интеллектуального развития города.

Дмитрий Дмитриевич Тараманов был на фронте в составе действующих частей Красной Армии. Ратный подвиг защитников Родины высоко был оценен орденами и медалями. Дмитрий Дмитриевич кроме других боевых наград был награжден Орденом Александра Невского. После боевого ранения перенес в госпитале несколько операций, пришлось стать на костыли. Он остался инвалидом отечественной войны. Получив назначение на работу в Библиотеку им. В. Г. Короленко он в 1946-1949 гг. работал заместителем директора по науке.

Вера Николаевна Островская (Мандрыкина), участник войны (политотдел Сталинградского военного округа 1942-1944 гг.), имея диплом с отличием, в 1949-1950 гг. работала ученым секретарем Харьковской Государственной Библиотеки им. В. Г. Короленко.

Это были тяжелые послевоенные годы, когда был выведен из строя водопровод, канализация, газоснабжение города, а также трамвайное и троллейбусное сообщение, не было жилья и библиотека им. В. Г. Короленко дала приют семье Тарамановых, они в те годы с маленькой дочкой жили на цокольном этаже библиотеки.

Впоследствии, когда ХГБИ стал самостоятельным высшим учебным заведением, они перешли на преподавательскую деятельность. Дмитрий Дмитриевич много лет впоследствии заведовал кафедрой библиографии

института, Каролина Петровна Богдан преподавала библиотековедение. Вера Николаевна Островская на кафедре факультета детских и юношеских библиотек работала старшим преподавателем библиографии.

В архиве библиотечного института (ныне Академия культуры) хранятся печатные работы научных статей, которые выпускались в 60-70 годы в институте, как в сборниках статей «Библиотековедение и библиография», так и отдельно. Руководитель кафедрой факультета была Велигодская Светлана Александровна.

Островская В.Н. работала над темой «Украинские революционеры-демократы и библиография детской литературы», изданы были такие библиографические работы, как: Т.Г. Шевченко, И.Я. Франко, Леся Украинка, М.М. Коцюбинский, П. Грабовский. В процессе работы были изучены материалы крупнейших библиотек г. Ленинграда (Санкт-Петербург), г. Киева, г. Львова, г. Ивано-Франковска. Библиографические работы имели педагогическое направление, рекомендательный характер, способствовали становлению и расширению круга детского чтения.

Они отдавали весь свой опыт, знания молодому поколению библиотекарей. Но к сожалению, уходит старшее поколение. В 1988 г. проводили в последний путь с тремя залпами воинского салюта орденоснца, инвалида ВОВ и Ветерана Труда Д.Д. Тараманова. Ничего не уходит в песок, все лучшее передается из поколения в поколение. И существует приемственность профессий. Более 25 лет успешно проработала в ХГНБ им. В.Г. Короленко дочь Дмитрия Дмитриевича и Каролины Петровны - Тараманова Лина Дмитриевна главным библиотекарем отдела комплектования, затем заведующей отдела научно-исследовательских работ. Я, дочь Веры Николаевны Островской, посвятила многолетнюю службу заведыванию ведомственным архивом.

Какими были специалисты старшего поколения, которые передавали любовь к книге, к добру, к культуре и знаниям? Об этом хорошо сказано в отзывах людей о работе В.Н. Островской, когда она, будучи ветераном труда, работала 13 лет библиотекарем в библиотеке базы отдыха «Салтов» завода им. Малышева.

Отзывы писали разные люди группами и отдельно, ветераны труда и участник ВОВ, инженеры и врачи, корреспонденты ТАСС, доктора технических наук, профессор ХИРЭ и доцент ХГУ, и многие другие.

Вот некоторые записи:

«Видимо очень надо любить людей, любить свою работу, чтобы так всего себя отдавать людям».

«Такой работы и такого отношения ждут люди от работников культурного фронта, чей вклад несомненно войдет в культурное наследие Слобожанщины».

К. М. ЕФИМОВА

**НИКОЛАЙ ТРУБЛАИНИ – УКРАИНСКИЙ ГАЙДАР,
РОМАНТИК АРКТИКИ, ПИСАТЕЛЬ, БОЕЦ**

Выдающийся украинский писатель Микола Трублаини (настоящее имя – *Николай Петрович Трублаевский*) родился 25 апреля 1907 года в селе Олыпанка Винницкой области. Отец служил на лесоразработках и воспитывали его мать – сельская учительница и бабушка. Закончил гимназию.

Заветная мечта юноши – стать журналистом. В 1925 г. Трублаини приезжает в г. Харьков на Всеукраинские курсы журналистики. Успешно закончив учебу, он поступает в республиканскую газету «Висти», работает спецкором.

В это время он много путешествует по стране. В 1928 г. как матрос осуществляет тропический рейс на ледоколе «Федор Литке» от Севастополя до Владивостока. Малоизученные и суровые северные широты становятся близкими Николаю Трублаини, зовут его к себе, вдохновляют на творчество, он с присущей ему энергией в 1930-1933 гг. едет в Сибирь и Дальний Восток, плывет на ледоколе «Сибиряков» до Земли Франса-Иосифа, берет участие в научной экспедиции с Архангельска в Белое море на ледоколе «Русанов».

В это же время Трублаини пишет книги для юных читателей. Более десяти книг написано о героических подвигах советских людей и победах над природой. Центральная тема его произведений – героическое освоение Арктики.

Лучшие произведения писателя адресованы детям и юношеству: приключенческие повести «Лахтах» (1935 г.), «Путешественники» (1938 г.), «Шхуна Колумб» (1940 г.), фантастический роман «Глубинный путь» (1940 г.). Трублаини ввел в украинскую детскую литературу новых, раньше почти неизвестных ей героев – штурманов, боцманов, кочегаров, юнг и других тружеников моря, покорителей далекого Севера. В его книгах читатели знакомятся с народами Чукотки, Якутии, Камчатки, Кавказа, Крыма. Лучшие произведения принесли ему славу детского писателя. Книги Трублаини переведены на иностранные языки.

Трублаини очень любил детей и дружил с ними. Друзья Н. Трублаини не раз отмечали его педагогический талант. С юношеским пылом он рабо-

тал в Харьковском дворце пионеров. Время это совпало с замечательными подвигами челюскинцев и их героических спасателей – полярных пилотов. Особенно увлекалась их подвигами молодежь. В 1934 г. Николай Петрович организовал при Дворце пионеров Клуб юных исследователей Арктики. Он был избран капитаном Клуба. Форменную одежду, значок он носил с другими членами клуба. Он установил связь со многими знакомыми полярниками. Дети встречались с О. Ю. Шмидтом, Е. Т. Кренкелем, И. Д. Папаниным, Е. К. Федоровым, М. В. Водопьяновыми другими исследователями Севера, и еще дети путешествовали.

Была незабываемой настоящая полярная экспедиция для детей (организованная Николаем Петровичем) по маршруту Москва-Ленинград и дальше за полярный круг, до Мурманска. Трублаини добился отдельного вагона и превратил его в «ледокол», оборудованный приборами, оборудованием. В путешествии приняли участие двадцать шесть лучших учеников, членов Клуба. Затем было новое путешествие с детьми на ледоколе «Сибиряков» вокруг Шпицбергена.

В 1936 г. Трублаини организовал другой пионерский клуб – Клуб юных исследователей подводных глубин. Все это было впервые в СССР.

С. Маршак сказал про Аркадия Гайдара: «Он был и автором и героем своих книг». Эти слова можно отнести и к Н. П. Трублаини. Он хотел воспитать юных исследователей Арктики, будущих полярников, авиаконструкторов, естествоиспытателей, гидрологов, штурманов, капитанов...

В канун Великой отечественной войны Трублаини назначили директором филиала издательства «Советский писатель» в г. Харькове, война оборвала мечты, труд, замыслы писателя-патриота. 20 сентября Трублаини выехал добровольцем на фронт военным корреспондентом газеты «Знамя Родины». Был первый и последний бой писателя. От взрыва бомбы Трублаини смертельно ранило. 5 октября на рассвете Н. П. Трублаини скончался в санитарном поезде. Он умер смертью воина, отдав свою жизнь за Родину. Похоронен около железнодорожной насыпи вместе с бойцами, умершими от ран ночью в поезде вблизи г. Ровеньки Ворошиловградской области. Уже после войны прах погибших было перенесено в центр города в братскую могилу.

Н. П. Трублаини было 34 года. Как мало он прожил! Год 1941 – дата выхода в свет его последней книги «Жизнь за родину». Как немного пришлось ему творчески поработать! Но как много сделал он! За 10 лет творческого труда – свыше тридцати книг. Как много он мог бы еще сделать, этот человек необычайной моральной чистоты, высокого мужества, чудесный друг и воспитатель нашей молодежи.

С целью увековечения памяти, средней школе № 4 г. Ровеньки присвоено имя Н. П. Трублаини. Со временем на школьном дворе был установлен

памятник-бюст Трублаини. В родном селе писателя на Винничине в апреле 1977 года также состоялось открытие памятника-бюста Н. Трублаини. Он сооружен против школы, а неподалеку, в доме, где родился писатель, была обновлена экспозиция литературного-мемориального музея. В 2003 году имя Н. Трублаини внесено в справочник Харьковской области – Книгу памяти Украины.

Моя память сохранила время, когда мы студенты ХГБИ, выпуска 1960 г., обучаясь на кафедре факультета детских и юношеских библиотек, участвовали в работе студенческого научного общества на тему «Трублаини и его работа с детьми». Мы встречались с интересными людьми, записывали беседы, воспоминания о Н.П. Трублаини. Мы встречались с известным литературоведом в Харькове Гельфанбейном Григорием Михайловичем, в статьях которого много фактов из литературной жизни Харькова 20-30 годов. Мы продолжали собирать воспоминания, будучи на практике в г. Киеве, беседовали с зав. кафедрой института гражданской авиации, бывшим участником Клуба юных исследователей Арктики. В своем кабинете с нами беседовал известный украинский писатель Ильченко Александр Елисеевич – прозаик, драматург, журналист. Другая группа студентов во Львове записала беседу с писателем Н.З. Бирюковым.

Всего было собрано 22 воспоминания о Н.П. Трублаини. В торжественной обстановке в бывшем здании театра Оперы и Балета на сборе научных обществ студентов г. Харькова нас наградили Городским дипломом третьей степени.

ЛІТЕРАТУРА

1. Друг юних читачів / Письменник Микола Трублаїні/ Голованов В.П., Гомон П.Л.
2. М.П. Трублаїні (Біографічна довідка) в кн. «Поруч з нами» 1968 р. с. 128.
3. Сиротюк М. Микола Трублаїні і юні читачи // Альманах. – №. 4 – 1953 р.
4. Орлова А. Співець романтики // Ленінська зміна. – 1965 р.

ДЕТИ ВОЙНЫ О ВОЙНЕ

Мое удостоверение «Ветеран труда» дополнено записью – статус «Дети войны». Горькая запись! Дети рождаются для радостной, счастливой жизни. Но детям войны пришлось испытать лишения, страдания, ужас и смертельную опасность. Миллионы людей погибли в Великой отечественной войне 1941-1945 гг. Я осталась жива!

Память оживляет не детские картины войны короткими, как взрывы, воспоминаниями. Разговоры мамы и бабушки. В семье хранятся документы, фотографии, письма с фронтов, награды близких, книги о войне.

Вот фотография: я сижу на пеленках в траве. Мне сказали: «Линочка, сделай папе «Будь готов!» и я подняла ручонку вверх, и остановилось мгновение, когда я видела отца в последний раз. Мой отец Жеронкин Максим Степанович, 1917 г.р., уроженец курской губернии, окончил в г. Харькове Институт журналистики перед самой войной и был призван в ряды Красной Армии в 1940 г. Дома хранятся его письма, которые приходили с Северной Буковины, г. Черновцы, г. Радомышль. В г. Житомире отец окончил курсы мл. политруков. Он надеялся, что где-то через год он увидит свою семью, ему исполнилось 24 года. Последнее письмо с действующей Армии между боями с г. Гайсин (Винницкой области) карандашом на двух маленьких листиках из блокнота: «За меня не беспокойтесь!».

Известно, что варварской бомбардировке в начале войны подверглись г. Минск, г. Бобруйск, г. Житомир, г. Киев, г. Севастополь, в плотное кольцо окружения попали войска южнее Киева, несли огромные потери. К нам в дом пришла повестка, что отец в бою за Родину пропал без вести в 1941 г.

Моя мать Островская (Мандрыкина) Вера Николаевна, 1917 г.р., уроженка г. Луганск, относится к выпускникам последнего довоенного выпуска (1939) ХГБИ (ныне Академия культуры), получила диплом с отличием. В конце 1941 г. эвакуировалась с семьей в Сталинградскую область, г. Камышин, где работала инструктором по партучету Сталинградской прифронтовой полосы (1942-1943 гг.).

Мне запомнилось, что мы долго ехали по железной дороге, а длинный состав весь был увешан зелеными ветками деревьев, это была маскировка от бомбежки. Камышин часто и сильно бомбили и мы во время бомбежки бежали в бомбоубежище (типа погреба), а с нами бежали огородами кошки и собаки, они сидели смирно, как и мы. Однажды я выглянула за калитку дома и меня потрясло зрелище: все было красное, горели дома, река Волга, горели небо и земля!

Ночью в городе было опасно оставаться и весь город: старики, женщины с детьми уходили в степь, поросшую редким кустарником. Фашистские самолеты прилетали и туда. Они низко летели и строчили по населению. Невозможно забыть взрывы бомб, вой снижающихся пикирующих бомбардировщиков, стрекот самолетных пулеметов, свист пуль. И каждый раз мама прикрывала меня собой. Ничего нет страшней и противней воя фашистских самолетов.

Вторично мама с семьей эвакуировалась в Чкаловскую область, Зиянчуринский район, где работала. Когда нужно было переехать в другое село, маме дали лошадь с бричкой только на одну ночь. На вещах сверху укутали меня и покрепче привязали. Дедушка держал вожжи в руках, все шло пешком. Стоял сильный мороз и кругом заснеженное поле. А по бокам нас сопровождали какие-то огоньки. Это были волчьи глаза, и их было много. Вдруг лошадь не выдержала и понеслась. Дедушка упал, но вожжи не выронил из рук, так его и тянула по снегу лошадь, а сверху привязанная на вещах я. Дедушка, Николай Антонович Мандрыкин, спасал мою жизнь. Потом, остальной путь, жгли от волков огонь.

До сих пор мне жаль, что я ссорилась с дедушкой. Ему, уже тяжело больному, давали продукты, которые меняли на последние вещи, давали сахар, а мне – нет. Чай был кипяток с какими-то сладкими корешками. Я плакала и не хотела прощаться с дедушкой, когда они с бабушкой Лелей уезжали в Среднюю Азию, где на границе с Афганистаном служил брат мамы Анатолий Николаевич Мандрыкин в пограничных войсках. Плакала я и плакал дедушка, который навсегда остался в песках – г. Термез. Из продуктов в Чкаловской области выдавали конину и я долго мясо называла «и-го-го».

Шел 1943 год, мы перемещались вместе со Сталинградским Артиллерийским училищем в г. Астрахань, мы плыли под бомбами по реке Волге. Особенно было опасно проплывать под мостами. И каждый раз меня бабушка Груня с мамой привязывали к мачте, т.к. они плавать не умели, думали, может я, в случае потопления, останусь жива. Так мы доплыли. День Победы встретила в Запорожье. Ночью все люди, военные, выбежали на улицу, стреляли в воздух, кричали: «Победа!» и целовались.

В 1946 г. я с мамой приехала в г. Харьков, который был весь в руинах. Осенью я пошла в первый класс. В Госпроме, где работала мама, был праздничный концерт самодеятельности и я исполняла песню:

*«Горит свечи огарочек
Гремит ли дальний бой,
Налей дружок по чарочке,
По нашей фронтовой».*

Все смеялись. Начиналась мирная жизнь.

Сегодня, в День Победы, из старшего поколения семьи никого не осталось. Я – самая старшая. Перебираю семейный архив, который теперь хранится у меня.

Родина высоко оценила подвиг участников ВОВ, удостоив многих орденами и медалями.

Мама награждена Медалью «За Победу над Германией».

Моя свекровь Шумкова (Митина) Елена Павловна (уроженка г. Харьков) работала медсестрой (1942-1945 гг.) в действующих частях Красной Армии, награждена «Орденом Отечественной войны» и медалью «За Победу над Германией».

Зинаида Порфирьевна Ковалькова (тетя Зина, уроженка с. Сеньково, Купянского района) военврач, капитан мед. службы с 1941 г. и в в/ч 2-го Белорусского фронта (1942-1945) дошла до Берлина, награждена «Орденом Красной Звезды», медалью «За Победу над Германией», доцент ХМИ.

Хранится в доме, как особо дорогое, книга Героя Советского Союза Василия Емельяненко «В военном воздухе суровом». Художественно-документальная повесть (1976 г.) на примере 7-го Гвардейского Ордена Ленина Краснознаменного Севастопольского штурмового авиационного полка. Эта книга о боевом пути, пройденном Митиным Борисом Николаевичем (урожд. Днепропетровск), от капитана-инженера полка до генерала. Он был отцом моего мужа, Митина Игоря Борисовича.

В канун войны их полк стоял на Харьковщине, под Богодуховым и был переименован сначала в 4-й штурмовой. Предстояло первыми в ВВС перевооружиться на новейший тип самолета (совершенно секретно). Это был бронированный штурмовик ЦП-2. Его прозвали «летающим танком». Конструктор – С.В. Ильюшин. С первых дней войны полк участвовал в важнейших операциях: овладение городом-крепостью Севастополем, участие в наступлении в Белоруссии и Прибалтике. Участие в параде 24 июня на Красной площади, где было знамя 7-го гвардейского авиационного полка, в котором было 17 Героев Советского Союза.

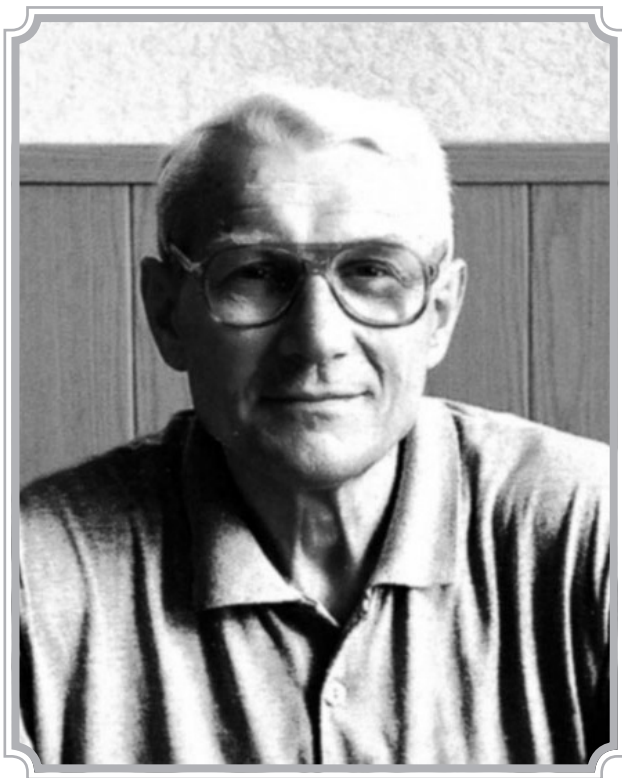
9 мая 1968 г. ветераны встретились в Керчи, чтобы открыть сооруженный на собранные средства у Обелиска посадили платан – дерево фронтовой дружбы и доблести. Под его корни сыпали драгоценную землю, взятую у Кремлевской стены, где имя Ю. Гагарина; землю из г. Ленинграда (Пискаревское кладбище); с Мамаева кургана из Волгограда; с аэродрома г. Богодухов на Харьковщине, оттуда полк вылетел по тревоге на фронт; а также землю из 26 городов, где теперь живут однополчане, приехавшие в Керчь. Под салют и гимн опустили капсулу с именами погибших друзей, их 717.

Моя мама так и не узнала, что мне дали статус «Дети войны». Низкий поклон и память всем, кто защищал Родину в Великой Отечественной войне, кто защитил и спас нас, детей войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василий Емельяненко, «В военном воздухе суровом» М., «Молодая гвардия», 1976, 476 с.

До 75-річчя

Игнатъев Николай Иванович

*общественный инспектор по охране культурного наследия
Харьковской обл., автор статей о выдающихся харьковчанах,
тех, кто стоял у истоков начала космической эры.
историк, писатель, педагог, специалист музейного дела.*

Родился 5 октября 1938 года в селе Единка Тернейского района Дальневосточного края (ныне – это Приморский край), там же 1 сентября 1945 года пошёл в 1-й класс, среднее образование завершил в 1956 году в Провиденской средней школе №1 (бухта Провидение на Чукотке) и отправился в Харьков, где после благополучной сдачи вступительных экзаменов 24 августа 1956 года был зачислен на самолётостроительный факультет Харьковского авиационного института (ХАИ) и окончил его по специальности «Инженер-механик по самолётостроению» – диплом от 23 февраля 1962 года/

По желанию получил направление на авиационный завод №126 (Комсомольск-на-Амуре), там 5 лет работал – инженером-конструктором, прочнистом в отделе главного конструктора по серийному сопровождению крылатых ракет П-6 (4К48) и «Аметист» разработки ОКБ-52 Генерального конструктора В. Н. Челомея и азросаней Ка-30. Некоторое был начальником конструкторского бюро по разработке и серийному производству прогулочного катера «Амур».

В 1967 году с семьёй вернулся в Харьков, поступил на работу в КБ «Электроприборостроения» (КБЭ), «Предприятие п/я А-7160» на должность инженера-конструктора.

Высшая должность (если можно так сказать), которую я занимал с 25.10.1985 г. по 01.07.1988 г., – начальник группы (сектора) 611, а потом грянула перестройка страны и предприятия тоже.

Все годы работы в КБЭ / НПО «Электроприбор» / АО «Хартрон» занимался вопросами:

- согласование условий эксплуатации аппаратуры систем управления (СУ) практически всех заказов предприятия, начиная с 1967 года, – это СУ ракеты 8К99 (заказ 237), 11К65М, 15А14, 15А18 (РС-20) всех моделей (по зарубежному обозначению SS-18 “Satan”); 15А30 и 15А35 (РС-18 или SS-19 “Stiletto”); транспортного корабля снабжения (ТКС) орбитальной пилотируемой станции (ОПС) «Алмаз»; всех модулей станции «Мир» – «Квант-2» (77КСД), «Кристалл» (77КСТ), «Спектр» (77КСО), «Природа» (77КСИ); ракеты-носителя 11К25 «Энергия»; Международной космической станции (МКС «Альфа»), АСУ технологическими процессами АЭС, и кое-что другое, о чем говорить пока не стоит и не следует;
- участие в проектировании конструкции всех приборов разработки предприятия для указанных выше СУ;
- обеспечение защиты приборов аппаратуры всех выше указанных СУ от механических и климатических воздействий;
- наземная отработка приборов аппаратуры всех выше указанных СУ на устойчивость к внешним воздействующим факторам (тепловые, статические, вибрационные, ударные, акустические нагрузки).

Уволен из АО «Хартрон-Энкос» (часть разваливавшегося КБЭ):

2		3	4
13	12	1989	Уволен в связи с окончанием срока службы п. 1 ст. 138 К
			40 КЗот Украины
			директора
			Сиренко

Затем до 1 сентября 2009 года трудился, но уже на nive высшего образования: завлабом и старшим преподавателем кафедры №604 Национального аэрокосмического университета «ХАИ».

Учёных степеней и званий не имею.

Награждён медалями Федерации космонавтики: им. Янгеля, Кондратюка и Челомея, но не по роду работы в КБЭ, а по линии пропаганды достижений ракетно-космической техники среди молодёжи и школьников, а также медалью «Ветеран труда» (ещё будучи работником НПО «Электроприбор»).

Н. И. ИГНАТЬЕВ

Из плеяды Главных

Имя этого человека многие годы не подлежало огласке по причине особой секретности того дела, которому он посвятил свою жизнь, долгое время оставалось под запретом, а во времена обвальной гласности оно просто замалчивалось.

А главный конструктор почтового ящика, дважды Герой Социалистического Труда (17.06.1961 и 12.08.1976) Лауреат Ленинской и Государственных премий, доктор технических наук, Академик АН УССР, по праву заслуженно а не просто по должности занимал не последнее место в ряду создателей ракетно-космических комплексов.

Только создание системы, имеющей шифр 15Л860 и 15Н1838, должно было бы обеспечить известность ему. Но она ограничивалась кругом специалистов. Да и шифры довольно прозаичны, ничего не говорящие обычному человеку. А под ними скрывалась система управления пуском и движением известной всему миру ракеты под официальным прозвищем, данным ей НАТОвскими стратегами, Satan – «Сатана», что означает имя начальника злых духов и губителя душ человеческих. Одно только это название говорить о многом.

Впервые я увидел его на митинге, посвящённом 50-летию Октябрьской революции. Детали митинга давно выветрились из памяти, но врезалось в неё как на блиц-трибуну, сооружённую под открытым небом, поднялся коренастый человек с золотой звездой Героя Социалистического Труда на груди и произнёс небольшую речь хрипловатым баритоном. Это был главный конструктор КБ «Электроприборостроения», начальник предприятия Сергеев Владимир Григорьевич.

Владимир Григорьевич Сергеев.

Следует отметить, что в те годы уважение к людям с Золотыми Звёздами было безгранично. Через годы оно немного поубавилось: звёзды стали падать на грудь недостойным этого. Позже я убедился, что Сергееву она была вручена заслуженно.

Его звёздный час в ноябре 1988 года «бурно праздновали» другие, без него, забыв о нём.

Забыли ли?

Скорее делали вид.

Можно ли забыть четверть века постоянного напряжения, исходящего от этого человека, твёрдой рукой державшего бразды правления предприятием, созданным в обеспечение разработок ОКБ-586 (п/я 203) главного конструктора Михаила Янгеля, того ОКБ, где создан боевой ракетный комплекс Р-36М2 «Воевода» с межконтинентальным носителем термоядерного заряда 15А18М (обозначение по ОCB-2 для печати – РС-20В, по классификации США и НАТО – SS-18 mod. 5, 6 “Satan”)?

В дни триумфа ракеты-носителя 11К25 «Энергия» кое-кому не стоило бы забывать кто истинный триумфатор, и помнить, кому обязаны они своим взлётом.

А начавший свой трудовой путь слесарем швейной фабрики и закончивший его Генералом сложнейшего производства, создателем КАУ РН 11К25, в эти дни был на «заслуженном отдыхе», занимая «почётное место свадебного генерала» – должность главного консультанта при фактически им созданного НПО «Электроприбор».

В истории XX века имя В.Г. Сергеева стоит в одном ряду с именами великих конструкторов: М.К. Янгеля, В.Ф. Уткина, В.Н. Челомея. Работая бок о бок, они создали ракетно-ядерный щит Советского Союза – межконтинентальные баллистические ракеты.

Я тогда, в 1967 году, не мог представить, что в последующие почти два десятилетия мне придётся попадать под его горячую руку.

Много можно рассказать о тех годах, в течение которых он был руководителем предприятия, остатки которого сейчас находятся под названием «Хартрон». А начиналось оно как весьма «закрытое» ОКБ №692 с «открытым» наименованием «Предприятие а/я 67».

Все, о чём будет рассказано ниже, раньше считалось тайной. Даже государственной тайной. Как и то, что Академик Владимир Григорьевич Сергеев жил и работал в нашем городе Харькове, где возглавлял «сверхсекретную фирму», имея под своим началом ни много ни мало – около 12 тысяч подчинённых с самыми современными профессиями XX века.

Многие годы коллектив, возглавляемый В.Г. Сергеевым, был занят созданием боевых ракетных комплексов с новыми, нетрадиционными качествами, способными обеспечить преодоление любой противоракетной обороны.

Родился Владимир Сергеев 5 марта 1914 года в Москве. Отец, Григорий Ксенофонтович, был слесарем-водопроводчиком, в Гражданскую войну – начальником обозных мастерских Красной армии. Мать, Андропова Анна Ефимовна (по фамилии отчима) – швея.

Отец умер, когда Володе было 12 лет.

В 1930 году окончил семь классов и поступил в ФЗУ электростанции в Москве, где был учеником с сентября 1930 года по февраль 1932 года. После чего работал слесарем на фабрике «Москвашвей». В сентябре 1934 года стал студентом Московского института инженеров связи, окончил его в августе 1940 года и получил диплом:

«... в том, что он в 1934 году поступил в Московский институт инженеров связи и в 1940 году окончил полный курс названного института по специальности проводной связи.

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 21 июня 1940 г. Сергееву В.Г. присвоена квалификация инженера-электрика проводной связи.

Предс. госуд.

экз. комиссии

Ректор (директор)

Афанасьев

Надеждин»

В сентябре-ноябре 1939 года проходил службу в Красной Армии командиром взвода связи, в ноябре 1939 – августе 1940 года работал старшим техником «Проектсвязьстрой» Дворца Советов. С сентября 1940 по июнь 1941 года – инженер конторы связи в городе Бологое.

В начале Великой Отечественной войны как работник связи не подлежал призыву в Красную Армию, но в июле 1941 года явился в штаб 8-й армии Северо-Западного фронта и добровольцем записался в армию. Победу капитан Владимир Сергеев встретил в Восточной Пруссии. Но война для него не закончилась – в июне 1945 года его батальон в составе 39-й армии был переброшен на Дальний Восток и в рядах войск Забайкальского фронта участвовал в Маньчжурской наступательной операции. За мужество и отвагу в боях за годы войны был награждён четырьмя боевыми орденами. Где проходил службу (из личного дела):

- с июня по ноябрь 1941 года – инженер отдела связи 8-ой армии,
- с ноября 1941 года по март 1942 года – помощник начальника связи по снабжению 91 гв. стрелковой дивизии,
- с марта 1942 года по ноябрь 1942 года – начальник мастерских связи 91 гв. стрелковой дивизии,
- с ноября 1942 года по август 1943 года – помощник отдельной роты связи 91 гв. стрелковой дивизии,
- с августа 1943 года по август 1944 года – командир роты связи 91 гв. стрелковой дивизии,
- с августа 1944 года по февраль 1946 года – заместитель командира 449

линейного батальона связи,

- с февраля 1946 года по январь 1947 года – командир 449 линейного батальона связи,
- с января по март 1947 года – офицер по телеграфной и телефонной службе отдела связи штаба 39-й армии.

В марте 1947 года капитан Сергеев демобилизован, в июне того же года поступил в НИИ-885 Министерства промышленности средств связи (МПСС), где и работал в течение девяти лет:

- до февраля 1948 года – инженером,
- с февраля 1948 года по август 1949 года – и.о. младшего научного сотрудника,
- с августа 1949 года по декабрь 1950 года – старшим инженером,
- с декабря 1950 года по апрель 1951 года – руководителем группы,
- с апреля по декабрь 1951 года – и.о. начальника лаборатории,
- 1955-1956 годы – заместителем начальника отдела,
- с 1956 по ноябрь 1960 года – начальником лаборатории.

Министерство высшего образования Союза СССР
Высшие инженерные курсы
При Московском ордена Трудового Красного Знамени
высшем техническом училище имени Баумана
Диплом №561
30 июня 1954 г.

Гр. Сергеев Владимир Григорьевич окончил курс обучения на Высших инженерных курсах и защитил проект в Госуд. экзаменац. Комиссии с оценкой отлично и на основании распоряжения Совета Министров Союза СССР от 14 июля 1947 г. за №9100, ему предоставлено право защиты диссертации на ученую степень кандидата технических наук без кандидатских экзаменов по специальной дисциплине.

Он, как был, так и оставался в присвоенном ему звании ещё в августе сорок четвертого – гвардии капитан. Под руководством выдающихся создателей систем управления Н.А. Пилюгина и М.С. Рязанского трудился над разработкой «умного железа» для первых советских баллистических ракет и их стартовых комплексов.

В то время среди ракетчиков шёл спор о способе управления баллистическими ракетами стратегического назначения. Доминировала идея ради-

окомандного управления полётом ракеты, а самым авторитетным специалистом по этому вопросу в СССР считался Борис Михайлович Коноплёв. Сергеев был сторонником создания автономных систем. И когда молодым конструктором Сергеев взялся за это дело, ему пришлось идти именно к Коноплёву за разрешением провести испытание прибора для измерения бокового отклонения.

Его некоторые изобретения были реализованы при запуске первого в мире искусственного спутника Земли, и Постановлением Совета Министров Союза ССР от 18 декабря 1957 года Сергееву Владимиру Григорьевичу присуждена Ленинская премия и присвоено звание Лауреата Ленинской премии (выдано Удостоверение Комитета по Ленинским премиям №143 от 31 декабря 1957 года).

Через год с небольшим (28 февраля 1959 года) решением Высшей Аттестационной Комиссии **Сергееву Владимиру Григорьевичу** присуждена учёная степень кандидата технических наук (Диплом кандидата наук МКД №006493 от 27 марта 1959 года).

Одна из самых трагических катастроф в истории ракетной техники, которая произошла 24 октября 1960 года на стартовой площадке полигона «На Юге»: при подготовке к первому пуску взорвалась межконтинентальная баллистическая ракета Р-16, резко изменила дальнейший жизненный путь Владимира Сергеева. В разных изданиях о численности погибших ходили легенды: двести, четыреста, более тысячи человек... Из рассекреченных документов стало известно: в результате катастрофы погибло 59 военнослужащих и 17 ведущих специалистов промышленности. В списках раненых 49 человек, из них 16 не выжили. Всего погибло 92 человека.

В числе погибших были Главнокомандующий РВСН СССР главный маршал артиллерии М.И. Неделин и главный конструктор ОКБ-692 (он же главный конструктор системы управления ракеты Р-16) Б.М. Коноплёв.

Это трагическое происшествие заставило определённых людей задуматься о полноте наземной отработки приборов аппаратуры СУ, её надёжности, провести реорганизацию предприятия-разработчика системы управления а/я 67. Эти задачи невозможно было решить без руководителя, способного вывести коллектив из шокового состояния, вселить уверенность в людей. Среди московских специалистов было много как желающих, так и нежелающих ехать работать в Харьков на место Коноплёва. Владимир Сергеев принадлежал как раз к числу последних. Во-первых, он всю свою жизнь (за исключением фронта) прожил в Москве, во-вторых, совсем недавно с женой Марией Васильевной получили, наконец, квартиру. В их семье было два сына: Анатолий родился в 1948 году и Виктор – в 1954-м. Почти сразу после новоселья Владимира Григорьевича вызвали в ЦК и он получил назначение начальником и главным конструктором ОКБ № 692. Отказаться от предложения ЦК было невозможно, тем более, что В.Г. Сер-

Владимир Григорьевич Сергеев.

геев уже имел достаточный опыт руководства научно-исследовательскими работами по системам управления. Его приход на должность коллективом а/я 67 был воспринят благоприятно, хотя О.Ф. Антуфьев, А.М. Гинзбург и А.И. Гудименко, находящиеся в руководстве ОКБ-692, вполне подходили и могли бы справиться с работой и с тем шокowym состоянием, которое возникло в коллективе после 24 октября.

Приказом председателя ГКРЭ СМ СССР Калмыкова В. №104/3-326-к от 16 ноября 1960 года Сергеев Владимир Григорьевич был назначен начальником и главным конструктором ОКБ-692. Последовал приказ за подписью нового руководителя «шестьдесят седьмого ящика»:

Приказ №197 от 16.XI.60 г.

§1. На основании приказа №104/3 Председателя ГКРЭ от 16.XI.60 г. с сего числа приступил к обязанностям начальника и главного конструктора предприятия а/я 67.

В.Сергеев

Он проявил завидную силу воли и отличное чутьё на нужные решения, в сжатые сроки завершил организационно-структурное формирование предприятия, четко определил функциональные обязанности его подразделений. В короткий срок под руководством Сергеева была произведена большая работа по пересмотру построения системы управления ракетой, выявлены и переработаны её «слабые звенья». Документация на систему управления была существенно и тщательно переработана в части повышения безопасности и надёжности. Систему доработали, в феврале 1961 года был выпущен новый комплект аппаратуры и ракета Р-16 доведена до стадии лётных испытаний, в конце 1961 года началось её серийное производство. В том же году В.Г. Сергеев, организовав мощное приборное производство, продолжил линию по созданию инерциальных систем управления полётом ракет.

В это время состоялся запуск первого в мире пилотируемого космического корабля «Восток» с Ю.А. Гагариным на борту. В этом успехе советской науки и техники была весомая доля Владимира Сергеева. Очень

узкому кругу лиц было известно, что после полёта Гагарина звезда героя нашла и его.

Указом Президиума Верховного Совета СССР («закрытым») от 17 июня 1961 года Сергею Владимиру Григорьевичу **«За выдающиеся заслуги в создании образцов ракетной техники и обеспечение успешного полёта советского человека в космическое пространство»** присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

С тех пор главным направлением в деятельности В. Г. Сергеева стало создание всё более совершенных систем управления межконтинентальных баллистических ракет ОКБ-586 главного конструктора М. К. Янгеля и, несколько позже ОКБ-52 Генерального конструктора В. Н. Челомея. Их ракетные комплексы составили основу ракетно-ядерных сил стратегического назначения.

Под руководством В. Г. Сергеева были созданы уникальные, высоконадёжные с нетрадиционными качествами системы управления межконтинентальных боевых ракетных комплексов. В 1960-1980-х годах были созданы системы управления для ракет М. К. Янгеля: комплекс Р-16 с дальностью стрельбы до 12000 километров, комплекс Р-36 с двумя типами боевого оснащения: легкой головной части с дальностью стрельбы до 14000 километров и тяжёлой – до 12000 километров.

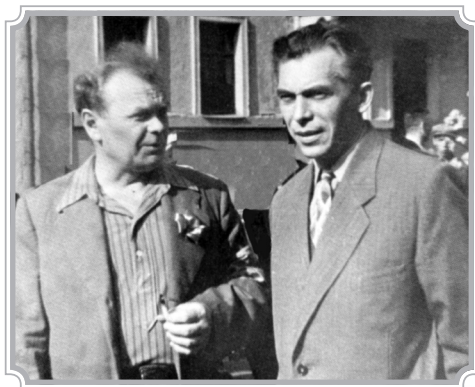
Революционным шагом на этом этапе явилось использование в системах управления бортовых электронных вычислительных машин (БЦВМ), обеспечивающих функционирование ракетного комплекса при наземных проверках и в условиях полёта ракеты. Возможность реализации с помощью БЦВМ более сложных алгоритмов позволяла существенно повысить точность стрельбы.

На первом этапе создание СУ на основе БЦВМ в КБЭ шло по двум направлениям:

- с применением бортовой ЭВМ разработки предприятия Министерства радиопромышленности СССР – Научно исследовательского центра вычислительной техники (НИЦЭВТ);
- с использованием БЦВМ собственной разработки.

На совещании в апреле 1967 года главный конструктор КБЭ предложил рассмотреть вопрос о концентрации сил на одном из этих направлений. Руководители основных подразделений высказались за использование БЦВМ собственной разработки, «поскольку в «чужую» машину было практически невозможно вносить необходимые изменения в программное обеспечение, что резко замедляет разработку новых систем управления». Было принято решение начинать разработку «своей» БЦВМ.

20 декабря 1967 года Академия Наук УССР избрала *Владимира Григорьевича Сергеева* Членом-корреспондентом Академии Наук УССР по спе-

*Владимир Сергеев и Михаил Ян'ель.
Начало сотрудничества.*

циальности «Радиотехника, электроника, автоматика».

А 22 декабря решением Высшей Аттестационной Комиссии *Сергееву Владимиру Григорьевичу* присуждена учёная степень доктора технических наук (выдан *Диплом доктора наук* МТН №002782 от 18 января 1968 года).

В 1968 году был испытан первый экспериментальный образец бортовой ЦВМ 1А200 на гибридных модулях. Через шесть месяцев появилась её трёхканальная модификация

на монолитных интегральных схемах.

В 1971 году, впервые в СССР, был произведен запуск ракеты 15А14 с СУ с применением «своей» БЦВМ.

В 1979 году были приняты на вооружение ракеты 15А18 и 15А35 с унифицированной БЦВМ. Для их систем управления впервые в СССР была разработана технология отработки программно-математического обеспечения, с так называемым «электронным пуском»: на специальном комплексном стенде с использованием ЭВМ БЭСМ-6 и действующих приборов аппаратуры СУ моделировался полёт ракеты и функционирование её системы управления с имитацией возмущающих факторов.

Созданные системы управления для ракет последующих модификаций обеспечили:

- попадание на предельной дальности в квадрат размером со стадион;
- боеготовность в требуемое заказчиком время; автономную и дистанционную проверку состояния систем ракеты и её пуск;
- высокую эксплуатационную надёжность; защиту от случайных и несанкционированных пусков; дистанционное и автоматическое введение полётного задания и переприцеливание;
- индивидуальное наведение боевых блоков разделяющихся головных частей на отдельные цели и прикрытие (защита) боевых блоков ложными целями;
- сохранение работоспособности и точное наведение на цель после сейсмического воздействия на стартовую позицию от ядерного воздействия на район расположения стартовых позиций.

Причастные к созданию различных систем управления с применением вычислительной техники представляют, что значит разработать безотказно

работающую в весьма жёстких условиях ЭВМ, сумеют оценить напряжённый труд, успехи, неудачи, радости и переживания, которые сопровождали годы руководства Владимиром Григорьевичем Сергеевым.

Из Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР (1976 год):

«За выдающиеся заслуги в области создания специальной техники наградить орденом Ленина и второй Золотой Медалью «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда

Сергеева Владимира Григорьевича —

начальника и Главного конструктора Конструкторского бюро «Электроприборостроения».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. Подгорный

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. Георгадзе

29 августа 1977 года КБ «Электроприборостроения» (КБЭ, п/я А-7160) и завод «Электроприбор» преобразованы в НПО «Электроприбор».

По НПО 29.04.78 г. объявлено:

«Приказом Министра №66-к от 13 апреля 1978 г. т. Сергеев В.Г. назначен Генеральным директором и Главным конструктором НПО «Электроприбор».

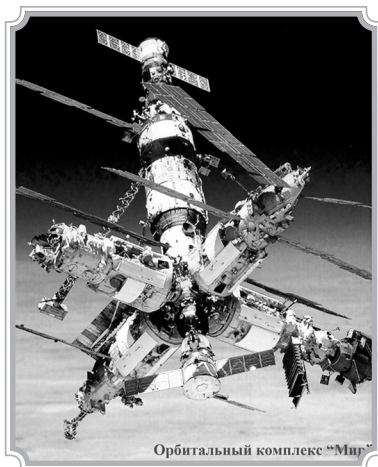
В последующие годы значительное место в научно-техническом творчестве коллектива НПО, возглавляемом Главным конструктором, занимало создание систем управления ракеты-носителя многоразовой космической транспортной системы «Энергия-Буран» и боевого ракетного комплекса (СУ БРК) Р-36М2 «Воевода».

В 1979-1988 гг. здесь одновременно выполнялись объёмные и ответственные заказы:

- в апреле 1979 года НПО было определено главным разработчиком комплекса автономного управления (КАУ) ракеты-носителя 11К25 «Энергия» многоразовой космической транспортной системы «Энергия-Буран»;
- в декабре 1980 года выпущен эскизный проект КАУ РН «Энергия»;
- в июне 1982 года – эскизный проект СУ БРК Р-36М2 «Воевода» и начаты работы по проектированию СУ модулей орбитальной станции «Мир».

Разработка КАУ комплекса «Энергия-Буран» первоначально была поручена другому главному конструктору, и подключение «фирмы» В.Г. Сергеева произошло когда появились признаки, что может случиться провал планов.

Одной из самых сложных задач было создание вычислительного комплекса для КАУ ракеты-носителя, решающего задачи стабилизации, ведения, аварийной защиты двигателей, «мягкой» посадки многократно используемых блоков «А» («боковушек») ракеты. Всё это усугублялось использованием в ракете-носителе топлива на основе жидкого кислорода и жидкого водорода, что значительно повышало требования к пожаро-взрыво-безопасности приборов аппаратуры СУ.

В эти годы велись работы по созданию крылатой стратегической ракеты ЗМ25 «Метеорит» и транспортного корабля снабжения (ТКС) с возвращаемым аппаратом многоцелевой космической станции «Алмаз» разработки бывшего ОКБ-52 Генерального конструктора В.Н. Челомея с системами НПО «Электроприбор». Автоматическая стыковка ТКС с космическими станциями «Салют-6» и «Салют-7», выполненная без вмешательства операторов центра управления, была полным триумфом идей, рожденных на «фирме Сергеева».

Система управления ТКС выполняла демпфирование угловых колебаний корабля после его отделения от носителя;

построение и ориентацию по трём осям в орбитальной системе координат; построение и ориентацию в гироскопической инерциальной системе координат; поиск Солнца и ориентацию корабля так, чтобы солнечные батареи обеспечивали электро-снабжение и подзарядку аккумуляторных батарей; закрутку корабля для сохранения требуемой ориентации солнечных батарей; обеспечение маневров и требуемых межорбитальных переходов; сближение и стыковку с кооперируемым объектом; торможение и потопление корабля в заранее заданном районе Мирового океана.

Все эти разработки потребовали от руководства и всех специалистов максимального напряжения сил. Работы шли круглосуточно, без выходных, зачастую люди ночевали на рабочих местах. Часто в кабинете Сергеева проходили совещания до раннего утра. И наградой за труд, венцом научно-технического творчества коллектива, были два успешных запуска ракеты-носителя «Энергия» (15 мая 1987 года и 15 ноября 1988 года), сдача на вооружение ракеты 15А18М комплекса Р-36М2 «Воевода» в августе 1988 года – этот ракетный комплекс, по своим характеристикам не имеющий аналогов в мировой практике боевого ракетостроения, поставил точку в истории «холодной войны».

Большой объем работ в эти годы был выполнен по бортовому вычислительному комплексу для систем управления космических аппаратов. Для модулей станции «Мир» – «Квант», «Квант-2», «Кристалл», «Природа», «Спектр» был создан комплекс аппаратуры, сохраняющий работоспособность при наличии 10-20 неисправностей. Опыт его безотказной эксплуатации на орбите в течение более 15-ти лет подтвердил правильность принятых технических решений.

Полёт орбитального комплекса «Мир» завершился 22 марта 2001 года. По свидетельству лётчика-космонавта Александра Лазуткина станция даже в последние минуты существования до сотых долей секунды выполняла всё, что ей задавал человек. И в этом большая доля заслуги принадлежит НПО «Электроприбор» и её руководителю Главному конструктору Сергеёву Владимиру Григорьевичу.

Пробыл В. Г. Сергеёв в должности директора, главного конструктора предприятия, которое потом стало называться «Хартрон», двадцать шесть лет. В августе 1986 года пришедший из Москвы приказ министра Общего машиностроения О. Бакланова – бывшего харьковчанина, проводил Владимира Григорьевича «на заслуженный отдых». Ушли его с должности, когда ему было 72 года. Он был полон сил и желания работать. Но сложившиеся обстоятельства заставили его уйти, хотя отстранение Сергеёва от работы было неосновательным и демонстрировало, что приняты решительные меры.

Уходил Владимир Григорьевич с должности Генерального директора и Главного конструктора НПО «Электроприбор» (научным консультантом объединения в разгар отработки систем управления БРК Р-36М2 и РН 11К25 «Энергия». Практически вся материальная часть была готова, шла «шлифовка» матобеспечения на комплексных стендах.

В. Г. Сергеёв дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда (1961, 1976). Ему присуждены Ленинская премия (1957), Государственная премия СССР (1967) и Государственная премия УССР (1979). В. Г. Сергеёв – действительный член (академик) Академии Наук УССР (1982), доктор технических наук.

На XXV съезде КП Украины, состоявшемся с 10 по 15 февраля 1976 года, В. Г. Сергеёв избран членом Центрального Комитета Коммунистической партии Украины.

Он делегат XXII, XXIII, XXV и XXVI съездов КПСС.

Он Почётный гражданин города Харькова (1999).

*Два Главных 7 мая 1978 года.
Сергеев В. Г. и Пилюгин Н. А..*

**Список наград
В. Г. Сергеева:**

- Орден Отечественной войны I степени – 1944 г.,
- Орден Отечественной войны II степени – 1943 г.,
- Орден Отечественной войны II степени – 1944 г.,
- Орден Красной Звезды – 1942 г.,
- Орден Трудового Красного Знамени – 1959 г.,

Медали:

- «За взятие Кенигсберга»,
- «За победу над Германией в Великой Отечественной войне»,
- «За победу над Японией»,
- В память 800-летия Москвы,
- «За трудовое отличие» – 1948 г.,
- Золотая медаль «Серп и Молот» – 1961 г.,
- Орден Ленина – 1961 г.,
- Орден Ленина – 1966 г.,
- Медаль «20 лет победы над Германией» – 1965 г.,
- Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»
- Знак «25 лет победы в ВОВ» – 1970 г.
- Орден «Октябрьской революции» – 1971 г.,
- Орден Ленина – 1976 г.,
- Золотая медаль «Серп и Молот» – 1976 г.,
- Медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР» – 1978 г.,
- Медаль «Тридцать лет Победы в ВОВ» – 1976 г.,
- Орден Ленина – 1984 г.,

Умер Владимир Григорьевич Сергеев 29 апреля 2009 года.

Похоронен 2 мая 2009 года в Харькове, на городском кладбище № 2.

На грустное событие откликнулись газеты «Главное» 2 мая 2009 года и «Время» 8 мая. И чуть позже журнал «Новости космонавтики» (см. № 6 (317) за 2009 год).

Сейчас много можно найти в сети Интернет рассказов и воспоминаний о жизни и работе Владимира Григорьевича Сергеева, но никто из авторов не вспомнил, что впервые большая и интересная статья о нём появилась 5 марта 1996 года в газете «Вечерний Харьков». Её автор Николай Соловьёв, редактор и учредитель газеты. Хотя в этот день должна была опубликована статья другая, но об этом и история другая.

Умер бывший гендиректор «Хартрона» Владимир Сергеев

Администрация и профсоюзный комитет ОАО «Хартрон» с глубокой скорбью сообщает, что 29 апреля 2009 года на 96 году ушел из жизни Сергеев Владимир Григорьевич, бывший генеральный директор и главный конструктор НПО «Электронприбор», дважды Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии УССР, доктор технических наук, академик АН Украины, Почетный гражданин города Харькова.

Владимир Григорьевич Сергеев родился 5 марта 1914 года в Москве. В 1940 году окончил Московский институт инженеров. С 1941 по 1945 год принимал участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны.

В 1960 году был назначен начальником и главным конструктором Конструкторского бюро «Электронприборостроения».

Под его руководством и при его непосредственном участии были созданы с использованием новых достижений науки и техники четыре поколения высокоэффективных систем управления боевых ракет-носителей, космических аппаратов и ракетно-космического комплекса «Энергия».

За особые заслуги и выдающийся вклад в создание наукоёмких технологических и высокоэффективных систем управления ракетно-космическими комплексами награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом «За заслуги» III степени, орденом Ярослава Мудрого V степени, орденом Трудового Красного Знамени, 6 орденами и 6 медалями как участник боевых действий в ВОВ и 6 юбилейными медалями.

Светлая память о Владимире Григорьевиче Сергееве навеки сохранится в сердцах всех, кто знал его и работал с ним.

Выражаем глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Важно Н.И., Златкин Ю.М., Лученко О.А., Толкачев Б.А., Макаренко В.А., Кошеч Л.Д., Романовский А.В., Чернышов М.А., Ключник В.И., Неймирок Ю.К., Васильев А.А., Борзенко Г.А., Кривоносов А.И., Суценко В.П.

• №18(98)/2 мая 2009

ГЛАВНОЕ:

Светлой памяти Владимира Григорьевича СЕРГЕЕВА

29 апреля 2009 г. на 96-м году ушел из жизни дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, доктор технических наук, академик Национальной академии наук Украины, Почетный гражданин города Харькова Владимир Григорьевич Сергеев.

В. Г. Сергеев родился 5 марта 1914 года в Москве. Трудовую жизнь начал рабочим в родном городе. После окончания Московского института инженеров связи работал по специальности. Служил в Красной Армии.

Владимир Григорьевич был на фронте с первых до последних дней Великой Отечественной войны. Его воинская доблесть отмечена пятью боевыми орденами и многими медалями. Как никому другому ему была известна цена мира. Поэтому он посвятил жизнь обеспечению надежной обороноспособности Отечества.

Половину своей жизни В. Г. Сергеев прожил вместе с Харьковом. Возглавляя более 25 лет НПО «Электронприбор», он обеспечил создание современных систем управления межконтинентальных баллистических ракет генеральных конструкторов М. К. Янгеля и В. Н. Челомея, ракеты-носителя многозарядовой космической транспортной системы «Энергия-Буран». Эти ракетные комплексы составили основу советских ракетно-ядерных сил стратегического назначения. По техническим показателям они отвечали лучшим зарубежным образцам, а порой и превосходили их. За весомый вклад в создание ракетно-ядерного щита Советского Союза В. Г. Сергеев был дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда и награжден пятью орденами Ленина.

Вряд ли харьковчане представляли, чем занимается возглавляемый Владимиром Григорьевичем «Электронприбор». Но они знали, кого благодарить за масштабный новострой — поселок Жуковского — со всей необходимой инфраструктурой: школами, детскими садами, магазинами, спорткомплексом.

Коллеги, подчиненные, многочисленные ученики Владимира Григорьевича уважали его за талант, преданность науке, самоотверженное трудолюбие, лидерские качества и любили за простоту, скромность, доступность, дружелюбие, готовность помочь.

Светлая память о Владимире Григорьевиче Сергееве навсегда сохранится в наших сердцах.

М. М. Добкин, Г. А. Кернес, Л. Д. Кучма, О. А. Демин, В. Н. Шмаров, В. Н. Калашников, Ю. С. Алексеев, В. А. Андреев, А. С. Кривоцов, А. Н. Новак, И. М. Шурма, Т. Д. Таукешева, М. И. Фатеев, В. А. Ландсман, В. А. Христов, Е. А. Гриневич, Т. И. Овинникова, В. В. Коваленко, В. А. Китанин, А. А. Лемента, А. М. Белозеров, М. Д. Пилипчук, депутаты Харьковского городского совета, члены исполнительного комитета городского совета.

4 ВРЕМЯ пятница май 8 2009

А так выглядело мемориальное место 5 марта 2013 г., в день, когда Владимиру Георгиевичу Сергееву исполнилось бы 99 лет.

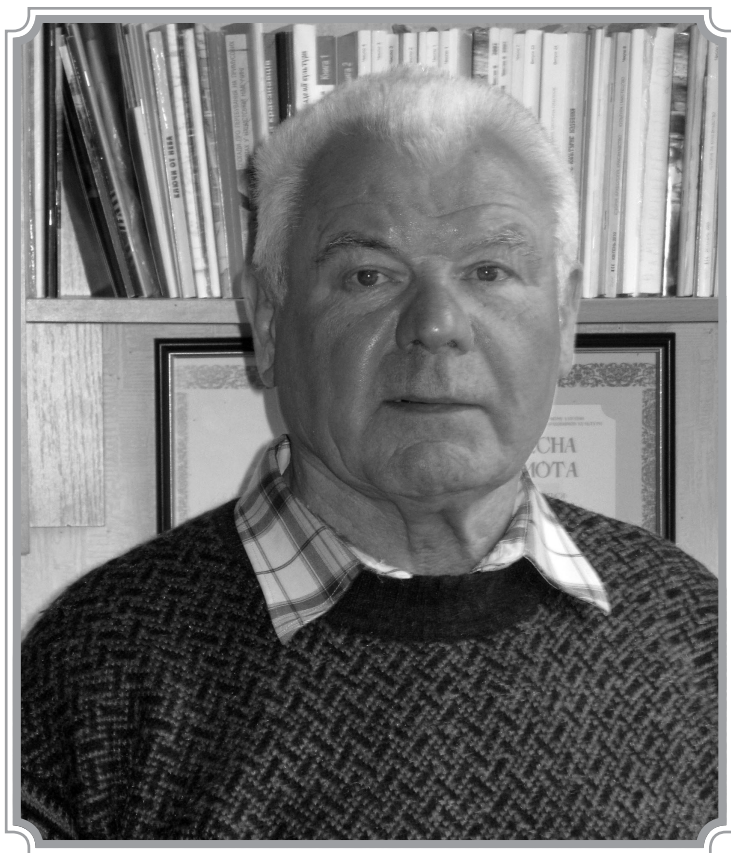

Ему, Почётному гражданину Харькова (1999 года), на стене дома № 36/38 по Сумской улице 21 августа 2009 года установлена мемориальная доска. В этом доме В.Г. Сергеев жил с 1960 по 1997 год. Изготовлен памятник благодаря совместной работе Харьковского горисполкома и «Хартрона» по проекту скульптора Сейфаддина Гурбанова. Барельеф с изображением В.Г. Сергеева выполнен из бронзы, основание – из черного гранита.

Остаётся привести слова заслуженного журналиста Украины Юрия Грота: **«Жертвует порой абсолютно всем, этот сложный, интереснейший, талантливый человек очень многое сделал не только для Харькова, но и для страны, её международного имиджа, чести, славы, безопасности».**

*Могила В.Г. Сергеева.
г. Харьков, городском кладбище № 2.*

До 75-річчя**Ігор Олексійович Шудрик**

Шудрик І. О. один із засновників та активний учасник «Слобожанських читань». Народився в с. Чижівка Новоград-Волинського р-ну Житомирської обл. (1939). Закінчив історико-філософський ф-т Київського державного університету ім. Тараса Шевченка (1961). П'ять років служив у Збройних Силах (1963-1968). Працював викладачем кафедри філософії Сумського педагогічного інституту ім. А. С. Макаренка (1968-1969), лектором Сумського обкому партії (1969-1972). Закінчив аспірантуру при кафедрі філософії Харківського державного політехнічного інституту, де працював на посадах старшого викладача, доцента (1972-1982). У 1978 р. в

Академії суспільних наук при ЦК КПРС захистив кандидатську дисертацію. Працював на кафедрі філософії Харківського інституту механізації та електрифікації сільського господарства на посадах доцента та виконувача обов'язки завідувача кафедри (1984-1990). У 1985-1986, 1989-1991 роках за сумісництвом, потім в штаті працював на посаді доцента в Харківському державному університеті. З 1991 р. по сьогодні працює на кафедрі суспільних та гуманітарних дисциплін у Харківському державному університеті харчування та торгівлі (з 2009 р. – професор).

Голова Харківського осередку Української асоціації релігієзнавців (з 1995 р.), член редколегій богословсько-філософського часопису «Віра і Розум» та наукового збірника «Культурна спадщина Слобожанщини». Краєзнавець. Член Консультаційної ради з питань охорони культурної спадщини при Департаменті культури і туризму Харківської облдержадміністрації (з 2008 р.).

Сфера наукових інтересів: філософська та богословська думка в Україні, зокрема на Слобожанщині, релігієзнавство та краєзнавство. Автор понад 200 наукових та науково-методичних публікацій, серед яких: «З історії української філософської думки: навчальний посібник» (із грифом МОН України, Х., 2000); «Історія філософської думки в Україні: конспект лекцій для аспірантів» (2007); монографії: «Історія філософської думки в Слобідській Україні» (Х., 2012), «Історія філософської думки в Харківському університеті» (Х., 2013), «Старовинні садиби Слобожанщини» (Х., 2013). Про нетрадиційні релігії опублікував монографію (Х., 1986) та брошуру (К., 1988). Про знаменитих українських цукрозаводчиків та меценатів Харитоненків опублікував дві монографії: «Династія Харитоненків» (Суми, 2003) та «Наталівка — перлина Слобожанщини» (Х., 2008).

Професор Шудрик І. О. автор низки статей у часописах та наукових збірниках: «Філософська думка», «Вопросы философии», «Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна», «Віра і Розум», «Православная Энциклопедия Харьковщины», «Культурна спадщина Слобожанщини» та «Енциклопедія Сучасної України». Досліджує життєвий та творчий шлях лауреата Нобелівської премії Саймона Сміта Кузнеця, який навчався в Харківському комерційному училищі та інституті й опублікував у Харкові першу свою наукову працю.

Ім'я професора Шудрика І. О. внесене в енциклопедичний довідник «Сумщина в іменах» (1-ше вид. 2003 р.; 2-ге вид. 2004 р.) та в біографічний довідник «Краєведи Слобожанщини» (Х., 2011). Нагороджений грамотою Харківського і Богодухівського митрополита Никодима «у благословення за старанні труди на благо святої Церкви» (2001), почесної грамотою Харківського Дворянського Собрания «в ознаменування десятилетия Международной научной конференции «Слобожанские чтения» за вклад в проведение конференций, сохранение и восстановление культурного наследия» (2006), почесною грамотою Департаменту культури і туризму Харківської облдержадміністрації «за вагомий внесок у розвиток пам'яткоохоронної справи» (2013).

Відкриття Перших Слобожанських читань. 2 червня 1999 р.
Справа наліво: В. В. Мизгіна, І. О. Шудрик, С. А. Бахтіна.

І. О. Шудрик і паломники біля Троїцької церкви Почаївської Лаври 9 липня 2000 р.
Архітектор церкви О. Щусев, художник - М. Періх.

ХАРКІВСЬКИЙ КОЗАК, ФІЛОСОФ, ПОЕТ ТА ПОПЕРЕДНИК ГРИГОРІЯ СКОВОРОДИ СЕМЕН КЛИМОВСЬКИЙ

Аналізуються соціально-філософські погляди харківського філософа Семена Климовського.

Ключові слова: козак, правосудие, правда, великодушие, благодетель, «просвещенный монарх», «самодержец».

Анализируются социально-философские взгляды харьковского философа Семена Климовского.

Ключевые слова: казак, правосудие, правда, великодушие, благодетель, «просвещенный монарх», «самодержец».

In the article «Kharkov Cossack, philosopher, poet, and predecessor of Gregory Skovoroda», socio-philosophic views of Kharkov philosopher Semen Kosimovskiy are analyzed.

Key words: Cossack, Holy Writ, justice, the truth, generosity, benefactor, «enlightened monarch», autocrat, «Ukrainian bulletin».

Кожен з нас з дитинства знає старовинну українську пісню «Їхав козак за Дунай...». Вона вважається найбільш популярною народною піснею. Однак мало хто знає ім'я автора цієї пісні. М.О. Максимович, М.І. Новіков, М.М. Карамзін та А.А. Шаховський іще у ХІХ столітті довели, що текст і мелодію цієї популярної пісні написав козак Харківського полку Семен Климовський, який жив у ХVІІІ ст.

Про його біографічні дані відомо дуже мало. Автори, які жили і писали набагато пізніше С. Климовського, порівнювали його з великими грецькими мудрецами. Козаки часто ходили до нього за порадами. Він ніколи нікому не відмовляв і любив при цьому повторювати: «Нам добро – нікому зла, то законне життя».

У серпні 1724 року Семен Климовський подарував російському царю Петру І рукопис своєї книги «О правосудии начальствующих, правде и бодрости их». Твір має віршовану форму. Ця книга з автографом харківського козака зберігається зараз в Санкт-Петербурзі в Публічній бібліотеці імені Салтикова-Щедріна.

Другим твором С. Климовського є віршована філософська поема «О правде и великодушии благодетелей». Про цю книгу коротко згадується в «Пантеоне российских писателей» (видання Бекетова, – М. 1806 р.). Тут же поміщається і портрет Семена Климовського.

У ХІХ ст. дехто вважав, що С.Климовський є автором іще двох філософських творів : «О дивных Всероссийского Монарха делах, о премудрости его и трудах» (38 стор.) та «О пришествии короля шведского Карла XII

внутрь Украины и об измене Мазепы». Якщо перші два твори збереглися і названу пісню співають й досі, то останні два твори не збереглися.

Д. І. Багалій і Д. П. Міллер у своїй фундаментальній праці «История города Харькова за 250 лет его существования (1655-1905)» [1, с.458] зазначають, що у 1843 році в Харківському «Молодыке» було надруковано вірш Якова Щоголева (1824-1898) «На згадування Климівського» та подано портрет козака-філософа, раніше надрукований Бекетовим. Тут же подається і другий варіант портрета «стихотворця – козака Харьковского полка Климівського (Климова)», взятий з «Молодыка» Бєзкого (Х., 1844) [1, с.564-568]. До речі, цей вірш увійшов у київське видання творів Я. Щоголева 1961 року [3, с.250]. У цьому вірші автор описує козака у якого:

*«Воля буйна жила,
І співав він той степ і ту волю.
І пісні козака, як вітри здалека,
Розливались од краю до краю».*

Далі Я. Щоголев згадує кобзарів, які співають про Нечая, Самка, Калниша й Павлюка. Автор вірша просить бандуристів згадати Климівського:

*«Хлопці же хлопці, спросіть,
Де наш лицар лежить:
Чи в землі його десь поховали...»*

У примітках до видання зазначається, що український козак Климівський жив у кінці XVII - початку XVIII ст.

Князь О.О. Шаховський у своїй опері-водевілі «Козак-стихотворець», як героя твору виводить образ Климівського, який повертається з війни і рятує від насильницького заміжжя свою наречену Марусю. Щоправда в «Козаке-стихотворце» О. Шаховського українці розмовляють, як Тарাপунька та Верка Сердючка. Петро Гулак-Артемівський та Іван Котляревський критикували князя О. Шаховського за поверхове і фальшиве зображення життя та побуту українського села, де дієві особи розмовляють каліченою українською мовою.

У невеликій прозовій «Передмові» до твору «О правосудии начальствующих...» Семен Климівський намагається пояснити зміст і свою позицію, викладену у цій праці. Передмова насичена багатьма філософськими роздумами. У ній і в названих двох віршових творах С. Климівський виявив себе глибоким мислителем, концепції якого стоять на рівні тогочасних європейських філософів доби Просвітництва. Центральною проблемою цих творів є правда (істина), як основа людських взаємин (приватних і суспільних).

У розділі «О правде» свого твору «О правосудии начальствующих...» автор обстоює концепцію, що правда є той моральний фактор, який утримує життя всіх народів на землі в добрі й спокою. Тому її слід відстоювати всім, особливо царям, тим, хто керує державами. Він застерігає усіх, щоб в житті ніхто не нехтував правдою. При цьому автор часто посилається на положення Святого Писання: «Да не опровержеться корабль всемирного житейства

волнами неправды.» Правда на думку автора сильніша за військову силу: «Правда гради защищает, паче стен каменных. Правда – всеблагий вождь». Правда «Всіх діл мати», вона «як місяць і вночі світить». Правда для кожної людини – «основа моральності» – підкреслює автор.

Тому цареві С. Климовський рекомендує бути найбільшим правдолюбом, бо ж він відповідає за державу й людей, а держава без правди – падає. «Правда всего царства и всех дел царских украситель» – зазначає автор. Усякий кому доручено в державі владу, зокрема й сам цар, забов'язаний «сохранять правду не прельщаться златом». «Лучше в нищих с правдой гладь и хладь терпети, нежели, царем быть, правды не имети».

С. Климовський вважає, що держава має бути правовою. Цьому й присвячує розділ «О правосудии». Держава, її керівники, царі не тоді сильні, коли їх скипетр прикрашають дорогоцінні прикраси, а коли «царство и скипетр ... паче чиста злата и многоценнее камней украсит правосудие...». Тогда скипетр и престол содержат иметь. Егда правосудием премудро владеть».

При керівництві державою цар повинен: «истину паче всех царств почитати». А закон має бути для всіх один – «Равным судом богата судить и убога».

С. Климовський не побоявся звернутися до царя з застережливими словами, хай і взятими з Святого Писання: «Им же судом судите, сим сами судимы будете». Сказати царю такі «дерзости» – ризикована річ. На таке міг піти лише сміливий і вільний козак. А він при цьому ще й нагадав царю, що його народ «всякими бедствиями утесняется», а сам цар та його начальники «Не видят, камо грядеши, златом ослепленные».

У підрозділі «О бодрости» С. Климовський дає поради царю:

«Не п'янствувати, не веселитися, а бодрствовать...», тобто – діяти.

«Всяк многотрудный властелин бодрственный... Как отец утробю о детях болящий... Труды о всех паче всех утех почитая... Той премудро научись скипетр содержать. Здесь и в безсмертной будет короне сияти».

Друга «книжица» Семена Климовського «О смирении высочайших» теж написана досить сміливо. Посилаючись на положення Святого Писання автор зазначає, що цар, правитель має бути розумним, смирим, тому що він теж «раб божий». У своїй практиці він має керуватися не принципами деспотизму, а загальнолюдською любов'ю. Семен Климовський підкреслює, що цар не повинен «... возноситься, яко смертен существом телеси равен есть всякому человеку... власть же достоинства подобен есть Богу, господин есть над всеми, раб же со всеми есть Божий...со всеми обладаемыми явится пред судище Христово». Тому він має за усіх своїх підлеглих «... болезновать сердцем, аки о своем спасении мыслить, трудиться, печется отеческо...».

Позиція С. Климовського співпадає з ідеями західноєвропейського Просвітництва про «освіченого монарха».

Деякі автори припускають, що філософську освіту С. Климовський отримав в Києво-Могилянській академії.

До речі, у Києво-Могилянській академії у XVIII столітті вчився Трохим Климовський, який у 1733 році з групою студентів-філософів та богословів був направлений до Сербії для відкриття шкіл, подібних Києво-Могилянській академії в Белграді та інших містах [4, с. 149].

Не відомо як поступив Петро I з автором, прочитавши таке «напутствіє» «самодержцju». Але цей твір він залишив у своїй бібліотеці. А в наступному році останній цар і перший імператор Росії помер.

Журналіст Микола Левицький у 1818 році в «Украинском вестнике» опублікував нарис про своє дводенне перебування наприкінці XVIII ст. у селі Припутні Єлизаветградського повіту Херсонської губернії у філософа і поета Семена Климовського, який тоді був дуже старою людиною. М. Левицький згадує, що старий філософ читав філософські твори римських поетів Вергілія та Горация. Не відомо, чи так далеко цар заслав свободолюбивого і «дерзкого» козака, чи виділив йому так далеко від Слобідської України маєтність.

Поширення популярної пісні Семена Климовського «Їхав козак за Дунай» простежується в багатьох країнах світу. Мелодію з цієї пісні і слова в переробленому вигляді використовували: у Німеччині – знаменитий композитор Людвіг ван Бетховен, в Польщі, Чехії, Словаччині, США, Англії, Австрії, Голландії та Австралії. Двох студентів Київської консерваторії так захопила пісня Семена Климовського «Їхав козак за Дунай...», що вони переклали її на китайську мову і чудово виконали на українському телебаченні у 2010 році.

У 1999 році про нашого славетного земляка, філософа, попередника Г.С.Сковороди відомий вчений Григорій Нудьга* (1913-1994) у Львові опублікував монографію [2]. І це теж є свідченням визнання актуальності тих ідей, які обстоював харківський козак і філософ Семен Климовський.

ЛІТЕРАТУРА

1. Багалій Д.І., Міллер Д.П. «История города Харькова за 250 лет его существования (1655-1905)». Ист. монография в 2х т. Т. I. Репринт. изд.-Харьков, 1993, - 572 с.
2. Нудьга Григорій. Козак, філософ, поет. Редактор-упорядник Любомир Сенік. - Львів: Інститут українознавства ім. І.Крип'якевича НАН України, 1999, - 208 с.
3. Щоголев Яків. Твори. Держвидав. - К., 1961, - 356 с.
4. Хижняк З.І., Маньківський В.К. Історія Києво-Могилянської академії. К.: Вид.дім «КМ Академія», 2003, - 184 с. іл.

* До речі, Григорій Антонович Нудьга теж був нашим земляком. Він народився в козацькій сім'ї в селі Артюхівка, нині Роменського району Сумської області.

И. А. Шудрик

**Жизнь, духовное наследие и мученическая смерть
профессора, протоиерея Николая Стеллецкого
(к 95-летию его трагической гибели)**

При исследовании харьковского богословско-философского журнала «Вера и Разум» (1884-1917 гг.) автору этой статьи посчастливилось ознакомиться с интересными публикациями харьковского священника Николая Стеллецкого. Однако сведения об авторе были ограничены. Я начал поиски сведений о биографии автора. Из материалов Императорского Харьковского университета удалось узнать, что Николай Стеллецкий был протоиереем, профессором на кафедре богословия.

В статье харьковского историка Александра Зинухова «Комендант Саенко», помещенной в спецвыпуске журнала «Клио» [4, с.32-47], среди заложников, вывезенных большевиками из Харькова летом 1919 г. в г. Сумы, значился «Стеллецкий Николай Семенович (профессор, протоиерей)».

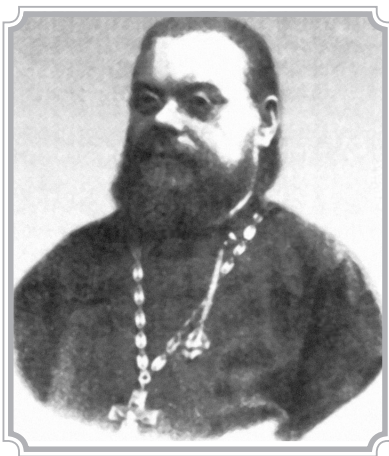
В трехтомнике «Христианство», изданном в Москве в 1995 г., я нашел имя Николая Стеллецкого с короткой справкой о нем: «духовный писатель, священник..., захвачен большевиками в качестве «заложника» и убит летом 1919 г.». [7, с. 632].

В процессе дальнейших поисков удалось установить, что Николай Семенович Стеллецкий родился в 1862 г. в семье священника слободы Мурафа Богодуховского уезда Харьковской губернии (ныне – Краснокутского района). Окончил Харьковскую духовную семинарию*, затем, в 1888 г., – Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Н. Стеллецкий был оставлен в КДА в качестве стипендиата, для подготовки к профессорскому званию. Однако профессором академии ему стать не пришлось за отсутствием на кафедре вакансии по его специальности. Приняв сан священника, он начал пастырскую деятельность в Киевской Набережно-Никольской церкви, одновременно состоял законоучителем в лучших киевских гимназиях. В течение ряда лет был цензором журнала «Юго-Западная школа» [1, 1915, т. 1, с. 109-110].

После защиты диссертации протоиерей Н. Стеллецкий в 1893 г. был ут-

* Курс в Харьковской семинарии Н. С. Стеллецкий окончил в одно время с А. М. Юшковым, которого руководство семинарии направило в Петербургскую духовную академию. В 1909-1916 гг. он был ректором ХДС и редактором журнала «Вера и Разум». Судьба вновь свела друзей-однокурсников по месту службы в Харькове.

вержден Священным Синодом в степени магистра богословия. Спустя три года он получил назначение в Киевский Софийский собор. В 1909 г. был назначен профессором и зав. кафедрой богословия Императорского Харьковского университета. Одновременно он выполнял обязанности: протоиерея Антониевской университетской церкви, профессора богословия высших женских курсов, женского мединститута, высших коммерческих курсов и Коммерческого института. В течение четырех лет проф. Стеллецкий занимал видную и почетную должность председателя Совета Харьковского епархиального женского училища [6, 9].

*Портрет профессора, протоиерея
Николая Стеллецкого, 1914 г.*

Русский историк, журналист, общественный деятель Сергей Мельгунов, высланный из страны в октябре 1922 г. вместе с большой группой научной интеллигенции, в 1923 г. издал в Берлине книгу «Красный террор в России: 1918-1923 гг.» (впервые переиздана в Москве в 1990 г. [3]. В ней описана деятельность коменданта Харьковской ЧК Саенко, непосредственно причастного к аресту и гибели Николая Стеллецкого.

В Харьковском областном госархиве хранится т.н. «Дело о заложниках», из которого явствует, что среди 38 заложников, вывезенных 24 июня 1919 г. из Харьковского (кстати, первого в стране) концлагеря Губчека (который был в распоряжении Саенко), в списках имеется и фамилия протоиерея Николая Семеновича Стеллецкого, арестованного 19 июня по распоряжению некоего Заборенко.

2 июля 1919 г. 27 заложников из харьковской группы в Сумах подписали заявление на имя деникинского военного коменданта г. Харькова, в котором сообщали, что их отправляют в г. Орел, и просили не чинить насилия и репрессий в городе, поскольку это «гибельно отразится и на нас, что уже и произошло на самом деле в Сумах со многими из заложников». Заявители просили произвести взаимный обмен заложниками, добавив при этом: «Судьба наша в Ваших руках!» [2, л. 2]. Среди подписавших заявление была подпись профессора, протоиерея Н. Стеллецкого. Кроме того, в деле также имеются датированные 2 июля письма заложников родственникам с просьбами аналогичного содержания. Среди них и письмо проф. Стеллецкого, адресованное жене и двум дочерям, в котором он сообщает, что «... пока жив и здоров, хотя и не совсем» (слово «пока» подчеркнуто – И.Ш.), как бы предвидя свою скорую трагическую гибель. Поэтому и добавил: «Мое вам благословение и привет» [2, л. 66].

Саенко и его отрядом особого назначения в Сумах были казнены 22 человека. В сводке от 17 августа 1919 г. о злодеяниях и беззакониях большевиков, подготовленной Отделом пропаганды особого совещания при Главнокомандующем Деникинской армией, отмечается, что в Сумах при раскопках могил, в которых были зарыты жертвы большевистского красного террора, тела харьковских заложников найдены в могиле № 1 на высоком холме, вблизи от вокзала. При осмотре жертв оказалось, что большинство их погибло от сабельных ударов и лишь немногие – от огнестрельных ранений в затылочную часть головы. В могиле №1 найдено около 10 бесформенных трупов; у пяти – головы совершенно отделены от туловищ, отрублены руки и ноги [4, с. 104]. Позже Н. Стеллецкий был зверски замучен в Орле.

А теперь возвратимся к анализу творчества нашего героя. Наряду с пастырской и преподавательской работой Николай Стеллецкий занимался активной научной деятельностью. Профессор Харьковского университета И.А. Бродович назвал Н. Стеллецкого «истинным тружеником науки», который богословию «предан в высшей степени» [1, 1915, т.1, с.110-111, 120]. За 30 лет деятельности проф. Стеллецким опубликовано более 40 работ по богословию, истории Церкви, философии, истории литературы. Еще будучи рядовым священником, в 1892 г. в Киеве он издает книгу по теме своей будущей магистерской диссертации «Брак у древних евреев» (392 стр.), в журнале «Вера и Разум» в 1893 г. публикует статью «К вопросу о падших в римской и североафриканской Церквях в 3-м веке». К 100-летию со дня смерти Г. Сковороды в 1894 г. в «Трудах Киевской духовной академии» он публикует одно из первых исследований о жизни и творчестве нашего земляка: «Странствующий украинский философ Григорий Саввич Сковорода», которое затем вышло и отдельным изданием. В 1894 г. и в 1902 г. в Харькове он издает свое исследование о Хорошевском Вознесенском девичьем монастыре, а в 1914 г. – о Дмитриевском Ряснянском монастыре. В журнале «Вера и Разум» в 1894 г. он публикует историческую справку о Каплуновской Божией Матери Чудотворном образе, который по повелению Петра I был перенесен на театр Полтавской битвы. В составе комиссии Н. Стеллецкий готовит и публикует в «Вере и Разуме» отчеты о состоянии Харьковского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении. В 1895 г. в этом же журнале он публикует большое научное исследование «Харьковский коллегиум до преобразования в 1817 г.», вышедшее в том же году в Харькове отдельным изданием (219 стр.). В сочинении Н. Стеллецкий впервые подробно рассматривает историю создания Харьковского коллегиума, постановку учебно-воспитательного процесса, значение его, подчеркивая при этом, что «уже в 30-х годах XVIII ст. Харьковский коллегиум, как учебное заведение, составил гордость не только так называемой Слободской Украины, но и России» [1, 1895, т.1, ч.1, с. 644]. Автор отмечает «всесословный характер коллегиума».

В 1897 г. Н. Стеллецкий в Киеве издает работу «Протоиерей А.А. Самборский – законоучитель императора Александра I». В этом же году в журнале

«Церковно-приходская школа» он публикует исследование «О значении Киева как религиозного центра православной России», которое вскоре выходит отдельным изданием. В 1898 г. в Киеве опубликована его работа «Значение Церкви и ее школы в решении вопроса о всеобщем образовании». В «Трудах Киевской Духовной академии» в 1899 г. Н. Стеллецкий публикует работу «Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность». Эта работа в 1901 г. выходит в Киеве отдельным изданием (314 стр.). В ней рассказывается о жизни и деятельности князя Голицына, одного из самых видных церковно-государственных деятелей первой четверти XIX ст., обер-прокурора Священного Синода, президента Российского Библейского общества, министра духовных дел и народного просвещения.

В 1901 г. в Киеве выходит работа Н. Стеллецкого «Очерк нравственно-христианского нравоведения», о которой авторитетный богослов, архиепископ Харьковский Амвросий отзывался так: «прекрасный труд, по краткости и простоте изложения и по внутреннему содержанию» [1, 1915, т. I, с. 113]. А в 1902 г. проф. Стеллецкий публикует работу «Религиозно-нравственное мирозерцание Гоголя» («Труды Киевской духовной академии»).

В начале XX в. Н. Стеллецкий активно печатается в обсуждении вопроса о целесообразности реформы богословия в России. В 1909 г. в журнале «Вера и Разум» по этой проблеме он публикует статью «К вопросу о методологической реформе русского богословия». В этом же году в Киеве он издает книгу «Современное декадентство и христианство» (322 стр.). В работе Н. Стеллецкий дает критическую оценку и раскрывает культурно-исторический смысл декадентства: во Франции (Бодлер, Метерлинк и др.), Германии (Вернер, Ницше), в Норвегии (Ибсен), Польше (Пжибышевский), в России (Достоевский, Толстой — предтечи декадентства, затем: Минский, Мережковский, Гиппиус-Мережковская, Сологуб, Добролюбов, Брюсов, Горький, Андреев и др.). Во второй главе автор дает обстоятельную оценку декадентства, последовательно останавливаясь на всех сферах его влияния: поэзии, философии, морали и религии.

В 1911 г. в «Вере и Разуме» Н. Стеллецкий публикует статью «Дуэль, ее история и критическая оценка с научно-богословской точки зрения». Автор доказывает, что дуэль, столь распространенная в военной среде и даже допускаемая членами Государственной Думы, является остатком языческой старины. Н. Стеллецкий опровергает выставляемые в защиту дуэли доводы и раскрывает христианский взгляд на честь. По его мнению, исходя из христианского вероучения, честь не может быть защищаема смертоносным оружием.

В конце XIX — начале XX ст. в Российскую империю из Западной Европы настойчиво проникают идеи социализма, которые будоражат умы различных слоев населения, в частности, многих верующих и даже некоторых семинаристов. Эти идеи представляют реальную угрозу для государственного строя и для его идеологической опоры — Православной Церкви.

В активную теоретическую борьбу с социалистическими идеями вступает Харьковский журнал «Вера и Разум», его авторы, в частности, и Н. Стел-

лекций. Еще в 1904-1905 годах в «Трудах Киевской духовной академии» он публикует статью «Социализм – его история и критическая оценка с христианской точки зрения», которая в 1905 г. в Киеве выходит отдельным изданием (171 стр.).

В течение 1911-1912 гг. в журнале «Вера и Разум» Н. Стеллецкий публикует серию статей по критике теоретических основ социалистического учения, предостерегая общество о возможных негативных последствиях в случае реализации их на практике. Среди них: «Социалистические обвинения христианства в неосуществлении им своих обещаний относительно обеспечения людей земным благополучием», «Социализм требует уничтожения неравенства человеческого состояния», «Отрицательное отношение социализма к частной собственности или социалистический коммунизм», «Политический радикализм социализма», «Революционный характер социализма», «Общие заключительные замечания о социализме и общие меры мирной борьбы с ним» и др. В 1912 г. эта серия статей под общим названием «Новейший социализм и христианство» выходит в Харькове отдельным изданием (170 стр.).

Автор отмечает, что в 40-60-х годах XIX ст. на Западе возникло учение Карла Маркса, получившее название «научного социализма», и распространилось довольно быстро и широко не только в Западной Европе, но и в России. Возражая попыткам сближения социализма и христианства, Н. Стеллецкий заявляет, что социализм является «естественным соперником и противником христианства» [5, с. 3]. Ссылаясь на зарубежных и русских авторов, Н. Стеллецкий предупреждает о «разрушительных последствиях» реализации идей социализма на практике. На Западе социалистическое учение осудили многие ученые, Католическая и Протестантская Церкви. Автор считает, что наступило время «...энергично выступить и нашей православной Церкви на борьбу с этим злом, широкою волною залившим все наше общество» [5, с. 5-6].

Н. Стеллецкий отмечает, что характерной чертой новейшего социализма есть «последовательный материализм и атеизм, идущие от Фейербаха, от его произведения «Сущность христианства» [5, с. 6]. Причины вражды социалистов и религии, по мнению автора, коренятся во французской революции и ее вдохновительнице – философии XVIII века. Враждебное отношение к религии в целом новейший социализм переносит и на христианство. Представляет интерес объяснение Н. Стеллецким причин непримиримой борьбы новейшего социализма с религией и Церковью. Он считает, что социализм стремится «...в конце концов уничтожить христианство какой-либо новою религиею», «...в целях наиболее успешного проникновения социалистического учения в душу народной массы» [5, с. 23-28].

Автор показывает невозможность реализации требования социалистов «...действительного равноправия всех людей и во всех отношениях...» [5, с. 73]. Далее автор раскрывает иллюзорность «осуществления равенства человеческих состояний и тесно связанного с ним всеобщего материального благосостояния... в так называемой коммуне, и в ликвидации частной собственности,

на чем настаивал «наш покойный Л. Н. Толстой, разделявший многие принципы социализма». [5, с. 92-93].

В статье «Политический радикализм» Н. Стеллецкий критикует социалистическое учение, ориентированное на ликвидацию частной собственности и государства. Заодно он подвергает критике и учение Л.Н. Толстого, направленное на уничтожение существующего государственного строя в России. Корни этого учения автор усматривает в анархистских теориях Прудона, Макса Штирнера, Бакунина, Кропоткина и в действиях французских революционеров.

Профессор полемизирует с марксистской теорией происхождения и сущности государства, изложенной в работе Энгельса «Происхождение семьи (в тексте «фамилии» – И.Ш.), частной собственности и государства», фактически поддерживает теорию общественного договора. Автор считает: «Государство есть выражение от природы присущей человеку идеи власти. Оно есть порождение общечеловеческого практического разума, одинаково признаваемое за силу, способную охранять человеческое общество от врагов внешних и внутренних» [1, 1912, № 5, кн. 1, с. 586-587]. Далее Н. Стеллецкий поддерживает точку зрения представителей христианской Церкви, которые считают, что глубочайшей причиной возникновения государства является «греховная испорченность людей, которая делает невозможную общественную жизнь без принудительной силы закона» [1, 1912, № 5, кн. 1, с. 587]. А эта точка зрения, как известно, основана на библейском учении о природной греховности людей.

Н. Стеллецкий выражает свое несогласие с утверждениями марксистов о «полном исчезновении государства в будущем...» Автор считает, что Л. Толстой своими работами «Царство Божие внутри нас», «Патриотизм и христианство», «Рабство нашего времени», «Где выход?» и др. предпринял «самый сильный опустошительный поход против основных устоев существующего строя государственной жизни» в России [1, 1912, № 5, кн. 1, с. 591].

В статье «Революционный характер социализма» Н. Стелецкий полемизирует с социалистами, выступающими против собственности, государства и религии, которые «...не хотят оставить камня на камне в нынешнем социально-политическом здании» и стремятся «пересоздать его от основания до верха» [1, 1912, № 6, кн. 2, с. 728]. Средства для реализации этой цели социалисты находят в революции, т.е. «насильственном ниспровержении законно существующего общественного строя». Н. Стеллецкий ссылается на произведение профессора философии Пражского университета Масарика (который с 1918 до 1935 г. был первым президентом Чехословацкой республики – И.Ш.) «Революция или эволюция?», изданное в Санкт-Петербурге в 1906 г., где отмечает, что Маркс надеется «пересоздать» людей «революционным терроризмом, как единственным и простейшим средством». Для подтверждения выше сказанного Н. Стеллецкий ссылается на «Эрфуртскую программу», которая «...прямо призывает к насильственному ниспровержению существующего строя» [1, 1912, № 6, кн. 2, с. 728]. Далее автор приводит слова из «Марсельезы», которую распевают социалисты, прославляя насилие.

Н. Стеллецкий считает, что «социализм и революционизм родные братья», ссылаясь на героев французской революции, которые были социалистами или коммунистами (Мирабо, Робеспьер, Сен-Жюст). Они «следовали тому же революционному началу возмущения и разрушения, что и Бабеф. По мнению автора статьи, социализм стремится распространить в народных массах всеобщее раздражение, озлобление и недовольство, чтобы при помощи их ниспровергнуть существующий порядок вещей и на развалинах разрушенного создать новый, «лучший» порядок общественных отношений. При этом революционная агитация социалистов сводится к лозунгу: «Чем хуже, тем лучше». Н. Стеллецкий считает, что последователи этого «фанатического учения... готовы пролить потоки человеческой крови и сделать несчастными целые поколения людей, чтобы достигнуть результатов» [1, 1912, № 6, кн. 2, с. 729]. Ссылаясь на Священное Писание, Н. Стеллецкий считает, что единственным средством против насилия является любовь: «Только чувством любви и кротости можно преодолеть обнаруженную ненависть» [1, 1912, № 6, кн. 2, с. 730].

Автор показывает несостоятельность тех социалистов, которые пытаются найти общее между социализмом и первоначальным христианством. Первым христианам не было свойственно «противопоставление силы силе», в первые века своего существования христианство показывало, «что любовь есть самое лучшее и верное средство против вражды и насилия». Христианство по самому существу своему не может допустить насильственных и грубых мер. Всякое возмущение против существующего общественного строя, носящее характер «революционного движения, оно осуждает как беззаконие». [1, 1912, № 6, кн. 2, с. 731].

Н. Стеллецкий выражает сомнение в том, что люди, привыкшие все ниспровергать и разрушать, могут быть «строителями всеобщего счастья». Такие «непризнанные рачители общего благополучия» оказывались «жестокими тиранами и деспотами», когда им удавалось хоть на короткое время захватывать власть в свои руки. Для подтверждения этого тезиса он вспоминает о «революционном терроре во Франции в конце XVIII века или суровом образе действия вождей парижской коммуны (1871 г.), желавший установить социально-демократический режим». Автор статьи утверждает, что насилие, как «временная мера», о которой говорят социалисты и «современные марксисты», впоследствии может превратиться в «самую сущность этого учения». Н. Стеллецкий отмечает, что в многочисленных произведениях нашей литературы, «во главе которых стоят сочинения Максима Горького, известного популяризатора марксистских и ницшеанских идей», пропагандируется насилие. При этом он приводит пример горьковского «буревестника», который «жаждет бури и борьбы».

Говоря о противоречиях христианства с марксизмом, Н. Стеллецкий считает, что основным законом человеческого развития является не «борьба с ближним», а, напротив, «стремление к взаимному согласию, взаимодействию». Христианский взгляд на эту проблему автор проиллюстрировал пре-

красными стихами французского поэта-философа Гюйо, в которых речь идет о взаимосвязях в мире, о необходимости равенства для всех людей.

Полемизируя с марксистами, Н. Стеллецкий отрицает тезис марксизма о «необходимости постоянной борьбы между людьми, в которой нет никакой пощады слабому». Ссылаясь на христианское учение, автор считает, что залогом всякого истинного развития является не борьба, а «стремление к солидарности»: «... только христианство, призывающее всех нас к миру и единению, взаимной уступчивости и состраданию, провозглашает действительно основной закон человеческой жизни, под охраной которого только и «возможна плодотворная деятельность на пути к достижению истинного блага человечества!» [1, 1912, № 6, кн. 2, с. 737].

Выражая несогласие с теорией марксизма, Н. Стеллецкий, ссылаясь на статью епископа Платона «Христианство и социализм» из «Трудов Киевской Духовной Академии» (1909, № 11, с. 331), считает, что бороться следует не с врагами, не с ближними, а с самим собой, со своим внутренним врагом, со своей злой волей и чувственной греховной похотью. Н. Стеллецкий считает, что классовая борьба, которую проповедуют марксисты, приведет не к общественному благополучию, а к «...еще более ужасной нищете и рабству – с одной стороны, сказочному богатству и дикому произволу – с другой ...» [1, 1912, № 6, кн. 2, с. 739].

В статье «Общие заключительные замечания о социализме и общие же меры мирной борьбы с ним» Н. Стеллецкий, полемизируя с «новым социализмом», называя его «новой атеистически-материалистической религией», намечает меры «мирной борьбы с этим социально-экономическим злом». По его мнению, социализм во всех известных его проявлениях преподносит людям завернутую в оболочку правды «великую ложь». Автор согласен с отцом С. Булгаковым, что «между христианством и социализмом существует полная и враждебная противоположность».

Н. Стеллецкий, раскрывая пропагандистские методы социалистов, отмечает, что «под покровом христианского учения им удобнее привлекать к себе простодушных и неопытных людей». Автор делает вывод, что «социализм не больше, как несбыточная утопия». Ссылаясь на книгу Фредерика Миллера «Социализм, это падение и опасности», изданную в Лондоне в 1907 г., он отмечает: «...все доселе бывшие попытки переустройства общества на социалистических началах оказались неудачными».

Н. Стеллецкий признает, что «...увлечение социализмом в настоящее время огромное и есть явление модное». В связи с этим автор считает: «Ввиду сильного роста социалистического движения надлежит нам вступить в мирную борьбу с этим общественным злом» [1, 1912, № 7, кн. 1, с. 51]. При этом он ссылается на положительный опыт Германии и Англии, где сумели значительно ограничить влияние социалистических идей благодаря социальным реформам. Он делает вывод: «Нам необходимо последовать их примеру, и чем скорее, тем лучше. Есть еще надежда избежать грозной опасности, если

теперь же серьезно взяться за дело социальных реформ». Профессор считает, что социальная реформа «...должна обеспечить самому последнему рабочему естественные права на семейное счастье. Жены рабочих не должны, во вредных условиях фабричной жизни, терять облик матери семейства, дочери должны быть спасены от проституции, а сыновья от хулиганства. Желательно при этом, чтобы сам рабочий не только получал достаточный заработок, но также, чтобы обращалось должное внимание на его жизнь и здоровье и чтобы не обременяли его непосильной работой. Имущие должны обращаться с ним не только справедливо, но и оказывать ему внимание и уважение. Наконец, рабочий должен быть уверен, что в случае старости, болезни или другого какого-либо несчастья, он не будет выброшен на улицу» [1, 1912, № 7, кн. 1, с. 23].

Н. Стеллецкий приводит положительные примеры стран Запада, где на христианских основах возникли различные кооперативные учреждения, сплотившие разрозненные силы рабочих и крестьян в союзы, товарищества и синдикаты. По мнению автора, эти учреждения способствовали социально-экономическому и нравственному возрождению рабочего класса и во многих государствах Европы оградили его от социалистических учений. Н. Стеллецкий считает, что залогом успеха вышеуказанных учреждений является верность их «исключительно профессиональным идеям». Эти учреждения «...прочны и живучи, поскольку далеки от политики и религиозных распрей». С плодотворной деятельностью этих кооперативных учреждений автор статьи предлагает ознакомиться по книге В.К. Саблера «О мирной борьбе с социализмом», т. II, изданной в Санкт-Петербурге в 1908 г.

Успехи социализма, по мнению Н. Стеллецкого, в значительной степени зависят от «...несовершенства социального законодательства», тяжелых условий труда, жизни рабочих, крайней скудости вознаграждения за труд и бессердечности эксплуатации рабочих богатыми капиталистами. Автор считает, что «только когда фабричное дело урегулируется изданием законов, нормирующих труд рабочего и предохраняющих его от всякой эксплуатации и т.д., тогда лишь можно будет ожидать, что острые социальные конфликты значительно сгладятся, и станет возможной более или менее мирная жизнь общества» [1, 1912, № 7, кн.1, с. 54].

Но самое важное и неотложное в социальной реформе Н. Стеллецкий видит в «возрождении и обновлении в христианских обществах евангельского духа и евангельских понятий, столь ненавистных социалистам».

Несмотря на то, что Н. Стеллецкий призывал к «мирной борьбе» с социализмом, новая социалистическая власть обошлась с ним далеко не мирно. Он был арестован и зверски замучен большевистским режимом.

7 декабря 1914 г. общественность Харькова отмечала 25-летие служебной, пастырской и педагогической деятельности профессора богословия, протоиерея Антониевской университетской церкви Н.С. Стеллецкого [6; 9]. В этой же церкви архиепископ Антоний (Храповицкий) в сослужении юбиляра, ректора духовной семинарии, протоиерея А. Юшкова и др. лиц совершил Божествен-

ную «литургию, по окончании которой состоялось чествование проф. Н. Стеллецкого. Первым юбиляра от имени причта университетского храма приветствовал протоиерей И. Инноков. Юбиляру был подарен образ св. Николая Чудотворца и памятный адрес. От имени университета проф. Поляков поднес икону Спасителя. Затем юбиляра приветствовали: ректор университета, проф. И. В. Нетушил, архиепископ Антоний, ректор ХДС, протоиерей А. Юшков, член Государственного Совета, Д. И. Багaley, представители высших женских курсов, женского медицинского института, высших коммерческих курсов, были оглашены многочисленные приветственные телеграммы в адрес юбиляра.

Пастырская и преподавательская деятельность Н. Стеллецкого получила высокую оценку. В киевский период он был награжден набедренником (1890 г.), скуфией (1893 г.) и орденом Святой Анны III степени (1908 г.), а в харьковский период – орденом Святой Анны II степени (1912 г.) [2, ф. 40, оп. 99, д. 907, л. 35].

Многолетний опыт пастырской и преподавательской деятельности, в частности, и в Харьковском университете на кафедре богословия, профессор, протоиерей Н. Стеллецкий решил обобщить в трехтомнике своих трудов. Сперва он был опубликован на страницах «Веры и Разума», а в 1914 г. в Харькове выходит 1-й том его работы «Опыт нравственного православного богословия в апологетическом освещении» (500 стр.). Этот том был представлен автором в совет Киевской Духовной академии для получения степени доктора богословия. В него входит, кроме предисловия и введения, большой отдел о внутренней сущности нравственности вообще и об общих началах христианской нравственности.

Во введении раскрывается сущность науки о нравственности, выясняются взаимные отношения между нравственностью и религией, нравственностью и правом, правом и религией, определяется отношение нравственного богословия к богословию догматическому и к нравственной философии, а также практическое значение нравственного богословия. Далее предлагается исторический очерк науки, рассматриваются источники науки, ее метод и разделение. В главной части труда речь идет о свободе воли, о естественном нравственном законе, о совести, о недостаточности естественного нравственного закона, о проявлениях нравственности вне христианства, в частности, в языческих религиях. Далее анализируются представления о нравственности различных философских направлений: деизма, пантеизма и материализма, а также так называемые «научные» теории нравственности (мораль евдемонизма или утилитаризма, этический эволюционизм, эволюционно-монистическая этика, моральные системы сенсуализма, моральная концепция Канта, этика современного индивидуализма). Однако автор считает, что христианская нравственность является высшей формой нравственности, что главным началом христианской нравственности является любовь. Далее анализируется христианское учение о добродетели, о грехе, о жизни Иисуса Христа как образце и примере нравственной жизни. В заключении речь идет о благодати Божией как силе, по-

могающей нравственному усовершенствованию человека. В 1916 г. выходит в свет II-й том, в котором излагается учение о личной или индивидуальной нравственности. Третьему тому, в котором Н. Стеллецкий намеревался раскрыть учение об общественной нравственности, не суждено было выйти в свет, поскольку вскоре разразились революционные события. Однако в журнале «Вера и Разум» за 1916 и 1917 гг. в основном был опубликован материал для третьего тома. Характерной особенностью этого капитального труда, который, к сожалению, остался незаконченным, является его апологетический характер. Автор стремится научно защитить христианское нравоучение. Он берет под защиту те его пункты, которые являются предметом спора и критики. Этот труд стал весомым вкладом в православную богословскую науку и даже сейчас не утратил своей актуальности. Он может быть использован теми, кто занимается нравственным богословием, а также светскими лицами, интересующимися вопросами этики. Профессор Н. Стеллецкий во многих предсказаниях оказался прав. То, о чем он предостерегал, к сожалению, свершилось.

Жизнь и творчество профессора, протоиерея Н. Стеллецкого является яркой страницей в истории духовной жизни Украины, Слободского края. Его морально-духовное наследие заслуживает углубленного исследования. Поэтому необходимо изучать теоретические исследования Н. Стеллецкого, и важно сохранить память о его мученической смерти, как и о других пострадавших священниках и мирянах.

Богословский, жизненный путь и мученическая смерть отца Николая Стеллецкого служит нам сегодня уроком и предостережением.

Харьковской епархией УПЦ поставлен вопрос о канонизации Н. С. Стеллецкого как священномученика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вера и Разум. Богословско-философский журнал. – Харьков, 1884-1917 гг.
2. Государственный архив Харьковской области, ф. р-203, оп. 3, ед. хран. 43.
3. Мельгунов С. П. Красный террор в России: 1918-1923. – М.: СП. «PUICO», «PS», 1990. – 207 с.
4. Провинциальная ЧеКа (сборник статей и материалов). – Харьков, 1994. – 119 с.
5. Стеллецкий Н. Новейший социализм и христианство (Проф.-протоиерей). – Харьков, Типография «Мирный труд», 1912.
6. Харьковские губернские ведомости. 1914, 26 июня, 16 ноября.
7. Христианство. Энциклопедический словарь. В 3-х томах, т. II. – М., 1995.
8. Центральный государственный архив Украины. Фонд 127. Оп. 1011. Д. 1734. Л. 10-11.
9. Южный край. 1914, 7 декабря

До 70-річчя

Матвейшина Галина Владимировна

Родилась 5 марта 1942 г. в семье гидростроителей.

В 1943 г., после освобождения разрушенного войной Донбасса, моего отца Маркова Владимира Никитовича, направили, как и др. специалистов, на восстановление водоснабжения городов и сел Юго-Востока Украины: строительство больших и малых плотин, водоканал Северский Донец – Донбасс. Наконец, большая вода, питьевая и техническая, была необходима Харькову – плотины Печенежская, Вяловская.

В 1959 г. наша семья переехала в Харьков, где я закончила 9-10 класс СШ № 114. В связи со спецификой работы родителей эта школа для меня была восьмой за десять лет. А, главное, рядом с домом. Как правило, дети гидростроителей учились в школах ближайшего населенного пункта, в любую погоду покрывая в одну сторону 4-5 км.

Многие выпускники нашей школы избрали учебу в ХГУ под влиянием учителя русской литературы Шпалинского Владислава Викторовича (после окончания аспирантуры МГУ будущий профессор психологии педуниверситета им. Сковороды).

Выходец из семьи педагогов, он был примером учителя, которого в те годы так не доставало ученикам нашей школы. Прекрасно зная литературный процесс минувших эпох и современной литературы, он постоянно нас «дремучих» образовывал. Излагал невероятно интересно. Его литературные речи были великолепны. Их содержание, для нас школьников, было новым и увлекательным. Атмосфера, которую он приносил в учебно-воспитательную жизнь школы, формировала интерес, помогала осознавать себя в контексте времени, улавливать пульс интеллектуальной жизни Харькова 60-х годов.

В то время Харьков жил особой интеллектуальной жизнью. Встречи с харьковской и приезжей творческой интеллигенцией, словно живой родник питали наши мысли и чувства, заполняли ежевечернюю жизнь разновозрастных харьковчан, определяли стиль их жизни.

Окончив филфак университета им. А. М. Горького (теперь им. В. Н. Каразина), я работала более 20 лет редактором, старшим редактором отдела пропаганды и рекламы книги (пропаганда книги в магазинах-клубах Харькова и области, организация книжных праздников, пропаганда книги в средствах массовой информации: «Красное знамя», «Вечірній Харків» «Соціалістична Харківщина», «Ленінська зміна»).

Все годы была внештатным корреспондентом областного радио и телевидения, о чем имею Почетные грамоты областного телерадиокомитета за подготовку материалов и участие (1983, 1984 гг.).

На общественных началах была секретарем «Клуба книголюбов» при Харьковском Центральном лектории. Клубом руководил старейший книголюб и библиофил Исаак Яковлевич Каганов.

В 1992 г. была принята на работу в библиотеку им. В. Г. Короленко. Зав. сектором книгообмена работала до пенсионного возраста, затем ст. библиотекарем. В библиотеке проработала 15 лет.

В 2006 г. была принята в Торгово-экономический колледж на должность зав. музеем Харьковской областной потребительской кооперации. Состояла членом редколлегии журнала «Кооператор Харківщини» вплоть до его закрытия в сентябре 2012 г.

Сфера моих интересов краеведение: история кооперации и история кооперативного образования. По данной тематике опубликовано более 20 материалов.

Г. В. МАТВЕЙШИНА

КОММУНАЛЬНЫЙ РЫНОК

В музее Облпотребкооперации при торгово-экономическом колледже редкий посетитель пройдет мимо фото здания Крытого рынка с очертаниями поверженного колосса, разрушенного в годы военного лихолетья. Крытый рынок был восстановлен в 1952 году, а в мае 1985 г. передан в собственность областной кооперации. У него своя история.

Трудно представить, что в начале XIX века площадь нынешнего Коммунального рынка являла собой обширный остров, образованный двумя рукавами реки Лопань. Они расходились у нынешнего Бурсацкого моста и соединялись в одно русло у Резниковского переуллка.

Рукав реки Лопань, прилегающий к Панасовке, постепенно мелел, превратившись в болотистый полуостров, заросший камышом – Дунинскую леваду, по имени хозяина земли.

В 1834 году Дунинская левада (по другим источникам Пискуновская левада) была приобретена городом, а в 1840 году сюда перевели базар, располагавшийся ранее вокруг Благовещенской церкви. Рынок получил название «Благовещенский».

В 60-70-х годах XIX века городские власти осуществляли перепланировку базара. Рыночную площадку расчистили, подсыпали, частично замостили, связали мостом через реку с центральной частью города, сделав торговую часть доступной населению. Благовещенский рынок стал центральной торговой базой для горожан и иногородних участников Покровских и Крещенских ярмарок.

В последней четверти XIX века административно-чиновничий Харьков приобретает черты крупного торгово-промышленного города. Быстрый рост торговли и промышленности, железнодорожное строительство, развитие науки, возведение ряда новых сооружений обеспечили городу своеобразие и широкую известность (городской Купеческий банк – первый по времени основания и наиболее успешный муниципальный банк в Украине, Ломбард, большую прибыль в казну приносила электростанция – первая в Российской империи. И др. начинания).

В период 1898-1912 г.г. должность Харьковского городского головы занимал Александр Константинович Погорелко, возглавивший Харьковское городское общественное управление. Его деятельность современники именовали «эпохой Погорелко».

В прошлом – студент Харьковского университета. Научная деятельность в стенах университета, Технологического (политехнического) института в лице известного профессора физики. Многолетняя общественная деятельность – традиция быть полезным обществу, заложенная в 60-х годах прогрессивной интеллигенцией Харькова, имела продолжение к началу XX века. С единомышленниками добивается самостоятельности городского самоуправления, укрепления его финансовой базы. На практике – это самостоятельное ведение экономики города, сохранение общественного управления основными отраслями городского хозяйства. За время пребывания Погорелко в должности городского головы бюджет города (его доходная часть) возрос с 1 871 822 руб. в 1900 г. до 5 174 215 руб. в 1912 г.: в условиях фактически отсутствующей инфляции. В годы городского самоуправления была выработана своеобразная программа развития Харькова по европейскому образцу. Городской голова уделял большое внимание приумножению муниципальной собственности Харькова.

Именно городской голова был инициатором и сторонником возведения крытого рынка на крупнейшем базаре города – Благовещенском. Погорелко дважды был за границей. В 1878 г. университет командировал для повышения научной квалификации. В 1889 г. в длительной научной командировке.

Построить крытый рынок в Харькове – сооружение огромного здания с павильонами, холодильниками, электрическим освещением и прочим необходимым оборудованием – такие видел А.К. Погорелко в городах Гер-

мании – было его давней мечтой. Крытый рынок позволил бы упорядочить торговлю, сделать более действенным городской и полицейский контроль за соблюдением правил и качеством продуктов. Он, по мнению А. К. Погорелко, давал бы городской управе и новые способы борьбы с «героями Благовещенского базара», так именовал Александр Константинович спекулянтов, перекупщиков. Проект был детально разработан в последние годы пребывания Погорелко у руководства городским самоуправлением.

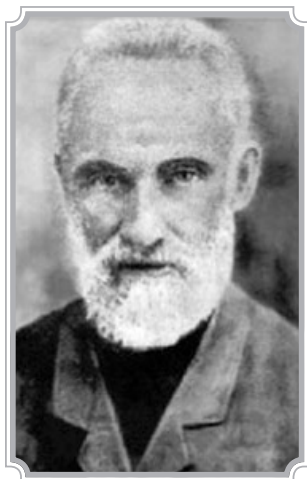
Летом 1912 г. в центре базарной площади началось строительство рынка павильонной системы по проекту архитектора И. И. Загоскина, закончившееся в 1914 году.

Открытие крытого рынка состоялось 15 сентября 1915 г. уже после смерти А. К. Погорелко.

Без малого сто лет мимо крытого рынка проносились трамваи, останавливаясь напротив центрального входа Крытого рынка, принимая и увозя потребителей. Трамвайную линию проложили в 1909 году.

Прошли десятилетия, сменились поколения, социальные эпохи. Осуществленная некогда мечта городского головы – А. К. Погорелко функционирует сегодня как некая фишка доверия потребителей к кооперации. Кооперация, задуманная изначально как альтернатива частнику, способна организовывать культуру обслуживания в пользу потребителя.

PER ASPERA AD ASTRA ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

Н.П. Баллин.

Начальный период народного просвещения в Харькове во многом обязан деятельности, воле, таланту отдельных личностей. Среди них общественный деятель, оставивший яркий след в истории просветительства Слобожанского края, петербуржец по рождению – Николай Петрович Баллин (1829 – 1904).

Более 40 лет, он активно откликался на проявления общественной жизни, был инициатором многих полезных начинаний в жизни нашего города.

По прошествии полутора столетий нелегко восстановить события прошлого времени, но еще труднее – деятельность отдельного человека.

В 60-х г. XIX в. общество стояло у порога великих перемен, за коренные преобразования всего социального строя. Остро стоял вопрос организации народного образования – комитетов грамотности, необходимость массового общественного образования. Создание общества грамотности в Харькове впервые было выдвинуто общественным деятелем Николаем Петровичем Баллиным. На это указывают архивные документы: «...первая мысль создания комитетов грамотности принадлежит Баллину и он уже намерен ее претворить в жизнь» (из доклада царю, следовательно князь О. Ф. Голицын).

В конце 50-х годов XIX в. Баллин пытается организовать комитет грамотности в г. Костроме и ведет активную переписку со своими харьковскими друзьями, убеждая их создать в Харькове общество грамотности для народа.

В 1860 г. чета Баллиных переезжает в губернский Харьков по ходатай-

ству известного художника-мариниста И. К. Айвазовского, который в свое время жил в доме родителей жены Баллина – Елены Степановны Рымаренко.

Просветительскую деятельность в Харькове Н. П. Баллин начинает во 2-й мужской гимназии при Харьковском университете. Общие интересы сближают его с молодым Николаем Бекетовым. Баллина особенно радует активность местной молодежи. Все общество Харькова делилось на сеть кружков. В каждом уездном городе организация литературных кружков была делом обычным, т. к. «литературные вопросы за невозможностью политических становились вопросами жизни». Наиболее влиятельным считался либеральный кружок проф. Д. И. Каченовского.

Баллин, имея опыт организации кружков, уходит в кружок более радикальной направленности. С его участием возникает клуб «Хороших людей». По другим источникам литературный «Клуб честных и благородных людей». Радикальность клуба состояла в том, что он сразу поднял вопрос о помощи народному образованию.

«Всю силу организации мы видели прежде всего и больше всего именно в пропаганде, исходя из ужасной темноты народной массы», — писал землеволец А. Слепцов.

В клубе зарождались идеи открытия библиотек, читален с целью воспитания нравственного, культурного и гражданского самосознания народных масс. На одном из заседаний было принято решение об открытии в Харькове бесплатных воскресных школ.

200 народных учителей по праздникам и воскресеньям обучали грамоте 1200 учеников из малоимущих слоев населения. Вчитаемся в оценку, данную неизвестным современником самому Баллину: «Это был тип действительно интеллигентного гражданина. Всесторонне образованный, он владел тремя иностранными языками; умную, сложную, ровную речь приятно было слушать».

Воскресные школы, организация книжных магазинов, читален, издание популярных дешевых книг являлись в то время формой деятельности общества «Земля и Воля». Беседы, встречи, дискуссии — удобное легальное прикрытие конспиративной деятельности землевольцев.

В 1862 г. воскресные школы решением правительства были неожиданно закрыты («Как необходимость срочных мер борьбы с угрозой революционного разрушения, приготавливаемого неумолимым старанием революционной пропаганды»).

Возникшая ситуация объединила просветительскую интеллигенцию Харькова. Учителя — общественники, трудившиеся на ниве народного просвещения, начали поиск новых форм просветительского движения. По этому поводу имеется замечание Николая Петровича: «Всем было ясно,

что дух просветительства не может быть остановлен, что возможно лишь усложнить те или иные формы его движения». Баллин с единомышленниками первым начал поиск новых форм просветительства. Он разработал Устав «Первого Харьковского Товарищества грамотности», – так назвал его Баллин.

Письмо, адресованное харьковскому губернатору с просьбой учредить Товарищество грамотности, подписали 150 учителей. Губернатором была наложена резолюция: «Я не встречаю со своей стороны препятствий...», и Устав был отправлен на утверждение в центральные органы администрации С-Петербурга. Не дожидаясь решения высокой инстанции, «Товарищество» развернуло просветительскую деятельность: оно просуществовало около 4–х лет, до запрета властями.

Уместно вспомнить цитату известного ученого-экономиста М.И. Туган-Барановского. Она как нельзя лучше отражает историю просветительского движения харьковского общества. «...Потребительские общества возникли, так сказать, попутно. Как Колумб не искал Америку, а искал Индию, так и первые кооператоры искали «нового нравственного мира», а нашли потребительские общества».

Очередной шаг харьковских просветителей – организация первого харьковского потребительского Товарищества (1866-1872).

В этот период в профессорско-преподавательскую среду Харьковского университета проникают идеи кооперации: теории Шарля Фурье и Роберта Оуэна. Об идеях заговорили с кафедр. Они пытались не только донести до слушателей идею кооперации, но совместно опробовать на практике, провозглашенную Оуэном и Фурье, идею разумной хозяйственности, справедливое объединение интересов, желающих работать для совместной пользы. Кооперация, это – новое прогрессивное движение, способное преобразовать общество мирным путем, не прибегая к насилию.

Инициатором его создания в Харькове выступила интеллигенция, в частности, профессура университета: Н.Н. Бекетов, Ф.М. Гарнич–Гарницкий (Председатель Товарищества), Е.С. Гордиенко, П. Ковалевский, А.А. Потебня, общественные деятели г. Харькова – Н.П. Баллин, В.С. Козлов, А.А. Бриллиантов. Н.П. Баллин был членом и секретарем Совета Правления.

Разработан и подан на утверждение Устав Товарищества (6 октября 1866 года).

29 октября состоялось учредительное собрание. Харьковское потребительское Товарищество вошло в историю наиболее крупным и деятельным потребительским обществом на юго-востоке края, имело определенные организационные формы: в свою деятельность ввело принципы Рочдельских пионеров 1844 г. (Англия).

Оно впервые высказало идею союзного объединения, международного кооперативного единства, а также было наглядным примером для 57 заявленных в ту пору товариществ периода «первой волны». Потребительское Товарищество положило начало народному движению – будущей кооперации в Украине.

Н.П. Баллин был его идейным вдохновителем, его взгляды отразились на практике потребительского Товарищества: «...на практической деятельности Товарищества я сосредоточил все свое внимание и заботу», – вспоминает он.

В 1869 г. Николай Петрович, имея опыт организации потребительского Товарищества в Харькове, едет в западную Европу для изучения кооперации Англии, Франции, Германии.

В этом же 1869 г. энтузиасты Харькова, обратившись к Николаю Петровичу, изучив его устав первого товарищества грамотности, внесли изменения в некоторые пункты нового устава «Товарищества распространения в народе грамотности», сделав его более конформистским. Устав на сей раз был утвержден центральной властью 24 марта 1869 г., что и положило начало деятельности этой просветительской организации. Она успешно работала до 1920 г. Общественники народного просвещения превратили Харьков в столицу российского просветительского движения, третью по счету после Москвы и Петербурга.

Трудно представить деятельность Н.П. Баллина в одной ипостаси». «Рыцарь без страха и упрека», «гордящийся званием кооператора и этим своим званием особенно дорожащий», – из отзывов современников. Николай Петрович до конца жизни был верен народному просвещению.

В брошюре, вышедшей в 1915 году, «Народный Дом, его задачи и общественное значение», профессор Д. И. Багaley писал: «Настоящий очерк был бы не полон, если бы в нем не были приведены хотя бы главные деятели, которым Харьковское «Общество грамотности» обязано своим существованием в течение свыше 35 лет. Кроме упомянутых Е. С. Гордиенко и Н. Н. Бекетова, в числе лиц, трудившихся в деле просвещения местного населения, мы встречаемся с именами Н. П. Баллина, П. Б. Лукьянова, профессоров А. Н. Стоянова, А. С. Лебедева, А. С. Брио.

Г.В. МАТВЕЙШИНА

ИСТОРИЯ КООПЕРАЦИИ В ЛИЦАХ АНЦИФЕРОВ А. Н.

А. Н. Анциферов.

У истоков первого Харьковского потребительского общества, положившего начало кооперативному движению в Украине, стояли известные люди XIX века – профессора Харьковского Императорского университета.

В начале XX века воплощение кооперативной идеи в жизнь продолжил профессор Харьковского университета Алексей Николаевич Анциферов (1867–1943 г.г.).

Его книги по истории кооперации собраны на цитаты, а мысли о кооперации современны и сегодня:

«Кооперация создает основу для пробуждения высших духовных интересов человека и человеческого общества, для развития того, что по праву может быть названо культурной жизнью человечества и его подлинным и прочным

прогрессом».

«Основной элемент кооперативной организации – самодеятельность – можно подменить и создать фальсифицированную кооперацию, но заметить ее и при отсутствии самодеятельности создать подлинную кооперацию – невозможно».

«Устав есть только формальная оболочка, которая должна быть наполнена живым содержанием».

«Нет ничего легче, как смять грубой рукой государственного вмешательства нежный побег кооперации, пока он не развился в мощное дерево».

Фамилия Анциферов – довольно редкая. Поэтому не трудно выделить ее из перечня имен, обозначенных в брошюре «Кооперативные – Счетоводные курсы за 1916 г.» – профессор Анциферов А. Н., предмет – «История и теория кооперации», хранящейся в музее колледжа.

А далее оказалось, А. Н. Анциферов – один из авторов кооперативного закона от 20 марта 1917 г.

Временное правительство России, утвердив кооперативный закон, «открыло шлюз» для широкого потока народного кооперативного движения. До этого, с мая 1897 г., предоставлялось право открывать потребительские общества только с разрешения губернатора, что служило тормозом для возникновения кооперативов.

Профессор Анциферов преподавал не только в Харьковском университете. В 20-х годах XX века он вел курс лекций «История и теория кооперации» в Институте народного хозяйства (так назывался до 1930 г. Харьковский национальный экономический университет).

Наши скудные сведения об ученом дополняют следующие факты:

Алексей Николаевич – из семьи преподавателей гимназии. После окончания Воронежской гимназии поступает на юридический факультет Императорского Московского Университета. По окончании учебы, в 1890 г. работает в земстве уездным и губернским гласным. В 1899 г. в звании Почетного Мирового Судьи отправляется в научную командировку в Германию.

Первую самостоятельную печатную работу посвящает проблеме «Аренда крестьянских душевых наделов в России». Анциферов А. Н. не случайно оказался в Харькове – родине первого потребительского Товарищества. Еще живы были пионеры начала кооперативного движения. С 1903 г. – приват-доцент Императорского Харьковского университета. После повторной научной поездки в Германию и Францию защищает магистерскую диссертацию «Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции» (1907 г.), получает должность экстраординарного профессора Харьковского университета на кафедре статистики: возглавляет статистико-экономический семинар юридического факультета.

С 1912 г. он – профессор Высших коммерческих курсов Харьковского коммерческого товарищества (вел курсы «истории и теории кооперации», «статистики», «кооперативный кредит»), профессор Харьковских высших женских курсов). Читает лекции по кооперации в Коммерческом институте и Народном Университете им. И. О. Шанявского в Москве.

Алексей Николаевич научную и преподавательскую деятельность сочетает с общественной, ставшей для Харьковской интеллигенции мерилом человека и гражданина. Он – активный деятель кооперативного движения, один из авторов устава Московского народного банка и член его Совета, гласный Харьковской городской думы, председатель ее финансовой ко-

миссии, Попечительского Совета Общественной библиотеки в Харькове (ныне им. Короленко), а также комитета содействия сельскохозяйственной кооперации и член комитета сельских сберегательно-заемных и промышленных товаров при Московском товариществе сельского хозяйства, член юридического товарищества при Харьковском университете, участник международных конгрессов кооператоров в Баден-Бадене и статистиков в Вене, Всероссийского съезда кооператоров в Киеве (1913 г.)

В 1917 году он возглавляет законодательную комиссию по разработке «Положения о кооперативных товариществах и союзах», принятое 20 марта 1917 г. В мае 1917 г. защищает докторскую диссертацию «Центральные банки кооперативного кредита».

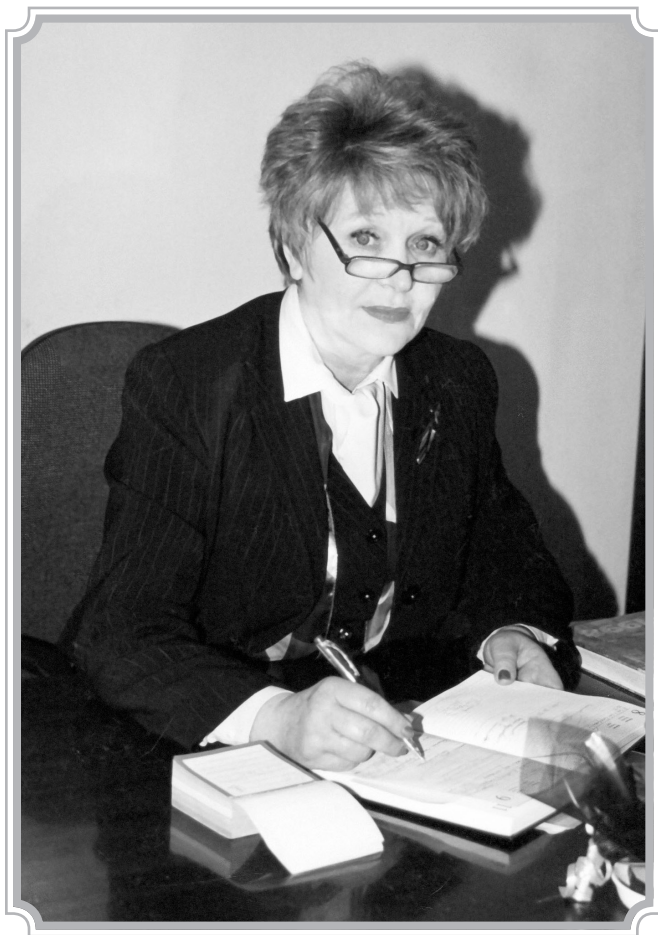
С 1920 г. – в эмиграции.

В мае 1921 г. на Всеславянском Кооперативном съезде, представляя российский «Сельскохозяйственный союз», участвует в разработке проекта организации Российского Института сельскохозяйственной кооперации (ИСХК) в Праге. На протяжении ряда лет возглавляет Совет Института, редактор научных изданий института, входит в состав редакции научно-исследовательских журналов, издаваемых в Праге на русском языке. С конца 1920-х годов заведует кафедрой сельскохозяйственной кооперации и кооперативной статистики ИСХК. Профессор Российского отделения юридического факультета при Пражском университете, глава академической группы, один из организаторов Международного Института по изучению социальных потоков, глава правления научно-исследовательского кружка «*До знания России*».

А. Н. Анциферов за год до смерти был удостоен премии Парижской Академии Наук (1942 г.).

Знакомясь с творческой личностью Алексея Николаевича Анциферова можно сказать словами поэта: «Да, были люди в наше время...!».

До 65-річчя

Мизгіна Валентина Василівна

*Директор Харківського художнього музею,
заслужений працівник культури України,
член Музейної ради при Міністерстві культури України.*

Народилася 21 березня 1948 року в м. Саки Кримської області. Закінчила Інститут живопису, скульптури й архітектури ім. І.Ю. Рєпіна (факультет теорії та історії мистецтва) (м. Ленінград), де навчалася у О. Савінова, А. Кагановича, А. Пуніна, В. Блек (1967–1974).

Працювала у вологодській картинній галереї (1966–1970) екскурсоводом, мол. науковим співробітником. З 1970 року по теперішній час працює в Харківському художньому музеї на різних посадах: мол. науковий співробітник, зав. відділом, заст. директора з наукової роботи, в.о. директора, з 01.03.90 року – директор. Здійснює керівництво Харківським художнім музеєм та Пархомівським художнім музеєм ім. П. Ф. Луньова.

Кілька років була членом Науково-координаційної ради Національної комісії з питань повернення в Україну культурних цінностей при Кабміні України (з 1993 року), була віце-президентом Українського комітету Міжнародної Ради Музеїв (ICOM).

Член Харківської організації Національної спілки художників України (з 1984 р.), Почесний член Спілки фотохудожників України (з 2005 р.).

Організатор кількох десятків виставок (у т.ч. – у Польщі, США, Росії, Фінляндії, Литві), керівник презентаційних виставкових проєктів в Києві.

Ініціатор і реалізатор арт-проєкта „Українська муза зарубіжжя”. Поповнювач музейної колекції на понад 1500 експонатів, у т.ч. – твори митців українського походження з Росії, США, Франції, Німеччини, Канади, з майстерень харківських художників, з приватних колекцій.

Ведуча понад 100 авторських теле- і радіопередач, в тому числі циклів: «По залах музею», «В світі прекрасного», «Я поведу тебе в музей».

Автор близько 100 публікацій в газетах, журналах, каталогах, альбомах, збірниках матеріалів наукових конференцій.

В. Мизгіна – заслужений працівник культури України (2000).

Нагороджена кількома Почесними грамотами Міністерства культури і мистецтв України, Харківської облдержадміністрації, управління культури і туризму ХОДА, мера м. Ієрусалім (Ізраїль, 1997), мера м. Лілль (Франція, 1997), Універсалом Науково-дослідницького центру козацтва ім. Гетьмана Мазепи «Берегиня Слобожанщини» (2005), Почесним знаком «За багаторічну плідну працю в галузі культури» Міністерства культури і мистецтв України (2003), Відзнакою Харківської облради «Слобожанська слава» (2006), Відзнакою міського голови «За старанність» (2004), вона – стипендіат ХОДА ім. Г. Хоткевича, лауреат творчої премії Харківського міськвиконкому (1996), регіональних іміджевих рейтингів «Харків'янин року» (2003, 2006, 2009), «Харків'янин століття» (2001), районного й обласного фестивалів «Жінка року 2005», Всеукраїнського проєкту «Україна туристична» (2007), дипломант МБФ Олександра Фельдмана (2007). Нагороджена орденом княгині Ольги III ступеню (2011 р.).

В. В. Мызгина

О ВЫСТАВКЕ «ТРИПТИХ»

Выставка под названием «Триптих», открытая в Харьковском художественном музее, впервые столь широко презентует произведения трех авторов: Ольги Юрьевны Ерофеевой, Игоря Ивановича Моргунова и их дочери Елены Моргуновой.

Старшие члены этой творческой семьи – заслуженные художники Украины, лауреаты премии Харьковского горсовета, участники многочисленных всесоюзных, республиканских и зарубежных выставок – уже давно известны не только в Харькове и Украине, но и далеко за пределами нашей страны.

Произведения Ольги и Игоря каждый день встречают харьковчан, спустившихся в метро на станциях «Исторический музей» и «Ботанический сад», многочисленных гостей столицы Украины – в новом зале ожидания центрального киевского вокзала, посетителей выставочного зала Дома природы и студентов Горного института в Днепропетровске, прихожан церкви Иоанна Богослова в Харькове ...

Окончив отделение монументального искусства Харьковского художественно-промышленного института (Моргунов – в 1974, Ерофеева – в 1977), где оба прошли школу замечательных педагогов: Е. П. Егорова, Л. И. Чернова, Е. И. Быкова, – молодые художники активно включились в творческую жизнь Украины.

Выполненные ими монументальные росписи в технике энкаустики в Днепропетровском горном институте (1979) были позитивно отмечены критикой как работы, обладающие высокой степенью обобщения, динамичностью и эмоциональной наполненностью. Эти характерные черты монументальных работ Ерофеевой и Моргунова, стилистически эволюционируя и совершенствуясь, постепенно набирая все большую глубинную эмоциональность, концентрируя внутреннюю силу энергии, будут преобладающим алгоритмом творчества этих мастеров.

Принадлежащие к поколению «молодых шестидесятников», они в годы своей юности вдохнули, чутко ощутили свежесть дыхания далеких еще перемен, прикоснувшись к новой поэзии, песням Б. Окуджавы, музыке Вивальди, к живописи, стремительно открывающей всё новые и новые горизонты творческого мышления. Ольга и Игорь входили в искусство духовно и творчески раскрепощенными людьми.

Сегодня они утверждают: «Кто хотел быть свободным, тот был им всегда, даже во времена застоя. Главное – понимать себя, следовать своим принципам и упорно осуществлять свою идею».

Они были в числе тех, кто в 1980-х годах гуманизировал официальный пафосно-торжественный характер советского монументального искусства, раскрепощая его возможности, внося лирическую интонацию и некую необязательность жизненных деталей, сокращая дистанцию между «монументально-вечным» объектом и человеческим восприятием.

В росписях Днепропетровского Дома природы (1982), воплотивших философскую концепцию единства человека и природы, ощутима нехарактерная для монументального искусства ностальгия по прекрасной, дарованной Богом земле, на которой люди живут не ради боевых и трудовых подвигов, а ради Любви, Красоты, Счастья.

Художники нашли приемы, чтобы даже в решении административно-регламентированной темы мозаичного панно на станции «Исторический музей» (Харьковский метрополитен, 1984) придать гирлянде славы эмоционально-волнующие формы.

Росписи, выполненные Ерофеевой и Моргуновым в актовом зале Харьковского детского пульманологического Центра (1988-89), заражают своей энергией и жизнеутверждающей силой. Композиции панно исполнены легкого активного движения, в них – чудесный мир детской мечты, фантазии, заполненный цветами, животными, птицами, рыбами. Тонкая нюансировка сдержанного колорита создает атмосферу беззаботного счастья, полета.

В 1994 году художники работали над эскизами мозаик для станции «Госпром» харьковского метро, которые, к сожалению, из-за финансовых проблем не были воплощены в материале. Созданию эскизов предшествовал серьезный поиск образно-пластического решения. Ведь Госпром для Харькова – сооружение знаковое, это один из самых выразительных архитектурных памятников конструктивизма, отразивших романтику периода индустриализации страны. В поисках образа, эквивалентного напряженно-динамичной эпохе художники отказываются от визуализации конкретных сюжетов. Они создают абстрактные кубо-футуристические композиции, исполненные энергии решительных ритмов и цветовых контрастов, которые так выразительно и органично вписывались в культурно-исторический контекст времени строительства Госпрома.

В основе образного решения панно для станции «Ботанический сад» (2003-04) лежит совершенно иная авторская концепция, тематически связанная с расположенным неподалеку прекрасным уголком хранимой людьми природы. В мерцающую монотонность повторяющихся декоративных элементов, покрывающих стены платформы, вправлены обрамленные серебристым мрамором – словно окна в мир природы, - выполненные в технике эмали композиции. В их насыщенности и плотности – роскошная щедрость цветущей флоры, густо населенной невиданными птицами. Изобразитель-

ные мотивы, сплавленные между собой единством стилизованных форм, волнующая выразительность словно случайно положенных контуров, сгармонированные колористические акценты составляют в этих панно светлую кристаллически статичную и – одновременно – внутренне подвижную декоративно-орнаментальную систему, созвучную искусству эпохи модерна.

Приступая к работе над любым объектом Ольга и Игорь тщательно подбирают наиболее соответствующую ему технику. Так, создавая панно для наружного убранства храма Иоанна Богослова в Харькове (2008) они вновь обратились к эмали – материалу долговечному, устойчивому к атмосферным воздействиям. Они выполнили двадцать четыре композиции с изображением св.Троицы, Христа, Богоматери, апостолов, евангелистов и святых, воссиявших на украинской земле. Работая над образами сакрального искусства, выработавшего строгие живописные каноны, художники, естественно, сдерживали свои творческие инициативы, хотя в колорите, в характерном формировании пластики ликов, в декоративной выразительности складок облачений святых угадывается их темперамент и авторские приемы.

Помимо упомянутых, на наш взгляд – этапных монументальных проектов Ерофеева и Моргунов выполнили еще ряд работ для других учреждений и частных заказчиков: росписи, витражи, крупномасштабные гобелены и батик.

Работа в области монументального искусства является важным стержнем в жизни этого творческого дуэта. А стремление к более непосредственному выявлению своего индивидуального видения они смогли реализовать в станковых формах живописи и графики, в которых порой ощутимы отдаленные образно-пластические параллели с монументальными работами. Именно станковыми произведениями художники завоевали признание на выставках в городах Польши, США, Германии, Франции, России.

Судьбоносным для Ольги и Игоря явилось их обращение к технике левкаса – технике сложной, кропотливой, к которой обращаются немногие современные мастера. Но именно благодаря владению левкасом художники получили приглашение в Бельгию (1992), где вплотную соприкоснулись с шедеврами фламандского искусства, и на необычайном творческом подъеме выполнили около тридцати левкасов, которые, к сожалению, украинский зритель не увидел. Левкас стал на долгие годы любимой техникой обоих авторов, которые, в стремлении расширить ее изобразительные возможности, изобрели свой авторский красочный состав, допускающий тонкое лессировочное письмо.

В творчестве Ерофеевой на смену ранним экспрессивным («Пикник», 1986; «Похищение», 1989) и карнавально-романтическим образам («Флейтастка», 1990; «У колодца», 1992) приходит идея синтеза абстрактных приемов и фигуративности. Она создает цельное пространства картины, в котором, подчиняясь авторскому художественному чутью, выстраиваются энергичные ритмы контрастных плоскостно-туманных цветовых пятен,

вспышек света, скользящего в затаенном полумраке, стремительных линий, пронзающих пространство. С этой условной эмоциональной средой неразрывно связаны сюжетные мотивы и нередко разыгрывается сложная тематическая партитура, в которой тема раскрывается в нескольких мизансценах, порожденных развитым ассоциативным мышлением автора. При этом кажущаяся сюжетная «многословность» оборачивается многозначительной затаенностью, неразглаженностью мыслей и чувств, побуждающей зрителя к вдумчивому вживанию в образно-пластический строй картины, к волнующему постижению философских, интеллектуальных, эмоциональных ребусов, заложенных автором в ткань произведения («Корабль», 1994; «Мельница», 1996; «Полночный поцелуй», 1997; «Поиск Атлантиды», 1997; «Мираж с кораблем», 1998; «Концерто грассо», 1999; «Перевоз», 1999).

В последние годы художница много пишет маслом, рисует пастелью. Эти техники дают ей возможность находить новые композиционно-пространственные решения. В зависимости от поставленной образной задачи Ольга легко, словно играючи, меняет манеру и стилистику письма. Она пишет натюрморты, используя четкие цветовые пятна, уверенные, подчас – жесткие мазки, приходя к высокой степени обобщенности форм, приближая их к декоративному звучанию («Натюрморт с арбузом», «Натюрморт с кувшином», «Натюрморт с дыней», «Дачный натюрморт», 2008; «Натюрморт в теплых тонах», 2009).

Она создает многочисленные колористические вариации композиций с преобладанием абстрактных форм, в недрах которых визуализируются фигуративность, достигая во многих работах выразительного образно-пластического единства («Танцы на траве», 1996; «Арка», 1997; «Корабль», «Кафе», 1998; «Репетиция», 2000; «Утренний гам», 2000; «Карнавал», 2001; «Убегающая Эвридика», 2002).

В ее сюжетных композициях («Пикник на берегу моря», «Летнее кафе», «Игра», 2003; «Желтое лето», 2004; «Дачный сезон», «Натюрморт с черешней», 2008) выполненных маслом, ощутима раскрепощенность манеры, свободное движение широкой кисти и мастихина, уверенно обозначающих формы, цветовая гамма высветляется, появляются разнообразные оттенки голубого, охристого, оливкового, порождающих ощущение сияющего пространства, а присущая творчеству Ольги недосказанность наполняется светлыми радостными предчувствиями.

Станковые работы Игоря Моргунова имеют свои выразительные индивидуальные творческие характеристики, отражающие его по-мужски сдержанную натуру, силу духа, упорство и философичность мышления.

Наиболее характерная особенность его художественной манеры кроется в способе рождения формы в пространстве картины. С юных лет Игорь проявлял задатки скульптора. Сегодня его развитие объемно-пространственное видение мира находит свое преломление в живописи и графике. Для него пространство – некая стихия, в которой и из которой материализуется фор-

ма. Излюбленным мотивом мастера является обнаженная натура, побуждающая его к созданию одухотворенных форм.

На рубеже 1980х-90х годов в период увлечения экспрессивными приемами, Моргунов пишет энергичными, на первый взгляд, беспорядочными удлинненными мазками («Лесной музыкант», 1990). Его картина «Импрессионистический этюд» (1989) отражает авторскую философию формотворения – в ней воочию в хаосе мазков, подобных поднятой бурей летящей соломе, проявляется, формируется объем прекрасного женского тела сродни тому, как из хаоса слов рождается поэзия, из нагромождения звуков – музыка, из нюансов чувств и настроений – любовь...

В левкасах, - технике, которой Игорь верен по сей день, это чудо рождения формы обретает особый камерный характер, в них, создавая женские образы, он достигает ощущения удивительной чистоты и нежности.

Игорь бережно кладет мельчайшие мазки, и эти точечные прикосновения тонкой кисти благодаря оптической диффузии образуют импрессионистически вибрирующую среду, в которой словно из облака, из многоцветного роя проявляются формы словно сотканных из света прекрасных женских тел. При этом художник упорно продолжает разрабатывать в левкасах все новые и новые колористические вариации. Он, подобно ювелиру, доводит, обрабатывает картину, придавая ей эмалевидную поверхность с легкой мелкозернистой фактурой, усиливающей импрессионистические эффекты.

В менее плотных по тону работах маслом художник легко прописывает холст, зачастую оставляя открытой его фактуру, переносит акценты формообразования на выразительность линии, выявляющей пластику формы. В натурных рисунках пастелью его ню более экспрессивны благодаря уверенным энергичным линиям и цветовым плоскостям, решительно проложенным по выступающим объемам всей длинной грифеля.

Женские образы Моргунова исполнены, как правило, ренуаровского жизнелюбия и умиротворенности, но иногда в эту гармонию врывается драматическая метафора разрушения («Кариатиды», 1998). Апокалипсическая тема крушения мира с наибольшей силой решается художником в композициях с лошадьми («Падение Фазтона», 1996). Он пишет лошадей в активном движении, в сложных ракурсах, в контрастных вспышках света, выхватывающих из полумрака по-барочному мощные живые объемы. Лошади воспринимаются художником не только как красивые сильные животные – они несут в его композициях различные аллегорические смыслы. В одной из своих картин, изобразив лошадь рядом с женщиной («Аллегория», 2005), Игорь символически объединяет две основные составляющие своего искусства: трепетное восхищение извечной красотой и исполненную драматизма борьбу метущегося творческого духа. Этот накал борьбы, метафорически выраженный в мощном движении лошадей, разрывающих сети («Сети», 2000), созвучен самоутверждающим цветаевским строкам: «Сквозь всякие пути, сквозь всякие сети прорвется мое своеволие»... Последующие композиции

с лошадьми («Оттепель», «Старое дерево», 2003), освобождаясь от драматических интонаций, обретают динамику свободного движения и оптимизма. Цветовое решение этих картин, исполненных темперой, обычно приглушено, почти монохромно.

Стремление к высветлению колорита, к решению новых технических задач побудило Игоря вплотную заняться масляной живописью. И в этой технике он продолжает активно отрабатывать формообразующие приемы. В большой серии композиций с раковинами фактурным пастозным мазком в то же время деликатно он лепит крупные формы рапан, уподобленных то ли прекрасным цветам, то ли драгоценностям, освещенным мерцающим светом.

Ольга Юрьевна Ерофеева и Игорь Иванович Моргунов – серьезные, требовательные к себе, к своему мастерству состоявшиеся художники. Каждый из них в силу своего темперамента и творческого видения имеет неповторимую индивидуальную манеру. Но, создавая совместно монументальные работы, они успешно дополняют друг друга, добиваясь синтеза форм, единой стилистики и высокого мастерства исполнения.

В их жизни есть еще одна область творчества, где они работают вместе – это педагогическая деятельность. Вот уже около двадцати лет по выходным дням в своей мастерской они, подняв свои работы на антресоли, освобождают место шумным гостям, и мастерская превращается в детскую художественную студию «Азъ», в которой Ольга и Игорь дают уроки творчества. Их школу прошли уже десятки детей. И, повзрослев, они посвящают счастливым дням общения с Ольгой и Игорем слова восхищения и благодарности в своих литературных новеллах:

«...Он и она – отличная пара. Они поразительно дополняют друг друга – такие разные, интересные и необычные.

Сколько всего им удалось подарить нам – своим ученикам! Кроме уроков рисования они отдали нам частички себя, своего творчества, моменты счастья, когда у нас получалось что-то красивое, незабываемые мгновения простого общения, которое нам иногда так необходимо»... (Е. Притула «Бабочка, которая любила искусство»).

В такой же творческой атмосфере, царящей и в мастерской и в доме Ольги и Игоря, росла их дочь Алена, которая с детских лет вбирала в себя горячие дискуссии об искусстве, получала первые практические навыки художника. Позже, поступив в Харьковскую государственную академию дизайна и искусств, Алена училась у В. А. Победина, А. Ф. Кузьменко, В. И. Лесняка.

Еще будучи студенткой второго курса факультета графического дизайна, она заявила о себе авторскими плакатами и компьютерной анимацией. Важным, принципиальным аспектом ее работы в этой области является то, что она отдает предпочтение социальному плакату и анимации, в создании которых (в отличие от коммерческих проектов, неизбежно подчиненных вкусам заказчика) Алена имеет полную свободу творческого выражения.

В дизайнерских разработках Алены множество креативных находок, современных смелых нестандартных решений, которым присущи выразительный лаконизм и графическая культура. Участвуя во многих выставках (около сорока), а также в фестивалях и конкурсах, посвященных сложным социальным и экологическим проблемам современного мира, Алена стала обладательницей Гран-при Харьковского горсовета и благотворительного фонда «Червона стрічка» (2005), завоевала третьи места в международных конкурсах студенческих работ (Москва, 2005) и «АнтиСПИД-Украина» (Харьков, 2007), второе место на конкурсе анимации «Демо-90» (Харьков, 2006) и др. Благодаря современному неограниченному информационному пространству работы Алены получили известность за рубежом.

Так же, как и родители, Алена постоянно расширяет круг своих творческих интересов, обращаясь к разным техникам станкового искусства. Ее графическим работам, выполненным пастелью на тонированном картоне, присуще стремление к композиционной цельности листа, изящным пластическим соотношениям линии и цветового пятна, к графической утонченности и изысканной декоративности, создающих ощущение тихого созерцания окружающего мира («Оазис», «Желтые лилии», 2007).

Заслуживают серьезного внимания работы Алены в технике эмали. Получив уроки эмальерного искусства в мастерской известного украинского художника А.А. Бородая, профессионально владея техникой, Алена создала несколько выразительных, эстетически утонченных композиций. Ее эмали богаты фактурными и цветовыми эффектами, в них сочетаются легкая рельефность глушеной смальты с плоскостью проглядывающей медной основы и прозрачностью стекла («Лето», «Птицы», «Экзотическая рыба» (2004), серия «Загадочная жизнь» (2008)).

Активная творческая деятельность Алены Моргуновой, ее работа в разных видах современного искусства были отмечены стипендией Президентского фонда (2005). Сегодня молодая художница является членом двух творческих союзов: художников (с 2008) и дизайнеров (с 2009). Работы Алены, представленные на выставке, воочию свидетельствуют о ее незаурядном творческом потенциале.

Экспозиция выставки «Триптих» представила зрителям искусство замечательной творческой семьи, «не позволяющей душе лениться», для которой по выражению Ольги Ерофеевой «искусство есть предмет душевного влечения». В этой семье каждый – самобытная личность, творчество каждого из них зиждется на глубоких чувствах и интеллекте, философски-мудром оптимизме и увлеченном, неустанном – сквозь все проблемы и переживания – стремлении к гармонии, являющей собой красоту жизни.

До 65-річчя

Пономарьова Людмила Євгенівна

Мистецтвознавець.

Член Міжнародної творчої спілки істориків мистецтва та художніх критиків (з 1992), член ХО НСХУ (з 1999). Лауреат премії Харківської облдержадміністрації ім. О. С. Масельського (1999). Лауреат творчої премії Харківського міськвиконкому (2009). Почесна відзнака Міністерства культури України (2010).

Народилася 18 лютого 1948 року у м. Шамхорі в Азербайджані. Закінчила Харківський державний педагогічний інститут ім. Г. С. Сковороди (1971); Інститут живопису, скульптури і архітектури ім. І. Ю. Рєпіна Академії мистецтв СРСР (1989), де навчалась у В. Роздольської, А. Пуніна, Г. Павлова, В. Блек.

Працює у Харківському художньому музеї (з 1975), зав. відділом сучасного мистецтва (з 1990). Друкується з 1978 р.

Дослідник вітчизняного мистецтва ХХ століття, сучасного художнього життя Харкова та творчості окремих митців. Організатор і розробник біля 150 виставкових проектів різних рівнів.

Автор мистецтвознавчої концепції та упорядник альбому-довідника «Мистецькі шляхи Харківщини» (1938 – 1998), 1999; автор каталогів: «Народный художник УССР Евгений Захарович Трегуб» (1990); «Русское и советское искусство в собрании И. Я. Лучковского» (1991) та ін.; автор анотованого альбому «Мистецька скарбниця Харкова» (2004) та альбому «Харківський художній музей. 200 років колекції» (2005); упорядник видання, автор статей та каталогу «Коло Буриме. Каталог виставки. Статті» (2005); упорядник збірника за матеріалами Міжнародної науково-практичної конференції «Роль приватних колекцій у формуванні зібрань художніх музеїв» (2005); автор наукових статей про заслужених діячів мистецтв України В. В. Кузнецова, С. Ф. Бесєдіна, В. М. Чауса, В. В. Погорєлова, народного художника України В. І. Ковтуна, М. Г. Безнощенко-Лучковської, О. А. Лєсничої та ін.; каталога-довідника «Мистецтво Західної України з фондів музею і приватних зібрань «Найглибша молитва і найвище ремесло...». Живопис, скульптура» (2008); автор монографії «Александр Васильевич Вяткин. Жизнь и творчество» (2007); видання «Сергій Пуньов (1909 – 1978)» у 2-х книгах (книга перша – Альбом творів. Фотодокументи, 2009; книга друга – Збірка матеріалів: статті, документи, листи, спогади, 2011), а також монографії «Виктор Иванович Липин» (2013).

Л. Е. ПОНОМАРЕВА

С. Е. ЛУНЕВ

Акварелист Сергей Емельянович Лунев – неординарная фигура в истории украинского искусства. Расцвет творчества художника приходится на 60-70-е годы XX столетия. Он был одним из тех мастеров, чьи образно-пластические новации стали серьезным этапом в развитии украинской акварельной живописи. Мир луневских образов привлекает обостренным отражением жизни, оригинальностью художественного мышления, а эмоциональность его произведений и артистизм исполнения заставляют и сейчас смотреть на мир глазами этого незаурядного мастера.

После кончины С. Лунева в 1978 году в послании к его семье известный украинский искусствовед В. А. Овсийчук писал: «Его смерть – большая потеря для украинского искусства. Почти одновременно ушли <...> три таких замечательных живописца: Глушенко, Манайло, Лунев, оставив, к счастью, такой огромный след, который останется лучшим достоянием нашей культуры».

С. Е. Лунев родился в селе Кекино на Сумщине в семье учителей. Его отец за год до рождения сына стал директором кекинской школы. Многие яркие характеристики, которые проявились в жизни Лунева, – уровень общей культуры и трудолюбие, способность тонко воспринимать окружающий мир, были во многом сформированы атмосферой, витавшей в доме. Родители были образованными и музыкально одаренными людьми. Дух творчества и почитания искусства царил в многодетной семье. Бережно в роду передавалось предание, что великий художник Александр Иванов был их дальним родственником, часто вспоминали племянника по материнской линии художника П. К. Лихина, иллюстрации которого печатались в журнале «Нива». Дома к праздникам ставились спектакли, где все домочадцы были актерами и художниками.

Первые потрясения в жизни Лунева пришлось на начало 20-х годов. Тогда в стране царил послевоенная разруха, умер его отец, и мать, спасая своих детей от голода, отдает Сергея в детский дом. Об этом периоде его жизни сохранилось мало сведений, но из автобиографии известно, что именно там увлечение Лунева рисованием переросло в осознанное желание стать художником.

Одним из определяющих этапов в его творческой судьбе была учеба в 20-е годы в студии, организованной при художественно-историческом

музее города Сумы Н.Х. Онацким. Ученик И. Е. Репина, известный украинский живописец, поэт и педагог, он был первым профессиональным художником, с которым Лунев познакомился. Онацкий обладал широким диапазоном художественного мышления, работал во многих областях искусства. Когда Лунев пришел в его студию, там уже была сформирована стройная система обучения. С особой остротой юности Лунев воспринял живописный язык своего учителя, где новое мироощущение проявилось в особой звучности цвета и пластической обобщенности произведения. Именно Онацкий дал своему ученику первые уроки художественного мастерства, умения работать на натуре, а главное, его влияние на Лунева проявилось в формировании культуры художественного мышления, осмыслении живописи вне «литературы» и «сюжетности».

С. Е. Лунев. 1930-е гг.

В автобиографии Лунев упоминает, что в 1923-27 годах ему пришлось «выполнять разные работы» в Сумском драматическом театре. В артистической среде он острее ощутил условность и специфику языка искусства как театрального, так и изобразительного. Наблюдая процесс творчества, Лунев видел, что воплощение жизни на сцене идет по своим, специфическим законам искусства, и выводит ее на иной уровень восприятия – художественный.

В 1928 году, переехав из Сум в Харьков, Лунев поступает в Харьковский художественный техникум (1928-32), где учится у известных педагогов А. Кокеля, М. Щеглова и В. Рифтина.

Учеба Лунева совпала с одним из интереснейших этапов развития искусства, начавшегося столь интенсивно в первые послереволюционные годы. Тогда в Харькове, столице Украины, рождалась идеология нового искусства, были собраны лучшие творческие силы республики. Будущего художника, приехавшего из провинции, увлекла атмосфера жизни большого города с ее громкими программами художественных объединений, бурной полемикой о судьбе искусства, яркой театральной жизнью и разнообразием выставок.

Нельзя сказать, что веяния времени и новации в искусстве глубоко коснулись стен техникума. Старая система обучения была разрушена, а новая находилась в стадии становления. В учебном заведении не было серьезных программ для занятий по рисунку и живописи. Однако А. Кокель, незаурядный живописец и рисовальщик, которому Лунев был особенно благодарен как педагогу, не сковывал инициативы учеников, но пытался уберечь от пу-

стого формотворчества. Будучи воспитанником Петербургской Академии художеств, он стремился сформировать их художественный вкус в традициях реалистического искусства и высокой профессиональной формы. Во многом именно учеба у А. Кокеля, с его строгой системой обучения академическому рисунку, компенсировала недостатки образовательной системы техникума.

Лунев учился в мастерской монументально-декоративной живописи, руководителем которой был А. С. Менес, получивший образование в Мюнхенской академии художеств. Он готовил своих воспитанников к практической работе – оформлению интерьеров, и учеба давала в основном знания прикладного, практического характера. Однако Лунева, по воспоминаниям современников, волновали и вопросы творчества, о чем свидетельствовали его многочисленные работы внепрограммного характера. Художник открывает для себя богатство декоративных возможностей цвета, особенности его взаимодействия с плоскостью, он много работает над орнаментальными рисунками, умением преобразовывать натуру, трактовать ее условно. При всех недостатках образования в техникуме искусствовед Б. С. Бутник-Сиверский вспоминал: «...Там були хороші рисунки, чудові акварелі і певна пристрасть до декоративного сюжету».

Учеба в техникуме дополнялась сотрудничеством с рядом местных газет и журналов. Работа давала не только заработок, но и помогала Луневу оттачивать мастерство рисунка, развивать воображение. Соученик по техникуму Е. В. Волобуев, впоследствии народный художник Украины, вспоминал, что еще в студенческие годы Лунева отличала большая тяга к искусству, ко всему неординарному и высокая жизненная активность. Он был инициатором диспутов о путях развития искусства. Его волновали яркие личности, новаторская поэзия Маяковского, стихи Кирсанова и Уткина. Он принимал участие во встрече их в Харькове и вел жаркую полемику об их творчестве в стенах училища. Лунев жадно «осваивал» время, которое «спрессовало в себе поиски и находки, невиданное ранее разнообразие взглядов художников на мир». Евгений Волобуев дал точную характеристику Луневу тех лет: «У него душа художника, есть у него артистичность в характере».

Впоследствии из сплава реалистической школы искусства и принципиально нового художественного видения мира в 20-30-е годы, будет выковываться индивидуальность будущего мастера. Однако все, что Лунев приобрел в техникуме, в драматической и полной динамики жизни тех лет, прорастет спустя многие годы в других условиях, в 60-70-е годы, когда будет востребовано духовное наследие этого периода. А пока о бурном времени перемен Лунев сохранил воспоминания, яркий эмоциональный заряд, не жели сформированную концепцию творчества.

Произошедшие в стране в начале 1930-х годов изменения и обстоятельства личной жизни Лунева на многие годы разъединили художника с его творческими планами.

Учитель А. А. Кокель.

С. Е. Лунев на этюдах в Померках, 1939.

После окончания техникума почти четверть века (1933-56) Лунев учил-ся в Харьковском кавалерийском погранучилище, а затем служил в погран-войсках, из них три года работал художником политотдела. Сама специфика его деятельности в этот период более предполагала работу самую разнообразную. Он писал портреты государственных деятелей, ударников военно-политической учебы, оформлял здания погранучилища и его интерьеры, создавал костюмы и декорации к театральным спектаклям, которые ставились на сцене клуба училища, вел художественный кружок. Многочисленные карикатуры, печатавшиеся в военных газетах, свидетельствовали о том, что Лунев был хорошим рисовальщиком, наблюдательным и тонко чувствующим юмор художником.

В годы службы Лунев был оторван от активной художнической среды и компенсировал это напряженной самостоятельной работой. С 1935 года, который он отметил в автобиографии как начало своей профессиональной деятельности, в редкие свободные часы Лунев пишет пейзажи и натюрморты в технике масляной живописи. В этот ранний период творчества художника волновало цветное и фактурное разнообразие предметного мира. Он чувствовал его пульсацию, изменения и стремился извлечь свою живописную мелодию из любого мотива: будь это грубое стекло кувшина, праздничная пышность осеннего букета («Осенний натюрморт», 1936) или тонкий, почти акварельный по краскам и настроению пейзаж ранней весны («Весенний день», 1938).

В произведениях 30-х годов художник стремится к сложному цветовому решению, которое убедительно воплотилось в его пейзажах Крыма. Горбатые улочки Ялты и Гурзуфа, с их невысокими светлыми постройками из

ракушечника, веранды и дворики, увитые виноградом, наполняются сочной звучностью красок, броскими светотеневыми контрастами («Гурзуфский дворик», 1938).

Очевидно, отдаленность от художественной среды в 30-е годы, периода мощного идеологического давления на творческие организации, сыграла для Лунева положительную роль. Парадоксально, но, официально числясь в органах НКВД, ему удалось избежать давления со стороны этих структур, он оставался самим собой. Художник мог работать, вести поиск, не подстраиваясь под утвержденный сверху канон. Его таланта и внутренних духовных резервов хватало, чтобы делать это самостоятельно. Упорная работа, которая помогала Луневу совершенствоваться, увенчалась успехом. В 1938 году он впервые принял участие в областной выставке художников Харькова, где представил шесть своих произведений – рисунок и живопись в жанре пейзажа и натюрморта, что было официальным признанием его творчества.

В годы Великой Отечественной войны Лунев служит в Средней Азии на границе с Афганистаном в древнем Термезе. Даже в полевых условиях, при постоянной нехватке времени, он продолжал работать творчески. Лунев все чаще обращается к таким графическим техникам, как тушь, карандаш, акварель. Конечно, не все равноценно в этом раннем периоде творчества. Однако следует отметить, что, работая в новой для себя технике, будь то офорт или литография, художник прекрасно чувствует специфику материала и добивается необходимых ему выразительных эффектов и образного звучания.

Так, например, впечатления от поездок по Средней Азии, переложенные на язык искусства, представляли не столько этнографический материал, фиксацию увиденного, сколько были образно-эмоциональным откликом на увиденное. Древние полуразрушенные постройки среди гор в литографии «Старый город» (1930-е) рассказывали о людях, которые выросли среди них. Изображение едущих на арбах стариков и женщин в национальных одеждах уводило зрителя в глубь истории («Арба», 1940-е). Уже в Термезе Лунева больше привлекала акварель как материал, который соответствовал его темпераменту, давал свободу выражения и возможность быстро получить результат.

Из дошедших до нашего времени произведений 40-х годов особенно наглядно эти качества проявились в термезском цикле акварелей: «Старый Термез» (1944, ХХМ), «В долине Кафирнигана» (1946, ХХМ), «Термез» (1948, ХХМ) и другие. В них лаконизм художественного решения сочетается с конкретностью передачи мотива. Лунев делает акцент не столько на экзотике местности, сколько на ее цветовом строе. В этих акварелях, по сравнению с работами 30-х годов, присутствует большая свобода живописи и смелость цветового обобщения.

После окончания войны в 1945 году художник возвращается в Харьков, где продолжает военную службу. В автобиографии он пишет: «В Харькове меня снова непреодолимо потянуло к живописи, которой я отдаю все свои

изредка выпадающие свободные от служебных часов».

К 1950-м годам творческая индивидуальность Лунева вполне сложилась, он продолжает работать в любимой им технике акварельной живописи. Тогда же окончательно определился круг тем, характер выразительных средств, который варьировался и дополнялся в зависимости от задач, стоящих перед ним.

В первое послевоенное десятилетие общий образно-эмоциональный строй большинства произведений художника радостный и оптимистичный. Он был созвучен с временем, с надеждами людей на лучшую жизнь и мирное созидание. В этот период Лунев работает преимущественно в жанре пейзажа. Его произведения основываются на натуре, и художник извлекает из всего виденного разнообразие и богатство колористических и композиционных мотивов. Так, в акварели «Утро в Гурзуфе» (1952, ХХМ) из серии «Гурзуфские мотивы» пространственные планы и масштабы предметов сохраняют жизненную конкретность. Художник материализует свое ощущение природы в цвете, в голубовато-сероватой, розоватой тональной разработке глади утреннего моря, почти сливающегося с небом, коричневатых скалах, окруженных легкой утренней дымкой.

Капитан С. Е. Лунев, 1952 г.

Лунев не стремится к общей завершенности своего произведения. Белый лист бумаги местами остается нетронутым или просвечивает через нежные легкие краски акварели. Во многом отсюда рождается ощущение свежести и непосредственности восприятия, а зритель становится сопричастным творческому процессу. Работа свидетельствует не только о точном и объективном воспроизведении натуры, но и о ее своеобразном поэтическом прочтении. Акварели тех лет, написанные на разных географических широтах и в разное время дня и года, демонстрируют художническую чуткость к любому мотиву. В серии акварелей «На Кавказе» (1950), а позже – «По Закарпатыю» (1957) своеобразие горных пейзажей художник улавливает в особенностях их очертаний, нюансах света и плотности воздуха. В этот период Лунев использует преимущественно классические свойства акварели: ее прозрачность, мягкость, светоносность.

С начала 50-х годов Лунев отдает предпочтение большому формату листа, что более соответствовало характеру его живописи. Природу Лунев видел в постоянном движении и обновлении. Отсюда рождался и характер живописи – быстрой, размашистой, с использованием сочного пятна и энер-

гичного рисунка.

В этот период Лунев работает над сериями акварелей, что давало возможность развернуть более полную картину восприятия мотива. Изменения цвета, света, постоянно улавливаемые художником, отражали новые варианты его видения. Серии отчасти подтверждают шутливую характеристику, данную Луневым себе: «Я – репортер природы». Но это явно заниженная самооценка, уже в его ранних акварелях 1950-х годов было главное: цельное и яркое ощущение мира, острая эмоциональность его восприятия.

В 1956 году Лунев уходит в отставку. Для него открывается новая страница жизни, ведь за плечами была почти 25-летняя военная служба. Он, наконец, свободен и полностью отдается творчеству со всей страстностью своей натуры. И не тронутая возрастом (ему было тогда 47 лет) и перипетиями, сложностями художественной жизни страны предшествующего времени, живопись Лунева проявила себя во всей силе, полноценности и нерастраченности чувств.

Он по-прежнему активно участвует во всех областных выставках, а в 1958 году вступает в Союз художников СССР. Для Лунева вторая половина 1950-х и нач.60-х годов – время дальнейших творческих поисков и новая ступень развития. Изменения, которые происходили в его художественном мышлении, были во многом порождены и общей ситуацией, сложившейся к тому времени в стране. «Хрущевская оттепель» постепенно разрушала стереотипы «официозного» искусства, которое с 30-х годов программно переводилось в идеологический план и теряло связь с действительностью.

В это время художник много путешествует по стране самостоятельно и в составе творческих групп, заполняя десятки блокнотов и альбомов своеобразными путевыми заметками – рисунками, набросками, зарисовками.

«Пейзажи Харьковщины» – одна из лучших акварельных серий, написанных в конце 1950-х – начале 60-х годов. В ней Лунев использует точный, несколько форсированный цвет, порой сталкивает несочетаемые, казалось бы, краски. Они кладутся плотно и часто напоминают гуашь, отсюда рождаются образы щедрого лета («Северский Донец», 1958, ХХМ) или прощальной красоты осени («Осень в Скольниках», 1958, ХХМ).

Еще в начале 50-х годов Лунев пробует себя и в жанре индустриального пейзажа. Обращение к этой теме было веянием времени, оно отражало реальную жизнь страны в послевоенный восстановительный период. Но уже в ранних работах (серия «Индустриальные мотивы», 1952-53) можно увидеть, что не производственный процесс являлся для художника основным источником вдохновения. Индустриальная тема стала, пожалуй, более данью общей направленности искусства того времени, нежели истинным призванием Лунева. И что бы впоследствии ни писал художник: рудники Курской магнитной аномалии, терриконы Донбасса, строительство Уренгойской ГЭС, – для него на первом месте, прежде всего, стояло эстетическое переживание

увиденного. Он настолько обостренно ощущал живописность любого мотива, что даже отвалы угля, грязь раскатанных дорог под его кистью превращались в нечто мерцающее, драгоценное и в целом представляло колористически цельный и выразительный образ.

Впоследствии Лунев продолжает работу над индустриальными мотивами, создавая серии акварелей «Индустриальный Донбасс» (1957-58), «Строительство Печенежского водохранилища» (1960), «КМА-Руда» (1965).

В панорамных пейзажах из серии «Индустриальный Донбасс» запечатлена грандиозная картина результатов труда людей. Возвышающиеся терриконы-пирамиды, спящие вагонетки, пересеченная колеями путей земля, мчащиеся машины – все создавало ощущение напряженной рабочей жизни страны. У критики подобные произведения вызвали положительную оценку, она видела в них стремление художника в жанре пейзажа содержательно передать мирный созидательный труд, его темп. Все это присутствовало в работах Лунева, но был еще иной глубокий пласт образного восприятия, который ускользал от внимания критики: за живописными качествами его произведений и активной подачей темы звучали ноты боли за поруганную, изуродованную землю и мысли о неразумности действий людей («Под вечер»; «Терриконы. Донбасс», обе – 1957).

Отметим, что этот аспект видения темы, которую можно обозначить как «Человек и цивилизация», находит развитие на протяжении всего творчества художника и по-своему затрагивает взаимоотношения человека и природы в современном мире.

В мире, рожденном луневской кистью, не было скучных мотивов. Он языком искусства говорил о своеобразии и красоте природы, а ее художническое прочтение захватывало зрителя. Каждый лист Лунева тех лет заключает свою тайну колорита. Одни акварели «взрываются» яркими, не сосуществующими в природе сочетаниями цвета, и поэтому особенно убедительно передают эмоции художника («Ранняя весна», 1959), в других присутствует тончайшая колористическая оркестровка. Лунев ищет свой способ выражения, и этим можно объяснить разностильность его произведений.

В конце 1950-х – нач.60-х годов в искусство активно входит тема духовного бытия «частного» человека в эпоху начинающейся научно-техниче-

С. Е. Лунев в Карпатах, 1952 г.

ской революции.

Лунев выбирает свой путь ее претворения через жанр городского пейзажа. Он насыщает его подлинной внутренней жизнью современника. Лунёвский город – воплощение тончайших человеческих эмоций и переживаний.

В акварелях 1957-64 годов (серия «Харьковские мотивы») художник легким прикосновением кисти воссоздает аллею городского сада, балюстраду водного каскада. В композиции царит уютная повседневность, и зритель видит фрагмент ее жизни. Но остроту восприятию придает характерная деталь, – будь это пятна яркого зонтика или одежды прогуливающих по аллее людей («Похолодало», 1956; «Теплый день в саду им. Шевченко», 1958).

В 60-е годы линия становится одним из важнейших элементов образа. С ее помощью художник передает сжатость городского пространства, его внутреннее напряжение. У Лунева цвет и линия психологичны и эмоциональны, они делают стены «человечными», «дышащими», а тишину площадей – «говорливой». Особенность пейзажей Харькова состоит и в том, что Лунев не стремится к передаче внешне эффектных построек, обогащенных архитектурным декором. Для него главное – настроение, которое он уловил в мотиве.

Пейзаж «Вечерний Харьков» (1964) – это рассказ о людях. Все готовится ко сну, пушистая пелена снега укрыла крыши домов. В неподвижности зимнего вечернего пейзажа звучит тема покоя, мирной и уютной жизни людей.

Лунев находит множество образных вариаций для решения любимой им темы. В акварели «Вечер на Сумской» (1964) фрагмент улицы предстает как часть большого города, смысловая насыщенность раскрывается через выразительность колорита. Ярko светят окна сквозь туманную дождливую пелену, играет желтовато-розовыми рефлексамии свет на асфальте, холодно-новато поблескивающие мокрые деревья звучат в этом мире своеобразной живописной симфонией. За всем изображаемым стоит ощущение художником города как живого организма, он остро чувствует духовную связь с ним.

Дворики и крыши старого Харькова – это своеобразные новеллы о городе. В их уютном облике художник прочитал жизнь многих поколений. Чаще он показывает пространство, замкнутое по периметру домами или незатейливыми постройками, ветхими заборчиками. Неприятительные харьковские дворы в его акварелях превращаются в живописные поэтические страницы города.

Успех произведений Лунева конца 50-х и начала 60-х годов заключался в глубоком понимании природы изобразительного искусства. В работах этого периода ощутимо осознание художником своего предназначения, своего мира образов и средств воплощения.

С 50-х годов работы Лунева экспонируются не только на областных и республиканских, но и всесоюзных выставках, закупаются Дирекцией художественных выставок Украины. Немалое количество акварелей расходуется

по частным собраниям. Коллекционеры уже тогда оценили оригинальность работ мастера и перспективы его творческого развития.

В обзорных статьях, посвященных областным художественным выставкам, имя Лунева часто появляется в ряду таких известных мастеров украинской графики, как И. Дайц, М. Фрадкин, В. Мироненко и других. Критика того времени как основную черту его творчества отмечает эмоциональность образов, пронизанность их динамикой жизни, оптимистическим звучанием. Своеобразие образного языка работ Лунева она видит в умении выявить главное, существенное, избегая сюжетного многословия, и использовании, прежде всего, выразительных возможностей акварели.

На рубеже 50-60-х годов акварели отводилась, своего рода, вспомогательная роль или же ее права ограничивались созданием лирических произведений с использованием ее классических, хрестоматийных свойств. Первая всесоюзная выставка акварели 1965 года показала, что в этой технике можно решать сложные художественные задачи и ее тематика может быть такой же разнообразной, как и у станковой и монументальной живописи.

Участие Лунева в этой выставке было удачным. Экспонируемые на ней работы, – пейзажи Украины и натюрморты, работы из цикла «Донбасс – сердце Украины» вызвали интерес у профессионалов и имели большой успех у ценителей этого вида искусства. Народный художник СССР С. В. Герасимов, которому принадлежала идея организации таких выставок, пригласил Лунева работать в Комиссию по акварели Союза художников СССР. Она занималась оценкой работ художников, отбором их на всесоюзные выставки и тем самым во многом определяла направленность акварельной живописи в стране.

Умение создавать образы, в которых живет пульс современности, – эта сторона Лунева-живописца ярко проявилась в искусстве 1960-70-х годов на новом витке развития его творчества.

Как отмечалось выше, во второй половине 50-х годов стилистика произведений Лунева начинает изменяться, что было связано с передачей иного мироощущения. Научно-технические преобразования в стране, социально-политическая ситуация вызвали новую волну переоценки ценностей, она коснулась и искусства.

Время поставило перед отечественным искусством задачу обновления изобразительного языка. Во многом большей свободе в творческих поисках способствовало и знакомство с западноевропейским искусством. Это выставки произведений Пабло Пикассо, художников-импрессионистов, американской абстрактной живописи, ранее запрещенные для показа в нашей стране.

На общем фоне бурного интеллектуального, духовного и технического развития страны в 60-е годы для Лунева большое значение имела дружба с группой художников-единомышленников и архитекторов, в которую входили

ли М. Бланк, Г. Космачев, М. Слипченко, А. Лейбфрейд, З. Юдкевич и другие. Члены неформального творческого содружества идейно подпитывали друг друга, обсуждая проблемы современного искусства. Некоторые из них прошли через поиски в искусстве 1920-30-х годов и очень остро восприняли новации 60-х годов. Они хотели национальные традиции украинской культуры соединить с западноевропейским языком искусства XX века, ввести его в арсенал своего творчества.

Кроме того, у Лунева в 60-е годы появляются почитатели за рубежом, в частности, во Франции. Связь с французскими художниками Морисом Савеном, Робертом де Нуайе (произведения некоторых из них можно увидеть в галерее Друа в Париже), большим знатоком искусства Анатолием Перельманом и искусствоведом Лидией Аркеаз также вдохновили Лунева в его творческих исканиях. Из Франции к нему летят письма друзей, приходит более восьмидесяти книг, альбомов, монографий по истории западноевропейского изобразительного искусства XX века, которые были недоступны в то время в нашей стране. Все это еще более способствовало стремлению сделать искусство выразителем времени.

В опыте мирового искусства Лунев черпал то, что соответствовало его творческому «я». Он обращается к сезаннизму, актуальному в 1910-20-е годы, и конструктивизму, также получившему развитие в 20-е годы. Он впитал и многие другие «измы», превратив их в строительный материал своего творчества. В произведениях Лунева 1960-70-х годов нашла отражение эстетика французских художников начала XX столетия. От фовизма он взял выразительность цвета, внешняя форма экспрессионизма помогла обострить характер образа. Но в работах Лунева не было его отрицательной, разрушающей энергии, едкой иронии. Акварели соединили эмоциональное воздействие цвета, его декоративность с экспрессивностью линии.

Главное, что было в произведениях Лунева и что отличало его от многих художников подобной эстетической ориентации, – это то, что формально-стилистическое решение не являлось определяющим. При всей условности образа у Лунева не было умозрительных форм, холодных рассуждений. Надличностное начало никогда не превалировало над живым неповторимым чувством.

Основное в лучших работах конца 60-70-х годов – это авторское мышление, восприятие философской сущности мира, познание его сложности и изменчивости. И для Лунева новые средства выразительности были необходимы для раскрытия духовной сути явлений.

В этот период мотив все чаще становится лишь канвой, которая насыщается современным содержанием. Это становится возможным благодаря особенностям художественного языка, рожденного новыми эстетическими идеалами времени. Лунев был подготовлен к их воплощению и своеобразием живописного дарования, и природной чуткостью к новизне. Если в предшествующий период художник не столько размышлял над миром, сколько переживал его

*У мастерні художника. 1973.
Зліва направо: С. О. Лунев, З. Д. Юдкевич, О. Ю. Лейбфрейд.*

цветовое богатство, то впоследствии происходят изменения в его образной трактовке и в связи с этим – в выразительных средствах.

О более суверенной жизни цвета в предмете и поисках в этой области свидетельствуют такие работы, как, например, «Натюрморт с искусственными цветами», (1963); мотив натюрморта с кактусом в коричневом и красном вариантах («Натюрморт с кактусом», 1963; «Натюрморт с кактусом на красном фоне», 1963). Здесь можно увидеть и своеобразное освоение уроков Матисса: цвет более раскрепощен, менее связан с предметными характеристиками, через него строятся пространственные отношения.

В акварелях 1960-70-х годов впечатления от природы становятся материалом, который будет трансформирован мыслью художника в образы. Иконографический материал чаще сводится к формуле – натюрмورتу. Ваза с цветами в центре композиции или иные немногочисленные предметы в акварелях становятся идеальной пластической моделью для реализации поставленных задач. В лучших листах Лунева жизнь духа получает законченное выражение и философскую глубину. Идеи и образы луневского сознания делаются чувственно воспринимаемыми, и сила их воздействия зависит от творческой воли художника. Постепенно цвет утрачивает свои предметные характеристики и становится во многом самоценным. Он носит условный и декоративный характер.

Натюрморты Лунева этого периода отличаются разнообразием содержания и степенью эмоционального воздействия. В них вариации на тему внутренней жизни человека рождаются характером выразительных приемов: некоторой деформацией изображаемого, цветовой насыщенностью, особенностями фактуры. Экспрессивность и декоративность становятся устойчивыми характеристиками его творчества. Благодаря выбору тех или иных

средств, образ в работах Лунева всегда богаче и насыщеннее формального мотива. И мы узнаем о мирах, скрытых в сознании человека, о том, какими они могут быть, о сложных и хрупких связях с ними.

Еще одно важнейшее качество произведений Лунева рассматриваемого периода – эстетическая сторона произведения, красота его формы. Во многом этого художник достигает приемами авторской техники в акварели. В 60-70-е годы он часто экспериментирует над ней, накладывая краску различными способами: то она прозрачная, в технике отмывки, то плотная, напоминающая бархатистую гуашь. Он часто оконтуривает предмет линией, процарапывает по изображению мастихином, лезвием или затирает пемзой, кладет мощный плотный цвет, работает по листу, покрытому мылом или воском («Воспоминание о Макарске», 1973, ХХМ). Добиваясь определенного образного звучания, художник разбрызгивает по акварели воду, отчего возникает эффект легкости и подвижности («Натюрморт с персиками», 1974; «Новогодний натюрморт», 1973).

Ощущение мира, спроецированное через предмет, поражает глубиной и разнообразием. Художник извлекает все новые нюансы при его восприятии. В «Натюрморте с кактусом и кувшином» (1965) в мощном ритме линий, в сдержанной цветовой гамме листа обнаруживаются черты монументальности.

Подтверждением удивительной способности Лунева извлекать из любого мотива необходимую ему мелодию, полифонию настроений можно увидеть в «Натюрморте с дыней» (1973, ХХМ), – возможно, одном из лучших произведений в его творчестве. В акварели звучит особый строй, характерный для части произведений Лунева 70-х годов. Все составляющие композиции, линейные и цветовые паузы, мощная игра плоскостей и сложного колорита представляют единое целое. При всей простоте мотива он умеет наполнить образ необходимым ему содержанием. «Натюрморт с дыней» – философско-поэтическое произведение, вызывающее размышление о многомерных связях человека и мира.

В акварелях «В мастерской» (1969; ХХМ), «Натюрморт с черной бутылкой» (1975) и других работах нерезкие переходы из тональности в тональность, обогащенные оттенками различных цветов, усилены обводкой черными линиями. Разнонаправленные, мощные и подвижные – они то связывают, то разъединяют предметы и делают изобразительное поле напряженным и эмоциональным.

В натюрмортах Лунева можно выделить несколько образно-пластических доминант: конструктивная, живописная, декоративная. Однако это деление весьма условное, так как эти черты в той или иной степени присущи всем произведениям Лунева.

Натюрморты конструктивистского типа отмечены особой интеллектуальностью, выстроенностью мысли, обращением к ассоциативному началу. К ним можно отнести «Натюрморт с кувшином» (из серии «Окна»; 1971,

ХХМ), «Натюрморт с вазой и лимонами» (1972) и другие. В «Натюрмorte с вазой и лимонами» происходят превращения мертвой материи в жизнь, наполненную человеческими страстями. Ваза с лимонами, драпировки, стул – оживают. Деформация предметов, их смещение, игра напряженных линий, охватывающих предметы, сложные коричневатые тона рожают атмосферу таинственности.

К типу живописных натюрмортов примыкают такие работы, как например, «Натюрморт с яблоками и рыбой» (1965; ХХМ). Цвет оранжевых яблок со всполохами сложного желтого и зеленовато-синего фона создают цветовой конфликт. Он смягчается перламутрово-серым цветом рыб, чья хрупкость и нематериальность оттенены контурной линией. Сложная игра вспыхивающего цвета всего акварельного листа передает эмоции автора.

К этому произведению близок и «Натюрморт с яблоками, рыбой и бутылками на красном фоне» (1965; ХХМ), завораживающий игрой синих, желтых и красных тонов, заставляющих прозаические предметы жить в эстетическом измерении, далеко от их функционального назначения.

Утонченностью подачи мотива пронизана акварель «Натюрморт с бокалом» (1973). Она построена на симметричности композиции, игре ритма, линий и цвета, активной включенности фона.

Декоративность, как сказано выше, – неотъемлемая сторона эстетики Лунева. Но в ряде работ декоративность выступает, прежде всего, как самоценное качество акварельного листа, как например, в «Натюрмorte с яблоками» (1975), где каждый изобразительный элемент дарит радостную картину, полную трепета и волнения.

Предмет для Лунева служит своего рода репликой, пробуждающей творческое начало. Так, коричневый кувшин с засохшими ветвями вызвал в памяти художника страстную, полную динамики и мощи живопись художников-монументалистов Мексики. В его восприятии реальность трансформировалась в образ, волнующий остротой выражения. В «Мексиканском натюрмorte» (1967) уплощенное пространство и прихотливость ритма, сложная игра скупых цветов – те немногие составляющие, которые создают запоминающийся образ.

Свой языковой строй Лунев переносит на национальную почву. Так, увлечение народным искусством, обращение к фольклорным мотивам родило целый ряд своеобразных пейзажей и натюрмортов. Связь с народным искусством Украины в работах Лунева отражена в тяготении к декоративности и орнаментальности, яркой драматургии цвета и его символичности. В украинских пейзажах («Поля Украины», 1971; «На Черкащине», 1972 и др.), можно увидеть стремление художника создать знак, символ природы, выявить в ней самое существенное. Безусловно, обращение к народным традициям помогало художнику уйти от штампов, сформировавшихся в официальном искусстве. Способ, при помощи которого, говоря словами писателя

В. Шкловского, «художник учит нас не привыкать к миру».

В 70-е годы Лунев все более уходит от визуальной логики изображаемого. Его образы все чаще оставляют ощущение недосказанности и трагизма. Он пишет серию работ под названием «Пугало» (1973-78). Обычно закрепленный в сознании образ пугала как огородного страшила воспринимается в произведениях художника предвестником чего-то страшного и неотвратимого.

Акварели «Медитация» (1977; ХХМ) и «Полифем» (1977) – формулы внутреннего самочувствия автора. Здесь реальность и вымысел переплелись в единое пластическое целое, поражающее неразрешимостью противоречий.

В листе «На смерть Пикассо. Посвящение» (1973, ХХМ) художник использует мотив барочной геральдической композиции. На картуш красного цвета – цвет жизни и страсти – наложен своеобразный канделябр – растение с горящими цветами-свечами воздетыми, словно руки. Это живописный памятник великому художнику XX века, полный торжественности и драматизма.

В другой работе – «Памяти Пикассо» (1977) на картуше изображены в мучительной призывной мольбе извивающиеся, неведомые природе образования человеческой плоти. Они напоминают «цитаты» из произведений Пикассо, строй чувств и мыслей которого был близок и понятен Луневу в этот период.

Тема космоса, волновавшая художников с начала XX столетия, была особенно актуальна в 1960-70-е годы, в период его интенсивного освоения. Она давала простор фантазии автора, который остро чувствовал многомерность мира. Содержание листов его поздних серий «Завоевание космоса» (1976), «Ассоциации» (1977) и других определяет психологическое самочувствие человека и художника XX века. Серия «Завоевание космоса» включила в себя образы Вселенной и микрокосмоса – человека. Лучшие ее листы («Далекие миры», 1976, ХХМ; «Единство мира», 1976, ХХМ) несут идею вечного преобразования мира.

Акварель «Памяти погибших космонавтов» (1973) рождена трагическими событиями того времени. Художник решает образную задачу чрезвычайно лаконично: яркая волна, исходящей из своеобразного эпицентра – звезды, передает ощущение катастрофы, которыми неизбежно сопровождаются победы человечества над космосом.

В работе «Далекие миры. Лист III» (Из серии «Завоевание космоса», 1976, ХХМ) игра цветовых плоскостей, их экспрессивность звучат, как эхо изменений, происходящих в недрах Вселенной. В листе «Единство мира» (Из серии «Завоевание космоса», 1976) он запечатлевает изображение, напоминающее срез нервной клетки. Ее цветовая пульсация, мощные линейные ритмы создают ощущение движения неведомого, неземного начала. Осмыслению духовного единства человека и Вселенной, всего живого на Земле посвящена серия «Ассоциации» (1977). Ее тематическая связь с серией «За-

воевание космоса» несомненна. Не случайно в акварельных листах «Ассоциации», «Серое вещество» и других (из серии «Ассоциации», 1977) присутствуют мотивы, которые уже встречались в серии «Завоевание космоса».

В 70-е годы Лунев много экспериментирует, пытается расширить тематику своего творчества. Он создает цветоритмические композиции, навеянные музыкой, много работает в области абстрактной живописи («Декоративная вставка», 1975; «Натюрморт «Хулиган», 1975, ХХМ; «Цветомузыка», 1977, «Композиция № 5», 1975).

И наряду с этим, как будто утомившись от размышлений и пытаясь возвратиться к гармонии естественного мира природы, Лунев часто обращается к простым мотивам, будь это пейзаж с редким лесом и зелеными опушкам или зимняя дорога в ненастье. Во многом они ассоциируются с его ранними произведениями 50-х годов, но в них присутствует ощущение грусти и тревоги. Экспрессивная линия исчезает, уступая место скромной цветовой аранжировке («Сирень цветет», 1975; «Осенний лес», 1977).

Несмотря на активное участие художника в многочисленных выставках, многие его работы зритель не видел: они, как говорят литераторы, писались «в стол». Неоднозначность видения действительности в то время не всегда допускалась на авансцену искусства государственной системой.

Новое открытие художника приходит уже после его смерти в 1980 году, когда сотрудники Харьковского физико-технического института АН УССР организовали выставку произведений Лунева. Ее посетила почти вся интеллектуальная элита Харькова. Приходили общаться с работами Мастера, его неординарной личностью и открывали для себя новые, неведомые луневские миры. Искусство художника подпитывало зрителя, не давало умереть надежде, лучшие его работы говорили, что мир сложен, но прекрасен, и его еще предстоит осваивать современникам. Акварели Лунева читались, как откровение, они были воплощением духовной красоты и свободы, которых так не хватало обществу.

С. Е. Лунев на IV Всесоюзной выставке акварели в Минске. 1975.

ОТ РЕАЛЬНОСТИ К СИМВОЛУ

М. Г. Безнощенко-Лучковская.

Творчество харьковского графика и живописца М. Г. Безнощенко-Лучковской – это глубокое и сложное сопряжение художницы с миром и попытка в образной форме дать свои ответы на извечные вопросы: что есть человек, природа, любовь, что есть материя и дух. Автор решает волнующие его темы в разных жанрах: от портрета до картин со сложным философским содержанием. На каждой ступени развития М. Г. Безнощенко-Лучковская за большой, более сорокалетний период творчества, находит свой, неповторимый круг образов, определяющийся личностным взглядом на мир. И все ее работы представляются звеньями единой цепи, отражающими в своеобразной форме

сложные процессы, происходящие в жизни общества.

1970-е годы были для М. Г. Безнощенко-Лучковской, дизайнера по специальности, воспитанницы Харьковского художественно-промышленного института, полны поисков и находок именно в области живописи. В 1976 году художница поехала в творческую командировку на строящуюся Чернобыльскую АЭС, где написала серию пейзажей и портретов. Уже в этих первых живописных работах, выполненных в технике масляной живописи мастихином, присутствовал дух отрицания натуралистической описательности и раскрытия темы через сюжет – безотказного способа функционирования художественного произведения в то время. В обыденном жизненном явлении, пейзаже, человеке она находила эмоционально-живописное богатство и стремилась к их художественному воплощению.

Чернобыльские промышленные пейзажи, с запечатленной на них строящейся АЭС (в действительности – утилитарное, рациональное, скучноватое сооружение) и сейчас, спустя почти сорок лет со времени их написания, привлекают силой авторского переживания. В живописном прочтении это раскрывается в жизнерадостной сочности письма, динамике мазка, звучном единении красок. Увлеченность, с которой были написаны картины, их одухотворенность и красота делают полотна этой серии жанром пейзажной лирики.

В Чернобыле М.Г. Безнощенко-Лучковская пишет и первые портреты – жанр, к которому она будет обращаться впоследствии на протяжении всего творчества. Их своеобразие, начиная с дебютных, определяется пристальным вниманием к человеку и неординарностью образного прочтения («Портрет Тани Тимофеевой», 1976; «Девушка с зелеными коленями», 1976 и др.). Художница представляет героинь без антуража и композиционной сложности, в бытовой обстановке, обостряя тем самым творческую задачу. Работы писались в темпе «alla prima», и автор поясняет это так: «Натурщиц у меня не было, а кто позировал – им было некогда... Портрет писала минут за сорок». Однако М.Г. Безнощенко-Лучковская верно схватывает особенности своих моделей, их привлекательную молодость, ясность и открытость характеров. Содержательность образов раскрывается через авторскую интерпретацию с ее острохарактерным цветовым решением, широким свободным письмом. Стиль этих портретов ярко индивидуальный, смелый и декоративный, а способы образного воплощения – убедительны. Не случайно, когда «Портрет Тани Тимофеевой» экспонировался на выставке в Киеве, мэтр украинского искусства Т.Н. Яблонская высоко оценила работу художницы.

Обозначившаяся в 1970-е годы её тяга к портрету впоследствии получает иное образное звучание. Душевная простота и привлекательность чернобыльских девушек, открытость и энергичность письма уступают место иным моделям и иной трактовке в ряде портретов, где она утверждает прежде всего красоту духовную. Героини ее полотен спокойны, они словно живут в своём внутреннем мире («Девочка с собакой» (1977), «Племянница Люба», 1980; и др.). Автор ограждает их от тревог времени, погружая в эмоциональную среду, порожденную светоносной мерцающей живописью. Материальное в ее произведениях превращается в чувственное, подвижное, мир живой и вещный одухотворён.

Декоративность – неотъемлемая составляющая портретов художницы, выполненных в 1980-е годы. Она использует прием наложения цветowych плоскостей – выразительных силуэтов с вибрирующей фактурой. Фон решается как сложное светокolorистическое пространство полотна, который играет особую роль в портретах: он – носитель духовной ауры, в которой живут герои. Обращение к передаче внутреннего, сокровенного нашло своеобразное продолжение в последующих работах художницы.

На Чернобыльскую трагедию 1986 года художница откликнулась серией пастелей: «Сумерки», «Росное утро. Купальщица», «Полдень», «Голубой вечер» (все – 1987 г.). Они пронизаны ощущением ностальгии, тонкого поэтического чувства по утраченному «земному раю».

Композиционный центр большинства картин – свет. Из него, как из небытия, рождаются воспоминания о Чернобыле с его естественным будничным течением жизни. Они словно сотканы из света и воздуха и вот-вот готовы

раствориться, как мираж. Сюжеты – фрагменты человеческой памяти: вечерняя прогулка по селу, когда в тумане, при свете луны обыденное представляется чем-то волшебным («Голубой вечер»); тёплые осенние дни на закате солнца, смутно высвечивающего родные лица («Сумерки»); сказочно-таинственное озеро, обрамленное яблочным садом, и купающаяся рыжеволосая девушка («Росное утро. Купальщица»).

Социальные катаклизмы последних десятилетий по-своему преломились в творчестве художницы. Тонкое и подвижное эстетическое сознание М.Г. Безнощенко-Лучковской остро почувствовало гнетущую атмосферу в обществе конца 1980-х годов и породило одно из лучших её произведений – графический триптих «Исповедь». Размышления автора о смысле жизни, о сопряжении земного и небесного, жизни и смерти объединены на листах «Зов», «Река Лета», «Письмена» в философско-поэтический образ. Он полон трагического ощущения мира, предчувствия всеобщей беды, боли по утрате человеком ощущения природы как гармоничного начала. Оригинальность композиции, свободный монтаж сюжетов, смелая переработка изобразительного материала делают это произведение этапным в творчестве автора.

В работах конца 1980-х и 1990-х годов характер образов меняется, словно у художницы нет сил вспоминать прошлое, видеть настоящее, но можно создавать свой собственный мир. Здесь уже властвуют не реальные герои, как это было в работах первой половины 1980-х годов («Племянница Люба», 1980; «Крестьянка», 1984; «Нателла», 1984 и др.), а «инобытие» – постижение мира образными представлениями, рождёнными её мыслями, чувствами и фантазиями. М.Г. Безнощенко-Лучковская перешла на иной уровень художественного мышления и нашла то равновесие, когда сюжеты и их формально-стилистическое решение являются выражением неповторимого образного строя («Час быка. Апис», 1988; «Искушение», 1988; «И свет, и тень», 1991 и др.).

Работы М.Г. Безнощенко-Лучковской этого периода близки к идеям художников-символистов. У нее, как и у них, «неприятие здешнего мира», творческое воображение художницы создает свою версию мира – мира внутреннего. Он идеалистичен и индивидуален в своем преломлении действительности и воспринимается, как антитеза миру земному.

Во многих произведениях драматичности времени автор противопоставляет идею добра и гармонии, которая выражена в разнообразной сюжетной и пластической форме. Чувственное начало её образов, помноженное на интеллектуальное, рождает сложную гамму чувств.

В 1990-е и в начале 2000-х годов художница воплощает одну из главных тем своего творчества – мечту о ничем не замутнённом бытии, единстве всего живого на земле. Её образы носят отвлечённый характер, они пришли на холст из представлений автора о совершенном мире, и это было своеобразным бегством от грубой реальности жизни.

Общий пейзажный ряд произведений тех лет – это горы, утёсы, озёра с животными и птицами, которые мы видим словно в безвоздушном пространстве, в космических красках.

Среди этого фантастического мира – женщина, лирический образ самой художницы. Она – носитель сокровенных чувств и мыслей, она философ и поэт. Этот образ присутствует в различных сюжетных композициях и трансформируется то ли в утончённую даму («Мелодии», 1996; «Путешествие», 2000; «Расставание», 2000), то ли это само воплощение вечного женского начала, которое художница превращает в выразительный силуэт-символ («Бег-I», 2001; «Бег-II», 2001; «Бег-III», 2003).

Серия работ с образами быка и дамы – поэма о любви и смысле жизни. В 1988 году в произведениях художницы впервые появляется образ таинственного быка, пришедшего к волшебному источнику. Он мощен и красив, словно египетское божество Апис – воплощение силы и плодородия. Автор и свою работу называет «Час быка. Апис». Впоследствии образ быка становится героем многих произведений художницы. В полотне «Бег-I» бык несется по холмам над полями, унося в неведомое сидящую на нём женщину, превратившуюся в комочек пылающего сердца, в «Бег-II» бык покорен, «Бег-III» – бег к ожидаемому счастью.

Лирическая тема в серии «Бег» решается через обобщение форм, цветопластическую выразительность и лаконичность линий. В других работах («Мелодии», «Путешествие», «Расставание») образ строится на мягких колористических отношениях и ритмической выразительности планов, ирреальности освещения, где изображение словно подсвечено изнутри. Художнице удалось воплотить в полотнах некий идеал, в котором отражён прекрасный мир, жизнь, полная нравственной чистоты и духовности.

В работах 1990 – 2000-х годов именно язык символа, метафоры даёт ей свободу в художественных высказываниях о сложных проблемах бытия. Творческие поиски М.Г. Безнощенко-Лучковской нашли своеобразное обобщение в картине «Будни земные» (1992). В работе автор, склонный к философским обобщениям, стремится осмыслить ход истории, ее повторяемость, а вместе с ней – цикличность социальных, политических, нравственных катаклизмов. На небольшом пространстве листа художница концентрирует отвлеченные понятия добра и зла, красоты и порока, мирские будни людей, облекая их в символическо-аллегорические формы. Здесь дан простор фантазии, ассоциативному мышлению, когда из аморфных мифологизированных фигур людей и животных с гротескным или лирико-романтическим подтекстом складывается образ современного мира, в котором угадываются черты вечного противоборства двух начал – света и тьмы.

Значительное место в творчестве художницы занимает тема пронзительного одиночества человека в современном мире, где нет устойчивых связей и прочных опор. «Белые ночи» (2000) – одно из лучших её произ-

ведений на эту тему. Оно лаконично по живописно-пластичному решению. Яркие краски уходят с полотна; большие плоскости, обобщающие линии, скупой серовато-голубой колорит переводят образ в план широкого художественного обобщения. Ночью, в одиночестве, звери и люди чувствуют своё полное природное единство. Это полотно таит в себе множество социальных, этических и нравственных пластов.

В 1980 – 90-е годы М. Г. Безнощенко-Лучковская создаёт ряд графических портретов, в которых запечатлены лики женской красоты. Они выполнены в сложной авторской технике. В решении образов присутствуют плоскостность и декоративность, лаконичность композиции и музыкальность, утончённость линейного ритма. Поэтичность и меланхолия образов подчёркивает их незащищённость в несовершенном мире. Женские портреты сродни тончайшей лирике. Общая характеристика портретов данной серии – высокая графическая культура и тонкое колористическое мастерство.

Портретам близки по настроению и художественному воплощению более поздние графические работы автора, такие как «Яблони в саду» (2006), «Гуси в саду» (2006) и др. Сюжеты со сценами в саду и нежный колорит произведений создают образ идиллического хрупкого мира. Ритмически расположенные фигуры женщин и детей, животные и птицы будто застыли на мгновение, и художница словно погружает зрителя в красивую сказку о земной жизни.

В последние годы М. Г. Безнощенко-Лучковская обращается к жанру натюрморта. Она уже не сочиняет сюжеты – перед ней открывается беспредельная красота реального. Материальный мир дарит ее полотнам богатство цвета, обилие композиций. Радостные и уютные «домашние» натюрморты, с ярко выраженным композиционным центром и многообразием предметов («Цветы, фрукты, яйца», 2006; «Цветы и овощи», 2004; «Натюрморт с булочкой», 2005 и др.), сменяются другими. В них уже присутствует эмоционально-заостренная живописная форма, чувственность и декоративность («Ананас с чашкой», 2004; «Кактус с ананасом», 2005 и др.).

На общественные потрясения, кризис духовных ценностей художница откликнулась светлыми образами любви, красоты и надежды на лучшее. В своих произведениях она словно стремится преодолеть разрыв между миром мечты и миром реальным. Ей удалось многое: минув житейскую суету и мелкотемье в творчестве, дать свой вариант восприятия вечных тем в искусстве.

Полотна М. Г. Безнощенко-Лучковской – это своеобразная материальная оболочка, под которой бьется чуткая и беспокойная душа художника с желанием сделать этот мир лучше и не дать умереть надежде.

До 65-річчя

Ракитянська Валентина Дмитрівна (1948)

*Заслужений працівник культури України (1999),
почесний громадянин Харківської області,
кавалер ордена княгині Ольги III ступеня (2012),
директор Харківської державної наукової бібліотеки ім. В.Г. Короленка (з 2007).*

Закінчила Харківський державний інститут культури (1972). Працювала методистом Харківської обласної універсальної наукової бібліотеки (ХОУНБ), завідуючою абонементом бібліотеки завкому Харківського заводу транспортного устаткування, бібліотекарем, завідуючою відділом, заступником директора з наукової роботи, директором ХОУНБ.

Фундатор Харківського бібліотечного товариства (1990). Член правління Всеукраїнської асоціації сприяння ООН, Асоціації сучасних інформаційно-бібліотечних технологій, член Національної спілки краєзнавців. Має численні публікації в професійній пресі. З квітня 2011 р. очолює Харківське обласне відділення Української бібліотечної асоціації. Двічі нагороджена найвищими нагородами Харківської області – Почесними грамотами Харківської обласної державної адміністрації (1998, 2003), була лауреатом стипендії голови Харківської обласної державної адміністрації у галузі культури ім. Гната Хоткевича 2003 – 2004 рр. Неодноразово нагороджувалася Почесними грамотами і подяками Міністерства культури і мистецтв України.

У рейтингових виданнях серії «500 впливових особистостей» («Харкову – 350», «Харків ювілейний», «Славетні жінки. Україна-2005», «Україна й українці – цвіт нації, гордість країни») опубліковані статті про В.Д. Ракитянську. За висновками інституту рейтингових досліджень у 2005 і 2008 роках входила до числа осіб, визнаних «Харків'янином року».

У 2010 році нагороджена Почесною відзнакою Харківської обласної ради «Слобожанська слава», Почесною грамотою Державного департаменту інтелектуальної власності. У 2010 та 2011 роках нагороджувалася Почесними грамотами ЦК профспілки працівників культури України.

До цих офіційних відомостей хочеться додати кілька слів про Валентину Дмитрівну – керівника і колегу. Очоливши ХДНБ ім. В.Г. Короленка, вона запровадила багато інновацій, створила в колективі атмосферу творчості. Бібліотека за час її керівництва зазнала значних перетворень, змінилася на краще зовнішньо і внутрішньо. Це відзначили читачі і гості, які завітали на ювілейні свята з нагоди 125-річчя бібліотеки. Так багато можна зробити лише завдяки надзвичайній енергійності, завзятості і наполегливості. Саме ці якості притаманні Валентині Дмитрівні. Вона доброзичливий і мудрий, водночас твердий і вимогливий керівник. Валентина Дмитрівна надихала, спонукала і скеровувала співробітників під час написання нарисів з історії бібліотеки. Вперше створено видання, в якому докладно висвітлені драматичні події, що відбувалися протягом 125-річної історії ХДНБ, описані долі кількох самовідданих працівників. Збірник нарисів виданий на високому поліграфічному рівні також стараннями Валентини Дмитрівни, адже вона має неабиякий талант спілкування з людьми, що допомагає їй робити для улюбленої бібліотеки все можливе і навіть більше...

В.Д. Ракитянська закохана в книгу, у Слобожанщину, є людиною великої душі і щирості.

С. М. Миценко,
завідуюча науково-видавничим центром ХДНБ ім. В. Г. Короленка

В.Д. РАКИТЯНСЬКА

ХАРКІВСЬКА ДЕРЖАВНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ІМ. В. Г. КОРОЛЕНКА ЗА 125 РОКІВ: НАЙГОЛОВНІШЕ...

Поява 8 жовтня (26 вересня за старим стилем) 1886 р. громадської бібліотеки стала видатною подією у Харкові і мала великий розголос у суспільстві. Відкриття бібліотеки і її досягнення за перші 25 років існування один із сучасників, видатний промисловець, гласний Харківської міської думи Микола Федорович фон Дітмар, оцінив як «великий пам'ятник общественного самосознания и творчества... харьковского общества, которое было богато общественной инициативой».

Сьогодні це заклад культури всеукраїнського значення, одна із найбільших бібліотек України та Європи. Стодвадцятип'ятирічний її шлях припав на три століття і був таким же непростим, як вся історія України цього періоду.

Заснована з ініціативи найкращих представників харківської інтелігенції як громадська, бібліотека вже в перші десятиліття діяльності стала широко відомою в Російській імперії і в Європі. Ідея відкриття у Харкові громадської бібліотеки (ХГБ) об'єднала навколо себе таких видатних харків'ян, як харківський губернатор О. О. Ікскуль фон Гільденбандт, відома просвітителька Х. Д. Алчевська, професори Харківського університету М. М. Бекетов, О. І. Кирпичников, М. Ф. Сумцов, В. Я. Данилевський, О. П. Грузинцев, громадський діяч М. П. Баллін, чиновник О. О. Гурський та ін. Майже всі вони входили до правління, яке здійснювало управління ХГБ.

У подальшому до долі ХГБ були причетні інші видатні харків'яни – академік Дмитро Іванович Багалій, який протягом 13 років очолював правління ХГБ, академік архітектури Олексій Миколайович Бекетов, який безкоштовно розробив проект спеціалізованої будівлі і керував її будівництвом, що було завершено в січні 1901 р., Любов Борисівна Хавкіна, співробітник бібліотеки, видатний бібліотекознавець, автор багатьох праць, що здобули міжнародне визнання.

Протягом перших 15 років бібліотека розміщувалася у 3-кімнатному флігелі на Миколаївській площі і не мала пристосованого приміщення. З ініціативи впливової громадськості міста ця проблема була вирішена і протягом 1898 – 1901 рр. за проектом О. М. Бекетова було споруджено

будівлю, що відповідала вимогам бібліотечної технології. На той час це був унікальний проєкт, тому що передбачав застосування у книгосховищі металевих перекриттів. Книгосховище, влаштоване за типом бібліотек Страсбурзького та Варшавського університетів, було обшите залізом для захисту від вогню. Його місткість – 280 тис. томів.

Подібні книгосховища в Російській імперії існували тоді тільки у бібліотеках Московського та Варшавського університетів. Книгосховище було частково заглиблене у землю, що передбачило сучасний погляд на побудову таких споруд. Було залишене місце для добудови книгосховища, достатнього на наступне сторіччя. Окрасою фасаду будівлі стало ліплення, виконане скульптором О. Р. Якобсом за ескізами О. М. Бекетова. Просторий читальний зал з приміщенням для наукової роботи, окрім свого основного призначення, став також місцем проведення численних публічних лекцій, музичних вечорів, концертів тощо.

Протягом 1912 – 1914 рр. були проведені роботи з розширення книгосховища, влаштовано 5 – 7-й яруси, проведено електричне освітлення на 6 – 7-й поверхи, встановлено підйомник, пилевисмоктувач, збудовано кам'яну огорожу вздовж садиби.

З перших днів роботи ХГБ користувалася великою популярністю, оскільки організаторський талант засновників і їхніх послідовників був настільки пасіонарним, що цікаві події відбувалися щодня. Тисячі листів до окремих осіб, видавців, урядових, наукових і громадських організацій з проханням безкоштовної передачі книг для бібліотеки дали можливість швидко сформувати досить потужний фонд, що за 25 років зріс у 70 разів (з 1,7 тис. примірників під час відкриття до 149 тис. примірників у 1911 р.). Книги для ХГБ жертвували видатні вчені, державні і громадські діячі, Імператорська академія наук, Рум'янцевський музей, міністерства, земства, духовні академії. Від Імператора Олександра III були отримані коштовні багатотомні видання – «Полное собрание законов Российской Империи» і «Свод законов». Дарувалися не лише окремі книги, а навіть цілі бібліотеки (відомого письменника Г. П. Данилевського, видатного юриста К. М. Анненкова, лікаря О. Є. Порай-Кошиця), частини бібліотек відомого філолога-славіста О. О. Потебні, професорів В. І. Добротворського, В. П. Сокольського, письменника І. С. Аксакова та багатьох інших.

Така цілеспрямована робота з перших днів дозволила сформувати по-справжньому науковий фонд і багато років підтримувати відносини з авторами й установами, які і надалі надсилали нові видання.

На початку XX ст. комплектування здійснювалося у спеціалізованих книготорговельних фірмах, фонд поповнювався науково-технічною, музичною, дитячою та іншою літературою. Активно використовувалися й букіністичні магазини. На жаль, дорожнеча видань часто не дозволяла їх купувати, тому лише 30 відсотків літератури на той час було куплено.

Не дивлячись на те, що книгозбірня не отримувала обов'язкового примірника, її фонд високо оцінювала громадськість. Відомі вчені Д. І. Багалій та М. О. Рубакін відзначали, що фонд ХГБ якісно перевершував фонди навіть тих публічних бібліотек, котрі розвивалися у більш сприятливих умовах і одержували значні субсидії від місцевої влади (Одеська, Ризька та інші бібліотеки).

За вимогою часу ХГБ бере на себе нові функції, які згодом відбиваються у формуванні особливої структури, притаманної у той час небагатьом бібліотекам. Серед вагомих новацій – перші в країні «дешевий абонемент», безкоштовний «кабінет для читання», «робочі філії», кабінет бібліотекознавства та нотний абонемент, відділ Judaica. Бібліотека була одним із фундаторів бібліотечного українознавства та краєзнавства. У 1906 році тут було засновано український відділ, створення якого стало першим досвідом цілеспрямованого накопичення у громадській бібліотеці матеріалів про Україну, в т.ч. екстеріорики, творів українських письменників, краєзнавчих матеріалів та їх активної популяризації. Прикладом бібліографічної діяльності відділу було видання друкованого «Каталогу книжок українською мовою Харківської громадської бібліотеки». Це був перший і єдиний, виданий до 1917 р., бібліографічний посібник українською мовою, присвячений українській книзі.

З перших років діяльності розвивалися міжнародні відносини з багатьма бібліотеками Європи, Азії, Америки, від них не тільки отримувалися книги, журнали, а й кращий бібліотечний досвід. Неможливо зараз назвати всіх міжнародних партнерів за весь період існування, однак серед перших 24-х були такі: Нью-Йоркська Публічна бібліотека, Бібліотека Конгресу США, Бібліотека Британського музею та інші. Подальший розвиток міжнародних зв'язків дозволив запроваджувати досвід кращих книгозбірень світу, сприяв значному поповненню фонду літературою іноземними мовами з усіх галузей знання, у т.ч. і з питань бібліотекознавства.

Такими ж швидкими темпами розвивалася науково-просвітницька діяльність. Окрім видачі книг читачам, працівники ХГБ проводили безліч різноманітних культурних заходів. Благодійні спектаклі, музичні вечори, зустрічі з письменниками і вченими, навіть постановки опер сприяли створенню іміджу культурної установи й підвищенню авторитету Бібліотеки. Цей імідж поліфункціонального закладу зберігається протягом 125 років. У великому читальному залі у різні роки виступали В. Комісаржевська, І. Северянін, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, С. Цвейг, Й. Бехер, В. Маяковський, О. Мандельштам, В. Еллан-Блакитний, О. Толстой, В. Катаєв, Ю. Олеша, А. Ахматова, М. Асєєв, Вс. Иванов, М. Кольцов, Л. Сейфулліна, П. Тичина, В. Сосюра, Є. Євтушенко; давали концерти С. Рахманінов, Р. Глієр, Г. Нейгауз, Б. Барток, В. Горовиць, славнозвісний хор М. Леонтовича, лунали голоси артистів італійської опери, виступав з виконанням власних вокальних

творів І. Дунаєвський. З читачами зустрічалися видатні вчені В. Бехтерєв, О. Білецький, О. Потєбня, М. Рейснер, Ф. Цандер, Г. Проскура, космонавт В. Джанібєков та багато інших.

За участь у Всесвітній виставці 1905 р. у Льсжі (Бельгія) бібліотека отримала Почесний диплом, а посібник «Библиотеки, их организация и техника», розроблений Л. Б. Хавкіною, був нагороджений золотою медаллю.

Журнал «Библиотекарь» у 1910 р. писав, що за обсягом фонду, кількістю читачів та книговидач наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. ХГБ посідала третє місце серед найбільших бібліотек країни, за інтенсивністю відвідувань була навіть першою. Багатопланова діяльність на ниві просвітництва, численні новації, розвинуті міжнародні зв'язки сприяли зростанню престижу книгозбірні серед читачів, бібліотечної спільноти, у т.ч. зарубіжних країн.

У червні 1911 р. у Санкт-Петербурзі на І Всеросійському з'їзді з бібліотечної справи експонувалися матеріали ХГБ: діаграми, фотографії, видання тощо. За участь у роботі з'їзду бібліотека була нагороджена Почесним дипломом.

Жовтнева революція багато змінила у завданнях і функціях бібліотеки: створюються нові відділи та реорганізуються дореволюційні, інакше відбувається формування фондів, змінюються завдання науково-методичної та масової роботи, взаємини з владою і читачами набувають політичного окрасу. Новий масовий читач (робітники, червоноармійці, співробітники державних установ, працівники торговельних та промислових підприємств) потребував більш індивідуального підходу до організації читання. На допомогу новим завданням створюється консультаційний відділ, в якому складаються рекомендаційні списки літератури з різних галузей знання для окремих читачів і організацій. Завідувач відділу Борис Осипович Борович увійшов в історію не тільки ХДНБ ім. В. Г. Короленка, а й в історію бібліотечної справи Радянського Союзу як талановитий теоретик і організатор першого у великій державі бібліотечного предметного каталогу.

Політизація та ідеологізація життя у 1920-ті роки позначилася створенням у бібліотеці кабінету марксизму-ленінізму, відділу національностей та чужоземної літератури, одночасно відновлюються міжнародні зв'язки. У 1922 р. відбувається багато знакових подій, які визначили майбутнє бібліотеки: вона отримує статус державного закладу культури і цього ж року Раднарком України присвоює їй ім'я відомого письменника, просвітителя Володимира Галактіоновича Короленка. Починає здійснюватися державне планове комплектування обов'язковим примірником (а з 1929 р. – двома) всієї друкованої продукції, що видавалася в СРСР. У різні періоди одержувався всеукраїнський, всесоюзний, всеросійський та місцевий безкоштовні та платні обов'язкові примірники творів друку.

У 1926 р. бібліотека стає базою проведення І Всеукраїнського з'їзду

бібліотечних працівників. З'їзд визначив державні бібліотеки як центри бібліографічної роботи країни. Крім цього, на них було покладено обов'язки здійснювати науково-дослідну роботу з бібліотекознавства та книгознавства, всіяко використовуючи практичний бібліотечний досвід, а також видавати наукові праці.

За високий рівень діяльності та значний внесок у розвиток науки та освіти України в 1930 р. було визначено статус бібліотеки як наукової державної установи у підпорядкуванні сектору науки Наркомосвіти УСРР. Відтоді бібліотека має назву «Харківська державна наукова бібліотека ім. В. Г. Короленка» (ХДНБ) і стає науково-методичним центром для бібліотек республіки.

Напередодні Великої Вітчизняної війни обслуговувалося біля 20 тис. читачів, кількість відвідувань перебільшувала 200 тис. за рік. Фонд ХДНБ налічував 2 млн 300 тис. одиниць і був укомплектований з вичерпною повнотою науковою літературою з усіх галузей знання, містив унікальні колекції пам'яток писемності та друку. За передвоєнними показниками роботи та обсягом фонду ХДНБ увійшла до перших лав як радянських, так і світових книгозбірень і була третьою за основними показниками у Радянському Союзі.

Роки війни завдали великих втрат: було зруйновано книгосховище, авіабомба розбила дах: обвалилася розкішна стеля великого читального залу, був пограбований фонд. З перших днів окупації Харкова бібліотека входить до складу найважливіших об'єктів культури, куратором яких був штаб Альфреда Розенберга. Майже 700 тис. примірників згоріло у вогнищах, було вивезено до Німеччини. Серед останніх – українські стародруки XVII – XVIII ст., колекція географічних карт та атласів XVIII – XX ст., іноземні стародруки, науково-технічні видання, довідкова література та багато іншого. Було також вивезено систематичний каталог обсягом 1 млн 200 тис. карток.

Серед матеріалів Нюрнберзького процесу щодо злочинів фашистів у роки Другої світової війни неодноразово розглядалися документи про втрати ХДНБ ім. В. Г. Короленка, серед них фігурував фотознімок напівзруйнованого фондосховища. Документи, що були представлені Міжнародному суду, свідчать про значні, непоправні втрати.

Відразу після визволення Харкова у серпні 1943 р. до ХДНБ було надіслано 25 тис. томів із Державного фонду літератури, створеного для відбудови бібліотек. Незважаючи на величезні труднощі, бібліотека з перших днів визволення міста обслуговувала читачів. Службове приміщення, тимчасово пристосоване під читальний зал, мало лише 30 місць та читачі, яких у перший місяць роботи було близько 150, одержали понад 8 тис. книг.

Неоціненну допомогу відродженню фонду бібліотеки надавали Державна бібліотека СРСР ім. Леніна, книгозбірні союзних республік, книголюби,

громадські та наукові установи. У 1943 – 1945 рр. було упорядковано понад 1 млн творів друку, що відкрило доступ до 70 відсотків наявного фонду.

Читальний зал відкрився у 1947 р., а за два роки фонд відновився і досяг довоєнного рівня. Цього було досягнуто завдяки рішення уряду про надання права бібліотеці з 1944 р. одержувати, окрім платного обов'язкового примірника, безкоштовний. Лише у 1952 р. закінчилося відновлення систематичного каталогу за участю науковців Харківського державного університету, науково-дослідних установ і вузів міста.

У перші повоєнні роки чітко визначилося одне з найважливіших завдань ХДНБ – планомірне й організоване обслуговування науковців і фахівців. Відповідно до цього сталися зміни в співвідношенні між провідними групами читачів. Якщо до війни найбільш численну становили студенти, то наприкінці 1950-х років – наукові працівники і спеціалісти народного господарства. Читачами бібліотеки стають раціоналізатори й винахідники, патентознавці та інформатори, технічні перекладачі. Цілеспрямовану роботу з ними проводить відділ патентів, створений у 1956 р. Відзначаючи успіхи ХДНБ, Президія Верховної Ради УРСР у 1956 р. нагородила її колектив Почесною грамотою за досягнення у розвитку науки і культури.

1960-ті роки відзначилися запровадженням нової прогресивної форми обслуговування – відкритого доступу до книжкових фондів, який сприяв наближенню книги до читача. Розвивався й удосконалювався довідково-бібліографічний апарат ХДНБ. Відповідно до «Положення про організацію науково-методичної і бібліографічної роботи наукових бібліотек на допомогу бібліотекам республіки» у 1964 р. за ХДНБ ім. В. Г. Короленка було закріплено бібліотеки Ворошиловградської, Дніпропетровської, Донецької, Полтавської, Сумської і Харківської областей для надання методичної допомоги і було доручено методичне забезпечення комплексу питань з пропаганди технічної літератури для бібліотек республіки. Першою серед наукових бібліотек СРСР у 1964 р. ХДНБ отримала звання «Бібліотека відмінної роботи».

У 1971 р. за проектом архітектора Ю. Вейцмана розпочалося спорудження нового книгосховища на 4 млн томів та службового і читачького корпусів. Будівництво нових приміщень закінчилося в 1980 р., було отримано додатково 12730 м² корисної площі, що дозволило не тільки раціонально розмістити фонд і забезпечити його відповідне зберігання, а й організувати обслуговування читачів у 13 спеціалізованих читальних залах. На Виставці досягнень народного господарства України в 1977 р. бібліотека отримала Диплом 1 ступеня за успіхи у розвитку культури та народної творчості.

У 1980 – 90-х роках почалося систематичне формування особистих архівних фондів, що сприяло врятуванню цінних наукових документів. Саме в цей період створюються десятки нових архівних колекцій письменників, учених, діячів освіти Слобожанщини. Серед найбільш цінних надходжень з приватних зібрань 1984 – 86 рр. – Евангелие учительное, 1569 р.; Триодъ

постная, 1630; Библия, Нюрнберг, 1475.

Бурхливі соціально-політичні та економічні зміни 1990-х років, при-
таманні розбудові Української держави, спонукали колектив бібліотеки
до всебічного аналізу набутого досвіду роботи та активного пошуку оп-
тимальних шляхів подальшого розвитку. Відбувалися складні процеси
адаптації до нових реалій життя України, до нової соціально-культурної
ситуації, відновлювалися традиції, започатковані у дореволюційний період
діяльності та у 1920 – 30-ті роки.

У 1993 р. у структурі ХДНБ було відновлено відділ україніки. Задовго до
сучасного розуміння українознавства та краєзнавства тут сформувалися їх
основні принципи і напрямки. За вагомий внесок у розвиток бібліотечного
краєзнавства у 1993 р. відділ було нагороджено дипломом Лауреата
республіканської премії ім. Д. Яворницького. ХДНБ є методичним цент-
ром бібліотечного краєзнавства та координатором краєзнавчої діяльності
бібліотек регіону. У її фонді представлені всі види документів українською,
російською та іноземними мовами з усіх галузей знання, зберігається
близько 70 тис. пам'яток світового та національного культурного значення.
Бібліотека володіє унікальним зібранням книг кириліцького і латинського
шрифтів, виданих в Україні у XVI – XVIII ст. У складі цієї колекції 42 пам'ятки
друку, що збереглися в одному – харківському примірнику. Створені також
колекції шедеврів книжкового мистецтва XIX – XX ст., мініатюрних видань
та книг-велетнів, картографічних, образотворчих, нотних видань, книг з
екслібрисами, факсимільних видань пам'яток писемності та друку. Є зібрання
малої графіки, у т.ч. близько 35 тис. художньо виконаних екслібрисів.

Унікальним за обсягом і хронологічною глибиною є газетний фонд: у
ХДНБ зберігаються газети з 1759 року видання. Щороку отримується 40 –
60 тис. примірників нових видань та авторефератів дисертацій, у т.ч.
обов'язковий примірник творів друку України, близько 15 тис. примірників
журналів та 600 комплектів газет.

Сьогодні бібліотека – це 7,1 млн прим. унікального фонду, 45 тис. читачів
(основний контингент – науковці, спеціалісти, студентська молодь).

ХДНБ ім. В. Г. Короленка належить одне з провідних місць у забез-
печенні інформацією потреб науки і виробництва Харкова. Документ-
ною базою цієї діяльності є один із найбільших у країні фонд технічної
літератури, що становить понад 3 млн примірників, у т.ч. понад 1 млн
стандартів та описів винаходів. У квітні 2006 р. у бібліотеці відкрито Центр
інформаційної підтримки винахідництва, який працює на базі відділу
науково-інформаційного забезпечення інноваційних процесів. Мета центру –
підтримка інноваційної діяльності засобами патентно-інформаційного за-
безпечення.

Проводиться велика просвітницька робота – наукові дискусії, «круглі сто-
ли» з актуальних проблем, зустрічі з відомими діячами науки і мистецтва,

концерти класичної, народної музики тощо. Давні творчі зв'язки зі Спілкою краєзнавців України, товариствами «Просвіта», «Спадщина», «Охорона пам'яток історії та культури» сприяють успішній роботі клубів краєзнавців, пушкіністів, Американського клубу. З 2005 р. працює літературна студія Міжрегіональної спілки письменників України.

Міжнародні зв'язки продовжують розвиватися завдяки плідній співпраці з Центром Ради Європи в Україні, Представництвом Європейського Союзу в Україні, Інститутом Східної та Південно-східної Європи (Відень), Гете-Інститутом Інтер Націонес (Мюнхен), посольствами США, Австрії, Франції, Польщі в Україні, Канадським інститутом українознавчих студій, Мічиганським університетом, Товариством «Канадські друзі України» та іншими фондами й організаціями. Здійснюється міжнародний книгообмін з 63 партнерами.

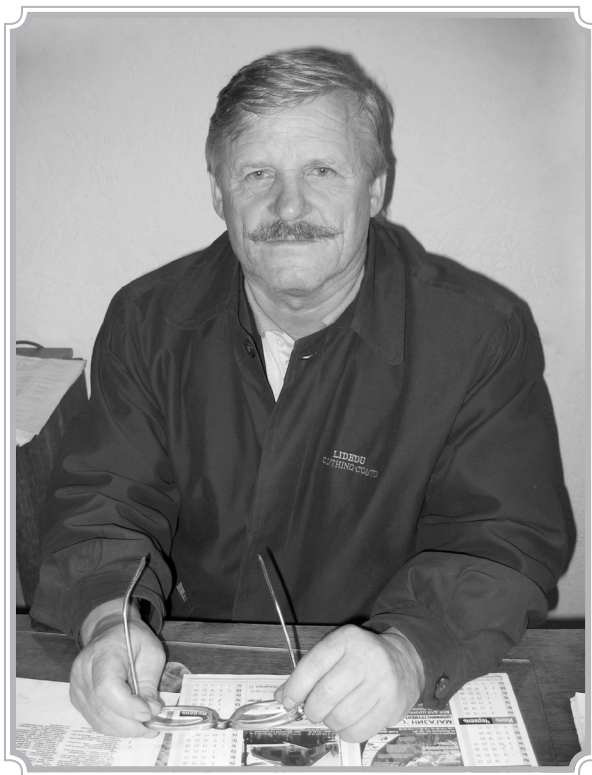
До послуг користувачів електронний каталог, власні і запозичені бази даних, Інтернет-центри, Wi-Fi, працюють «віртуальна довідка», електронна доставка документів, Центр інформаційної підтримки винахідництва.

Колектив бібліотеки – висококваліфіковані спеціалісти, які підтримують традиції, закладені фундаторами, і працюють у напруженому ритмі. Щороку готується кілька десятків наукових документів, 20 – 30 видань, проводяться конференції науковців Харкова й України, міжнародні заходи.

ХДНБ поширює вплив як науково-методичний центр з питань формування, збереження та використання раритетних бібліотечних зібрань, каталогізування документів. Постійний характер має вивчення та розкриття колекцій пам'яток друку та писемності, архівних матеріалів, наявних у фонді, історії українського друку XVI – XX ст. Результати науково-дослідної та науково-методичної роботи співробітники бібліотеки презентують на міжнародних, всеукраїнських, регіональних конференціях, семінарах, нарадах. За 125 років існування ХДНБ зберегла найголовніше – демократичне спрямування, вміння оперативно реагувати на потреби сучасності, прагнення до вирішення проблем на науковому рівні, новаторське ставлення до роботи.

Харків'яни небайдужі до долі своєї бібліотеки. Творчий колектив її працівників напередодні ювілею створив для своїх читачів збірник нарисів «Бібліотека в історичному просторі трьох епох». Висвітлені окремі епізоди історії, які дають яскраве уявлення про одну з найкращих бібліотек України. А ми продовжуватимемо трансформувати бібліотеку відповідно до вимог часу і відчувати задоволення від того, що нові покоління харків'ян будуть інтелектуально зростати в її стінах, опановуючи нові технології отримання знань, формуючи свій інтелект і розвиваючи душу.

До 65-річчя

Черноморець Віталій Олександрович

Народився 4 лютого 1949 року в селищі Пісочин Харківського району Харківської області.

У перший клас пішов у 1956 році, і навчався одночасно у двох школах – загальноосвітній та музичній (клас скрипки). У старших класах грав у духовому оркестрі (альт), співав у шкільному хорі, декілька років відвідував циркову і ІЗО студії.

Із шкільних років захоплювався поезією, але першими публікаціями були прозові замальовки, що були надруковані під час перебування на військовій службі (1968-1976) у газеті «Звезда».

Краєзнавство стало покликом душі Віталія Олександровича. За результатами дослідницької роботи в Харківському обласному державному архіві, в період з 2000 по 2010 рік, головними його роботами стали: «Два портрети», «Дійсний статський радник, дворянин В. В. Шихов» (Харківський історичний

альманах); «З історії будівництва та розвитку Пісочинської Василівської церкви» (журнал «Краєзнавство» Київ); «Дике поле», «Молодість», «Два товариша» (літературно-художній альманах «Харківський міст»); «Колокольних справ майстри Слобожанщини» (Непоседа); «Знамениті дзвони Рижовських майстрів», (Матеріали наукових конференцій). В цілому на його рахунку понад 15 наукових робіт та близько 50 різноманітних публікацій у Харківських газетах.

В 2005 році вийшла його перша книга «Історія слободи Пісочинської» (видав. Константа). А через два роки – «Пісочинський Свято Василівський храм» (видав. Курсор). У 2011 р. – книга «Однокласники». У 2013 р. – книга друга «Історія слободи Пісочинської» з серії «Історія Пісочина».

Також в 2001 році, коли Черноморець В.О. уже був козаком Харківського полку, він створив Пісочинську сотню, а внаслідок територіального розширення – Пісочинський курінь.

Будучи членом Всеукраїнської (згодом – Національної) спілки краєзнавців (з 2000 р.), в 2001 році став організатором свята – День селища. В 2003 році брав участь у захисті цілісності Рижовського парку. В тому ж році втілює у життя ідею заміни розбитого дзвона у Василівському храмі. В 2008 році, за проханням директора національного природного Гомольшанського парку, допомагав в захисті цілісності його території. А в 2009 році був співорганізатором захисту Пісочинського Меморіалу Слави.

За активну творчу та громадську діяльність в 2007 році був прийнятий в творчий союз «Конгрес літераторів України», а в 2008 став членом Міжрегіонального союзу письменників України. У тому ж році став громадським інспектором з охорони культурної спадщини Харківської області. А союз краєзнавців присвоїв йому звання «Почесного члена всеукраїнського союзу краєзнавців». З 2011 р. він почесний громадянин селища Пісочин, лауреат творчої премії Харківського міськвиконкому імені Дм. Багалія.

В. О. Черноморець

ДИКЕ ПОЛЕ

Дике поле – історична назва незаселеної території південно-східного українського степу. Ця назва виникла у XVI ст., коли відбувалася колонізація цього регіону козацтвом після татаро-монгольської навали. У другій половині XVII ст., після заселення його основної частини аж до Чорного моря, термін вийшов з вжитку.

Харківський повіт розташований на межі лісостепу і степу. Південна та східна його частини дають початок степу, а північна і західна – охоплені лісами.

На початку XVII ст. на піщаних ґрунтах Харківщини з появою північних переселенців почали з'являтися соснові ліси. Відповідно до цього, з'явилися й рослини, притаманні їм: мох, лишайник, верес, брусниця, чорниця, а у болотистій місцевості навіть морозка та журавлина.

У тій місцевості, де чорнозем, ліси змішуються. Поміж дубами та березами, а у низинах – між чорною вільхою з'являється горобина та жостір. Далі до дуба примішується клен. Із інших пород до складової лісу входить ясен, берест, осика, липа, зустрічається дика груша, яблуня, а на узліссі – горішник, глід, шипшина та терен.

Трав'яним покривом, особливо на галявах та узліссі, служить коричнева, іноді майже до пояса, волосоподібна осока, що мов оксамитовим килимом сповиває землю. У ці безмежні зарості осокового килиму чудово влітаються фіолетово-сині квіти бурди плющеподібної та зелені пучки гостролистого клену. А довкола розкидані яскраво-жовті квіти пшінки весняної, яскраве серцеподібне листя якого виблискує від сонячних промінчиків, приваблюючи метеликів. Деінде здіймаються суцвіття вероники та молочаю. Немов жовті цяточки на зеленому кущі розмістив свої квіти чистотіл, жовтогарячим соком якого у давні часи позбавлялись бородавок. Петрів Батіг розкинув свої стебельця із заворожуючими своєю блакиттю квітами. А поруч – незабудка, конюшина з різнобарвними маківками. Мов маленькі сонечка виставила голівки квітів кульбаба. Далі казковий килим, немов нічний небосхил, застелило безліч маленьких блакитних зірочок. На прогалинах білими квітами вабить суниця та полуниця. Дещо осторонь здіймаються зозулені черевички, живучка, перестріч, грицики, часничник, звіробой та материнка. Ближче до затінку приваблює сторонній погляд зелено-синій барвінковий килим.

Вздовж дороги, немов облямівка, розстелив своє широке, щедre листя подорожник. У лісових хащах поміж кущами красується фіалка та пролісок. А у курязьких лісах поміж пролісками можна зустріти тісно збиті, немов свічки,

суцвіття медунки, верхня бутонна частина якого червоного, а нижня – синьо-бузкового кольору.

У більш заволожених місцях у цей чарівний килим вплітаються зелені острівці папороті та конвалії. А на луках та біля води, серед різнотрав'я, можна знайти жовтець і безліч дуже ядючих рослин. Облямовує водоймища широколистий айр. А на заплаві, мов острівки з жовтими та білими квітами, розташувалась лілея.

Та це лише частина тих квітів, що від весни до осені росли у пісочинських, рижовських та курязьких лісах.

Поміж цим чудовим витвором природи й над ним копошиться, кружляє та повзає безліч найменших мешканців, що сховались десь у щілини, під листям, чи забились під кору та коріння. Ковирни палицею торішнє листя, побіжать, ховаючись від сонячного проміння, жучки-оленки та довгасті багатоніжки або плескаті карапузики. Більшу кількість цього населення складає різновид гнойовика та мокрушниці.

Дещо більший різновид жуків знаходиться на галявинах, на відкритих сонцю місцях; щохвилини з'являються і знову зникають жуки-пригунці або жужалиці чи хрущі. Пружки та невтомні мурахи постійно тягнуть щось до своєї оселі або переносять кудись свої личинки. Не зважаючи ні на кого, спокійно повзе равлик.

На квітах, збираючи смачний нектар, гудуть бджоли та оси. Уважно оглядаючи кожную пелюстку, кожную маківку, немов важкий тяговик, порається джміль. У легкому чудернацькому танку кружляють різноманітні метелики – кропивниці, білявки, сіточниці та з чарівною окрасою – Адмірал і Павлине Око. Ніби одягнувши скорботне вбрання, у розміреному леті з'являється Жалобниця та інші.

Нерідко у пісочинських лісах можна зустріти невелику звичайну гадюку та схожу на неї, але не ядучу медянку.

На пагорбі чи на камінці, причаївшись, гріється під сонячним променем звичайна ящірка або веретільниця ламка.

А на озерах й болотах, серед водяних мурашок та павуків, можна зустріти звичайного вужа. Значно рідше зустрічається маленька річкова черепаха.

Наприкінці зими відлітають до своїх рідних місць північні мешканці (снігурі, чичотниці), що пересиджували зимову неgodу у наших лісах та садах. А натомість, повертаються синиці, щогли, коноплянки, наповнюючи своїм цвірінканням сільські та міські подвір'я. Не забарився з поверненням й жайворонок, своїм співом сповіщаючи довкілля про закінчення зими. За ним прилітають шпаки. Зручно вмостившись на гілці яблуні чи груші, вправно копіюють котів або імітують хлоп'ячий пересвист.

Згодом, повернувшись до рідного гнізда, чарують нас своїм співом вівсянки.

На вікових дубах рижовського лісу збираються граки і своїм галасом будять лісове царство, яке ще не прокинулось від зимової сплячки.

Зі сталим теплом тягнуться з вирію вутячі та гусячі клини. Інколи, бувало, залітали журавлі чи лелеки, щоб трішки перепочити на місцевих водоймах, а потім летіли далі.

Другу половину травня чарує надвечір'я мелодійний переспів соловейка. А з ранку й до вечора у лісі або ж у садку, кує зозуля. Тоді ж з'являються куріпки, стрепети, перепели, тетерева, бекаси. Кружляють високо у небі, вишукуючи легку здобич, яструби, соколи та орли. Метушиться, співає, цвірінькає весь пташиний світ, радіючи літу.

У річках та озерах вирує рибний гвалт: піскарі, їрші, карасі, щуки, соми та безліч іншої риби.

Тваринний світ теж складав досить велику групу; ламаючи важкопрохідні хащі, шукаючи смачної їжі, пробирався до осель та пасік бурий ведмідь. Об'їдали молоді пагінці лосі. Виривали гострими копитами коріння та збирали жолуді вепрі та зубри. Кружляли на околиці слободи та хуторів вовки й лисиці. Спритно пробирались до курників куниці й тхори. Бігали полохливі зайці. По деревах, перестрибуючи з гілки на гілку, поспішали у своїх справах білки та соболи. А на пустищах виглядали борсуки та бабаки. Будували цілі греблі, перетинаючи слабкі лісові струмки, невтомні бурундуки.

Чарував людське око пісочинський ліс та його околиці. Та у другій половині ХХ ст. завдяки зростанню кількості населення, розвитку промисловості й активній людській діяльності (мисливство та інше), більшість унікальної флори та фауни перейшло до категорії «рідкісних». А такі птахи, як журавель сірий, орел-карлик та пугач, занесені до Червоної Книги України. А чорна лелека, яструб-тювик, скопа, орел-змій, орел степовий, орел-могильник, беркут, орлан-білохвостий, сокіл-балобан, сапсан та дрофа занесені до Червоної Книги колишнього СРСР.

Взагалі, до Червоної книги України внесено 29 видів ссавців, 28 видів птахів, 6 видів плазунів, 4 види земноводних, 18 видів комах та 151 вид вищих рослин.

Дивлячись на це неподобство, мимохіть згадуєш влучні рядки:

*«Как это страшно - умирание рода.
Всех поголовно, всех до одного,
Когда опустошенная природа
Уже не в силах сделать ничего.
И поползет проказа запустенья.
И пересохнут ниточки воды.
И птицы вымрут. И падут растенья.
И зверь не обойдет своей беды.
И сколько тут корысти не ищи ты,
Какой ты оговоркой не владей,
Земля защиты требует. Защиты.
Она спасенья просит у людей».*

С. Островий «Червона книга»

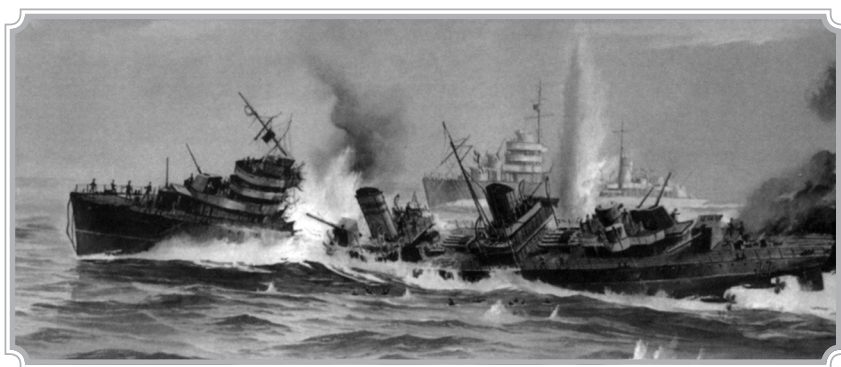
В. А. ЧЕРНОМОРЕЦ

ЕДИНЕНИЕ ДУШ

Ранним июньским утром, когда солнечные лучи слегка коснувшись небосвода впивались своими стрелами в холодные капли росы, а петухи сонно перекрикивались в сельских курятниках, на крыльце старого дома появился хозяин. Выглядел он взъерошенным и усталым. По всему было видно, что ночь для него выдалась не из легких. Немного постояв, всматриваясь в небесную даль, спустился во двор. Подойдя к огромной железной бочке, что стояла возле колодца, снял с плеча полотняную рубашку и рушник, накинул их на сухую рогатину, служившую сушилкой для крынок. Смахнув пригоршней пыльный налет с поверхности воды, глубоко окунул руки вовнутрь. Остывшая за ночь вода приятно обожгла грубое тело. Немного насладившись живительной прохладой, умылся до пояса. Обтершись полотенцем и накинув на себя рубашку, не торопясь, направился к куче сваленной дубовой вырезки. Выбрав самое обхватистое бревно, вытащил, и перенес ближе к сараю. Достав нужный инструмент, ошкурил и снял с него обзол. Закончив обрубку, немного поразмыслив, разметил брус и распилил его на две не равные части. Затем, у меньшего бруса посередине, а у большего повыше сделал пазы так, чтобы они, пересекаясь, могли соединиться. А для прочности, просверлил отверстия для клина.

Когда, по мнению старика, работа была почти готова, взял лопату и пошел по склону в конец усадьбы. Здесь, на краю хутора Олешки, в былые времена несла свои воды, берегами поросшая ивняком и калиной, тихая речка Песочинка. В ее плавнях на зорьке он с сыном любил ловить карасей. А сейчас весь плес был затянутый илом, и лишь небольшой ручеек тихо журчал среди осоки. Здесь у ручья под калиной поставил старик дивный крест.

Все это время хозяйка наблюдала за затеей своего мужа и не понимала что происходит, но, зная крутой нрав хозяина, спросить не решалась. Лишь когда крест твердо стоял на своем месте, она решилась подойти. Тихо на-крапывал дождь. Заметив жену, старик неуклюже положил натруженную руку ей на плечи и, слегка прижав ее к себе, тихо молвил: «Мне сегодня приснился Ваня. Он сказал, что утонул в море...» – и, растворяясь в дождевых каплях, скупая слеза скатилась по морщинистой щеке старика.

Днем раньше, 26 июня 1941 года, менее чем в тысяче километрах от маленького сухопутного хуторка, советский эсминец «Москва» с боем возвращался с задания. Успешно отбомбив румынскую военно-морскую базу Константа, команда торопилась к родному причалу. Маневрируя между водяными столбами взрывов, лидер эсминцев внезапно столкнулся с плавучей миной. Повреждение оказалось настолько серьезным, что спасать его не было смысла. Не успев захватить какие-либо средства спасения, команда спешно покинула корабль.

На борту эсминца связистом служил сын старика-хуторянина старший матрос Иван Олешко. В момент столкновения с миной Иван находился в непосредственной близости к эпицентру взрыва и был ранен. Ему удалось выбраться с охваченной пламенем радиорубки и свалиться в черную морскую лагуну.

Холод сковывал тело, а соленая вода разъедала кровоточащую рану, причиняя при этом невыносимую боль. Сослуживцы по очереди помогали ему плыть, но восьмичасовой марафон после боя изрядно вымотал ребят. Иван понимал, что товарищи с таким балластом как он не смогут доплыть до берега, тем более что от потери крови туманилась голова, и силы покидали его. Прощаясь с друзьями, Иван сказал: «Я больше не могу. Передайте поклон родным в Песочине...», и не успели умолкнуть слова его речи, как черная морская гладь сомкнулась над его головой.

Только через двенадцать с лишним часов после крушения корабля румынский гидро-вертолет подобрал остатки экипажа, который впоследствии был направлен в концентрационный лагерь противника.

P S. – Давно покинул сей бранный мир дед Савка и его жена Екатерина Савельевна. Ушла в небытие почти вся его родня. Лишь на небольшом поросшем густой осокою луге, под пригорком, стоит, наклонившись к ручейку, старый дубовый крест. Редкий прохожий пройдет мимо по узкой, сбегаящей к ручью тропинке, и не остановится, и не задаст себе вопрос: «А кто, и зачем поставил сей крест? Чья тайна хранится в его бытии?»

До 65-річчя

Щербина Елла Борисівна

Доцент кафедри українознавства Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Викладає навчальні дисципліни «Українська мова (за професійним спрямуванням)», «Історія української літератури».

Сфера наукових інтересів – історія, філософія мови, синергетика мови, мовознавча спадщина Харківської лінгвістичної школи.

Автор навчальних посібників, словників, статей у Вісниках Харківського національного університету, Харківського національного фармацевтичного університету, Харківської державної академії дизайну і мистецтв і ін.

Працює над вивченням міжнародного досвіду викладання української мови і літератури.

У 2008 році, під час стажування в Інституті святого Володимира (Канада, м. Торонто) вивчала робочі програми з української мови і літератури у Торонтському університеті, знайомилася з діяльністю фонду імені П. Яценка.

У 2005 році брала участь у розробці держбюджетної теми Мінвузу України «Комп'ютерна лексикографія з дизайну та образотворчого мистецтва».

Науковий керівник – Єрмаков С.С., доктор педагогічних наук, професор.

Здійснює наукове керівництво студентською науковою діяльністю. Щороку у збірках Міжнародних, Всеукраїнських конференцій 40-60 тезів, статей студентів, аспірантів академії.

Готує студентів до участі у Міжнародних конкурсах з українознавства, української мови імені П. Яценка, мови і літератури імені Т.Г. Шевченка.

У 2012 році студентки Харківської державної академії дизайну і мистецтв Бурлака Світлана і Метельницька Дарина отримали дипломи за наукові роботи у фінальному турі з Міжнародного конкурсу з українознавства (м. Київ) і вибороли 1 місце відповідно з української мови та українознавства у Міжнародній Інтернетолімпіаді.

Нагороджена Почесною грамотою Міністерства освіти України, 2 грамотами Головного управління освіти і науки Харківської обласної державної адміністрації і Почесною грамотою Харківського науково-методичного центру охорони культурної спадщини.

Керівник секції «Мовознавча спадщина» (з 2012 р.) міжнародної наукової конференції «Слобожанські читання, що проходить до Міжнародного дня пам'яток та історичних місць, Дня пам'яток і культури».

Основні публікації:

1. Зроби крок до мистецтва. Російсько-український словник основних термінів образотворчого мистецтва і дизайну (у співавторстві). – Харків, 2005. С. 62.
2. Вивчення української мови і літератури у вищих навчальних закладах Канади. Збірка «Матеріали конференції «Проблеми дипломатичних кадрів у часи незалежної України». – Харків, 2008. С. 82 – 85.
3. Нові аспекти і нові технології у лінгвістиці. Збірка Міжнародної наукової конференції «соціально-гуманітарні аспекти педагогіки вищої школи. – Харків.: ХДАДМ, 2008. С. 231 – 233.
4. До проблеми функціонування англіцизмів у сучасній українській літературній мові (у співавторстві з В. Маторіною-Веретенніковою). Вісник Харківського національного університету, № 873. серія філологія. Випуск 58. – Харків, 2009. – С. 31 – 35.
5. Українська мова для студентів мистецьких спеціальностей. Харків.: ХДАДМ. 2009. С. 136.
6. Проблеми мовленнєвої компетенції творчих ВНЗ. Збірка II Міжнародної наукової конференції «Соціально-гуманітарні вектори педагогіки вищої школи». Харків.: ХДАДМ. 2010. С. 211 – 214.
7. Стан формування національної термінології дизайну і образотворчого мистецтва. Збірка матеріалів Всеукраїнської науково-практичної конференції «Гуманітарна складова вищої освіти: проблеми та перспективи». Харківський національний фармацевтичний університет. – Харків, 2011. С. 381 – 384.
8. До проблеми термінології дизайну і образотворчого мистецтва в українській і польських мовах (у співавторстві з К. Распоповою). Збірка Міжнародної науково-методичної конференції «Дизайн – освіта в Україні і сучасний стан, перспективи розвитку та євроінтеграція». Харків.: ХДАДМ. – 2011. С. 75 – 78.

Е. Б. ЩЕРБИНА

СУЧАСНІ АСПЕКТИ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В УМОВАХ ГЛОБАЛІЗАЦІЇ КУЛЬТУРНО-ОСВІТНЬОГО ПРОСТОРУ

Кінець XX – початок XXI ст. ознаменувався ґрунтовним вивченням європейсько-американського лінгвістичного ареалу.

Наприкінці 90-х років XX ст. у мовознавчій літературі закріплюється поняття ареально-лінгвістичного простору, до якого входить Європа, а також фактично обидві Америки і Австралія, де мови об'єднані виразними і історично мотивованими рисами подібності.

У межах цього ареалу відбуваються лінгвістичні дослідження, які розвиваються по 3-х напрямках.

Перший – аналіз складних взаємодій міжмовних і внутрішньомовних чинників з урахуванням ролі і специфіки мовних контактів.

Другим напрямком є соціо- і культуролого-лінгвістичний аспекти досліджень, які покликані описати семантичне, структурне і функціональне співвідношення взаємопов'язаних мов.

Третій – прескриптивний – створення перспективної концепції оптимального розвитку кожної мови, що супроводжується критичним аналізом як теперішніх умов її функціонування, так і моделюванням найближчих і подальших можливостей внутрішньомовного розвитку і відповідності зовнішньо-лінгвістичним міжмовним вимогам.

Учені відзначають, що поряд із традиційним вивченням мови як багаторівневої системи зростає розуміння важливості мовлення як суттєвого компонента у системі демократичних цінностей світу, де громадяни мають виробляти соціально важливі ідеї і обстоювати їх у міжперсональному і діловому спілкуванні, виступати по телебаченню, на презентаціях виставок та інших культурних заходів.

Історичний зв'язок і сучасна взаємодія мов європейсько-американського культурно-лінгвістичного ареалу привели до принципової близькості мов цього ареалу у царині мовлення, яке будується на впровадженні дискурсів, текстів та інш. Відчутну роль у збагаченні мовленнєвих аспектів відіграє інтердисциплінарне вивчення мови у системі філософії, логіки, психології, соціології, етнології, герменевтики, риторики.

Отже, сучасна лінгвістика акумулює в собі певну кількість наукових дисциплін, а перспективою її розвитку є поглиблене вивчення мовної системи з акцентом на мовленні і мовленнєвій діяльності.

Досвід найбільших країн європейсько-американського лінгвістичного ареалу дає переконливі приклади включення в навчальні програми з вив-

чення мов, в тому числі комунікативної етики, лінгвістичних засобів дискусії, ефективного донесення інформації до співбесідника (США) та інш.

Такий досвід допомагає збагатити заняття з лінгвістичної підготовки вітчизняної студентів, що дає можливість вміло використовувати різноманітні мовні засоби, в тому числі мовні засоби психологічного захисту, мовні розв'язання міжособистісних конфліктів, мовні стереотипи писемного розв'язання професійних конфліктів, тощо.

Всі ці засоби сприяють максимальній адаптації студентів до вимог, які ставить перед ними професійна діяльність, відтак майбутні фахівці в процесі лінгвістичної підготовки зможуть оволодіти навичками оптимальної мовної поведінки і діяти в найскладніших комунікативних ситуаціях.

Можна погодитися із мовознавцями, які вважають, що глобалізація відкриває поряд Україною певні можливості для її національного відродження, зокрема в мовленнєвій сфері. Ті процеси, які в нас відбуваються можна схарактеризувати як перехід з безальтернативного російськомовного інформаційного простору в англomовний простір.

Фактично англійська мова стала мовою глобалізації, світовою мовою, і в нинішньому столітті прогнозується посилення її ролі. Англійська мова не загрожує нашій державній, не нівелює територіальні і соціальні діалекти, а цілком нормально співіснує, займаючи свою нішу в електронних засобах масової комунікації, це мова, якою послуговуються в міждержавних стосунках та інш.

Звичайно, певні ризики є, але щоб гармонійно розвивалася українська мова на тлі глобалізації освітніх процесів, треба передбачити випереджувальний процес відродження мови.

Увага до місцевих діалектів, підтримування різних варіантів українських говорів – це запорука ідіотетнічної своєрідності мови. Саме в такому напрямку відбувається мовний розвиток у Польщі, Чехії, Франції, Японії, Китаї. У цих країнах національна мова і культура підтримуються як на загальнодержавному, так і на регіонально-субетнічному рівнях.

Отже, в умовах глобалізації слід враховувати досвід розвитку і орієнтуватися на найкращі надбання історично близьких мов європейсько-американського ареалу, що допоможе оптимізувати власну мовну політику.

ЛІТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В. Українська мова в Європейському контексті. "Мовознавство", №2-3, 1998.
2. Кононенко П., Кононенко Т. Феномен української мови. Проблеми, перспективи історична місія. – К., 1999.
3. Радчук В. Українська мова в контексті глобалізації лінгвосфери. "Українська мова", №3, 2002.

Зміст

Передмова	3
М. А. Фесенко-Мороз	4
Послание к потомкам.....	6
А. А. Иваницкий	21
Алексей Михайлович Иваницкий харьковский фотограф-художник конца XIX-начала XX века.....	24
Хутор.....	30
Порт-Артур (КНР) в мою бытность (1952 – 1955 гг.).....	33
Возрождение и становление Харьковского дворянского Собрания (1992 – 2002 гг.)	38
Конференция в Алушке.....	48
А. С. Булгаков	52
Наследники победы. Вы зачислены воспитанником.....	54
Страницы истории.....	61
В. Д. Берлин	66
Харьковская юность Клавдии Шульженко.....	72
Мастер рассказывания (Э. И. Каминка).....	82
А. И. Булгакова	89
Доноры Харькова – для фронта, для Победы. Осень 43-го – первая половина 1945 гг.	92
«Я поделюсь с тобою кровью» (доноры и донорство по материалам местных газет военных лет).....	106
М. С. Васильева	111
Соколов П. Ф. (1791-1848) – родоначальник акварельного камерного портрета.....	114
П. Ф. Соколов и Слобожанщина.....	132
В. А. Божко	140
Иван Ефимович Саратов.....	142
К. М. Ефимова	145
Воспоминания о сотрудниках Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко 40-60 годов.....	151
Николай Трублаини – украинский Гайдар, романтик Арктики, писатель, боец.....	153
Дети войны о войне.....	156
Н. И. Игнатъев	159
Из плеяды Главных.....	161
І. О. Шудрик	175
Харківський козак, філософ, поет та попередник Григорія Сковороди Семен Климовський.....	178
Жизнь, духовное наследие и мученическая смерть профессора, протоиерея Николая Стеллецкого (к 95-летию его трагической гибели).....	182
Г. В. Матвейшина	193
Коммунальный рынок.....	195
Per aspera ad Astra. Через тернии к звездам.....	198
История кооперации в лицах. Анциферов А. Н.....	202
В. В. Мызгина	205
О выставке «Триптих».....	207
Л. Е. Пономарева	214
С. Е. Лунев.....	216
От реальности к символу.....	232
В. Д. Ракитянська	237
Харківська державна наукова бібліотека ім. В. Г. Короленка за 125 років: найголовніше... ..	239
В. О. Черноморець	247
Дике поле.....	249
Единение душ.....	252
Е. Б. Щербина	255
Сучасні аспекти української мови в умовах глобалізації культурно-освітнього простору.....	257

Наукове видання

Траці пам'яткознавців

Випуск 3

Ювілейна збірка наукових статей
з пам'яткоохоронної роботи

Частина 1

Головний редактор: *І. О. Шудрик*

Комп'ютерна верстка: *В. О. Даниленко*

Обкладинка: *Т. В. Ковалевський*

Тексти подано у авторській редакції

Видання українською та російською мовами

Підписано до друку 07.05.2014

Ум.-друк. арк 16,25. Обл.-вид. арк. 13,0.

Формат 60х84 1/16 Папір ксероксний 80 г/м²

Наклад 100 прим. Зам. № 0874. Ціна договірна.

Видавництво "Курсор"

Україна, 61057, м. Харків, пров. Театральний, 11/13, т. 714-38-74

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи
серія ДК №21 від 24.03.2000 р.

Віддруковано ФОП Гуськов Анатолій Анатолійович,
61057, Харків, пров. Театральний, 11/13,
тел (057) 706-31-73